

ЗЕМЛИ ЮЖНОЙ РУСИ в IX-XIV вв.

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ЗЕМЛИ
ЮЖНОЙ РУСИ
В IX-XIV ВВ.

(История и археология)

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1985

В сборнике представлены работы, посвященные изучению различных аспектов истории южнорусских земель в IX—XIV вв. Прослежена история развития древнерусских восточнославянских городов, показаны их специфика и характерные черты. Материалы, полученные в результате археологических исследований укрепленных пунктов, сельских поселений, могильников, в сочетании с анализом письменных источников позволили осветить вопросы исторической географии, экономики и культуры населения Южной Руси, проследить историю ее взаимоотношений с соседними народами.

Редакционная коллегия

П. П. Толочко (ответственный редактор),
А. А. Козловский,
А. П. Моця (ответственный секретарь)

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике

0505010000-434
3 М221(04)-85 ВЗ-9-2-85

© Издательство «Наукова думка», 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

История и культура южнорусских земель IX—XIV вв. всегда вызывает большой исследовательский интерес. Объясняется он исключительной значимостью этого региона в жизни восточных славян. Здесь родилась русская государственность, возникли первые городские центры, сформировалось ядро древнерусской народности, отстаивались в борьбе с кочевым миром судьбы всей Руси. Многовековое развитие Южной Руси определялось ее органическим единством со всеми восточнославянскими землями, тесным взаимодействием с соседними, в том числе и неславянскими народами.

В центре внимания археологов-русистов продолжает оставаться проблема города. Систематические раскопки ведутся в Киеве, Чернигове, Галиче, Новгород-Северске, Путивле, Белой Церкви, Василькове, Белгород-Днестровском, на днепровских городищах у г. Ржищев, возле сел Щучинки и Зарубинцы. Результаты исследований некоторых из них представлены в этом сборнике.

Городскую тематику открывает статья П. П. Толочко, в которой исследуется проблема происхождения древнейших восточнославянских городов. На основании анализа археологических и письменных источников, а также учета общеисторических закономерностей развития автор утверждает мысль об одновременности процессов рождения восточнославянской государственности и возникновения городов. Вполне определились они уже в конце VIII — начале IX в.

Значительный интерес представляет статья В. П. Петрашенко, в которой помещены материалы многолетних раскопок небольшого городка VIII—X вв. на Среднем Днепре (городище Монастырек) — одного из центров среднеднепровского раннегосударственного образования «Русская земля».

Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей (статья Р. С. Орлова, А. П. Моци, П. М. Покаса), в результате которых обнаружен большой и разнообразный археологический материал, позволили охарактеризовать этот пункт как развитый торговоремесленный, административный и религиозный центр Поросья. К числу важнейших археологических открытий относится обнаружение остатков древнерусского каменного храма в центральной части города. Комплекс Яблоновского курганного могильника свидетельствует о значительной роли Юрьева в обороне южнорусской границы.

В статьях Г. А. Вознесенской и В. П. Коваленко, Н. В. Блажевич, Д. П. Недопако и Я. Н. Пролеевой, а также П. С. Пепяка рассматриваются вопросы ремесленного производства. В первых двух представлены результаты структурного анализа кузнечных изделий соответственно городов Чернигово-Северской земли и днепровских городищ Чучина и Ивана, в третьей — сделан вывод о начале сложения на Руси в XI—XIII вв. ремесленных организаций цехового типа. Тематически примыкает к этой группе и статья В. А. Куницкого, в которой рассматриваются художественные изделия из новых раскопок Белгорода-Днестровского.

Две статьи сборника посвящены истории Нижнего Поднепровья. Осуществив анализ «русских» названий днепровских порогов Константина Багрянородного, М. Ю. Брайчевский пришел к интересному выводу о глубокой древности этих названий и непосредственно к их образованию норманнов, появившихся на Нижнем Днепре только в IX в. А. А. Козловский, используя археологические, антропологические и письменные источники, показал разнотипный характер населения Нижнего Поднепровья IX—

XIV вв. с преобладанием славянского компонента.

Юго-восточным соседям Древней Руси — племенам салтовской культуры посвящена статья О. В. Пархоменко. Основываясь на материалах поселения VIII—X вв. у с. Жовтневое на Северском Донце, автор высказывает предположение о болгарском этническом

облике его обитателей, переселившихся в эти места из Приазовья или Предкавказья.

В небольшой статье Е. А. Брайчевской собраны летописные данные о древнерусском мужском костюме X—XIII вв., а в работе А. П. Моци представлены новые сведения о сухопутном торговом пути из Булгара в Киев.

П. П. Голочко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОРОДОВ

Проблема происхождения древнейших восточнославянских городов, несмотря на постоянный к ней исследовательский интерес, нуждается в дальнейших разработках. Как показывает опыт отечественной историографии, многие трудности в ее решении обусловлены не только неполнотой источниковой базы, но и теоретической неопределенностью социальной сущности раннегородских образований, неразработанностью механизма процессов их вызревания. Нередко это приводит к подмене предмета исследования. Вместо изучения процессов зарождения городских форм жизни историки пытаются определить ту неуловимую грань, после которой города уже существуют в классических для русского феодального средневековья формах.

Многие исследователи, отмечая, что летописные термины «град» или «город» не раскрывают социального содержания конкретного населенного пункта, не склонны видеть в каждом из них действительно городские центры. «Настоящими» городами были только те, которые выполняли в системе феодальных отношений целый комплекс функций — экономических, политических, административных, культурных¹. Наряду с понятием «настоящий» в исторической литературе имеется понятие «типичный» древнерусский город, объединивший в себе следующие элементы: крепость, дворы феодалов, ремесленный посад, административное управление, церковь².

Если бы исследователи при определении ранних древнерусских городов строго придерживались выработанной ими же модели, то вынуждены бы-

ли бы признать, что ни «настоящих», ни «типичных» в IX и даже в X в. на Руси еще не было. Собственно, именно это и утверждает И. Я. Фроянов³. Но подобный подход к проблеме не историчен. «Настоящими» города были не изначально, а становились в результате длительной эволюции. В период своего зарождения они не могли обладать полным набором функций феодального города. В исторической литературе последних лет (особенно в работах археологов) утвердилось мнение, что города были прежде всего центрами ремесла и торговли⁴. В качестве обязательной предпосылки их становления выступают более ранние ремесленные поселения⁵. В связи с этим принципиально важное значение приобрел и вопрос о городских посадах. Наличие или отсутствие таковых для большинства исследователей является основным критерием определения социальной сущности того или иного населенного пункта.

Не умаляя роли ремесла и торговли в становлении древнерусских городов, отметим, во-первых, что эти отрасли развивались почти исключительно в рамках вотчинного (государственного) сектора экономики, а не на свободной городской основе и, во-вторых, что они целиком зависели от уровня развития сельского хозяйства. Последнее, как отмечал Ф. Энгельс, вплоть до позднего средневековья «было все еще главной отраслью производства»⁶. Города, будучи центрами административного управления определенной сельскохозяйственной округой и местами проживания феодальной (феодализирующейся на ранних этапах) знати, со времени своего возникновения имели одну

из существеннейших экономических функций отчуждения (и перераспределения) прибавочного продукта земледелия.

Успехи в исследовании проблемы генезиса ранних восточнославянских городов во многом зависят от того, насколько правильно понимается соотношение таких важных исторических явлений, как город и государственность. На первый взгляд здесь все ясно. Тезис о тесной взаимообусловленной связи между возникновением древнейших восточнославянских городов и зарождением государственности, в принципе, не подвергается сомнению. Исследователи, занимающиеся выяснением вопросов происхождения того или иного города, ставят их в зависимость от решения общей проблемы: когда же начинаются города на Руси?

Однако в такой постановке вопроса заключена и определенная методологическая ошибка, предполагающая не одновременную связь этих исторических явлений (формирования государственности и зарождения городов), а последовательную: сначала появилось государство, а затем начали возникать города. В действительности это был двуединый процесс, корни которого уходят в переходную эпоху общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян.

Отметим, что, несмотря на региональные отличия и различную интенсивность, исторические процессы протекали на территории расселения восточных славян и их непосредственных соседей в сходных условиях и характеризовались рождением более-менее одинаковых общественных структур. Это позволяет рассматривать проблему происхождения древнейших восточнославянских городов в контексте европейского исторического процесса в средневековую эпоху. Наиболее близкие аналогии наблюдаются в истории западных славян.

1. **Славянские грады VI—VIII вв.** «Повесть временных лет» летописца Нестора, являющаяся главным источником ранней истории восточных славян, в вводной части дает яркую картину не только их этногеографии, но и уровня общественно-политического раз-

вития. Перечисляя отдельные восточнославянские группы, Нестор называет их поименно — поляне, древляне, северяне, дреговичи, словене, вятичи и др., а там, где пытается определить их социальную сущность, — княжениями. После смерти полянского князя Кия, замечает летописец, «почаша родъ ихъ княженъе в поляхъ, а деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане»⁷. «Род» здесь, вне всякого сомнения, выступает в понимании династии.

Исследователи уже сравнительно давно пришли к единому мнению, что летописные племена представляли собой не мелкие родовые, а крупные территориальные объединения — союзы племен или союзы союзов и что находились они на этом этапе развития уже в VI—VII вв. Археологические исследования восточнославянских древностей позволяют значительно дополнить и конкретизировать летописные характеристики. Практически каждому летописному племени соответствуют своя археологическая культура, памятники которой занимают огромные территории. Согласно расчетам Б. А. Рыбакова⁸, Русь VI—VII вв., определяемая ареалом распространения древностей русов, занимала пространство около 200 тыс. км².

Процессы консолидации восточнославянских племен, протекавшие в условиях постоянной военной опасности со стороны кочевников, вызвали к жизни новую форму поселений. В летописи они названы «градами». В рассказе Нестора об основании Киева читаем: «И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго». Говоря об уличах, летописец отмечает, что они сидели по Днепру до моря «и суть грады ихъ и до сего дне». Летопись не раскрывает, что представляли собой эти первичные «грады». Можно лишь предполагать, что они были административно-политическими центрами союзов племен, а также крепостями в пограничных районах. Недостаточность письменных данных компенсирует археология, открывая остатки этих «градов» практически на всей территории расселения восточных славян. Типологически все

они очень близки между собой: занимают высокие мысовидные террасы коренных берегов рек, небольшие по площади и хорошо укреплены земляными валами и деревянными стенами.

Изучение восточнославянских «градов» VI—VIII вв. (Киев, Чернигов, Зимно, Пастырское, Хотомель, Колочин, Тушемля, Изборск, Псков и др.), как и синхронных им неукрепленных поселений, позволяет прийти к выводу о нарастании количественных и качественных изменений в хозяйственной жизни восточнославянских племен.

Значительный прогресс наблюдается в основной отрасли производства — земледелии. Достигался он, главным образом, при помощи усовершенствования орудий обработки почв и уборки урожая. На поселениях найдены железные наральники, сошники, чересла, мотыги, серпы, косы. Причем форма многих из них, сложившаяся в третьей четверти I тыс. н. э., не претерпела сколько-нибудь существенных изменений и в последующие века. Сказанное относится в первую очередь к широколезвийным наральникам, череслам, серпам, косам-горбушам⁹.

Усовершенствование орудий земледелия позволило значительно расширить площадь запашных угодий, а следовательно, увеличить объем производимой продукции. Найденные на поселениях зерна злаков, их отпечатки на глиняной посуде, обмазке стен жилищ свидетельствуют, что восточные славяне выращивали почти все известные сегодня культуры — твердую и мягкую пшеницу, рожь, ячмень, просо, горох, бобы, коноплю и пр.¹⁰

Важное место в хозяйственной жизни восточных славян занимало животноводство, зиждившееся на относительно высокоразвитом земледелии. Osteологический материал, происходящий из поселений третьей четверти I тыс. н. э., показывает, что восточные славяне разводили крупный рогатый скот (более 50 % костей), свиней, лошадей, коз, овец.

Заметные изменения происходят и в области ремесленного производства восточных славян. Наиболее существенны они в металлодобыче и металлообработке, то есть тех отраслях, кото-

рые находились в определенном хозяйственном единстве и взаимодействии с земледелием. Остатки этих производств обнаружены на многих поселениях. Особый интерес представляют два центра по добыче железа. Один из них, у с. Григоровка на Винничине, датируется VIII—IX вв., другой, у с. Гайворон на Южном Буге, VII—VIII вв.¹¹ Большое число железоплавильных горнов (в Григоровке — 30, в Гайвороне — 25) дает основание предполагать значительную производственную мощность этих центров, обеспечивавших железом ближайшую сельскохозяйственную округу. По мнению Г. А. Вознесенской, существование таких центров свидетельствует о растущем разделении труда, наличии рабочего коллектива, имеющего профессиональные навыки, о расширении рынка сбыта металлургической продукции. Последнее подтверждается находками товарных полуфабрикатов железа, встречающихся на славянских поселениях (Зимно)¹².

Подъем в области железнодобывающего производства обусловил определенные сдвиги и в области железообработки. В VII—VIII вв. в отдельных районах восточнославянского мира, главным образом в южном регионе, происходит обособление кузнечного дела от металлургии¹³. Подтверждением этого являются отчетливые следы кузнечного производства, открытые в Зимно (набор кузнечных инструментов) и Пастырском (остатки кузницы и набор кузнечных инструментов). Технологическое изучение продукции из славянских поселений свидетельствует о том, что, несмотря на увеличение объема производства в VI—VII вв., в технике кузнечного дела по сравнению с предшествующим временем существенных изменений не произошло¹⁴.

Менее развитой и распространенной отраслью ремесла третьей четверти I тыс. н. э. на восточнославянских землях было ювелирное дело. И все же находки изделий из серебра, меди и сплавов, обнаружение остатков мастерских в Зимно, Пастырском, на других поселениях свидетельствуют об определенных успехах и в этой области.

Славянские ювелиры умели отливать браслеты, гривны, фибулы, перстни, поясные бляшки, пряжки; были знакомы с искусством зерни.

Отмечая определенные успехи в хозяйственном развитии восточных славян VI—VIII вв., нельзя впасть в модернизацию исторического процесса, как это наблюдается в некоторых работах. «Во второй половине I тыс. н. э. наряду с работой на заказ,— пишет В. В. Седов,— ремесленники начинают производить продукцию для рынка, то есть на продажу, причем заметен рост продукции, изготовленной на продажу. Это способствовало возникновению специализированных поселений, где жили и работали преимущественно ремесленники, работавшие для рынка. Эти поселки становились сосредоточением внутренней, а в отдельных случаях и внешней торговли. В отличие от открытых, лишенных укреплений рядовых поселений или ремесленных пунктов, каким, например, был Григоровский железоделательный центр, на этих поселениях сооружаются укрепления»¹⁵.

Населенных пунктов, на которых бы проживали преимущественно ремесленники, работавшие на рынок, в VI—VIII вв. еще не существовало. Ремесленное производство раннесредневековых «градов» зиждилось на общинной основе, работало, главным образом, на заказ и обслуживало потребности очень небольшой округи. Товарность его находилась в зачаточной стадии. К тому же не ремесло было основой хозяйственной деятельности обитателей укрепленных поселений. Таковой с полным основанием следует считать сельскохозяйственное производство. Не случайно ведущую категорию находок на укрепленных поселениях составляют, как правило, орудия обработки поля и уборки урожая. Даже на Пастырском поселении, являвшемся, по мнению ряда ученых, наиболее крупным и развитым центром ремесла, в большом количестве обнаружены орудия, связанные с земледелием и скотоводством: лемеха плугов, наральники, косы, серпы, лопаты, ножницы для стрижки овец.

Не следует преувеличивать и сте-

пень развитости рыночных связей в восточнославянском обществе VI—VII вв. В это время они только завязываются, да и то на уровне обмена. В активную торговлю восточные славяне вовлекаются лишь во второй половине VIII в., когда на их земли широким потоком хлынуло восточное серебро¹⁶.

Автором этих строк лет 10—15 назад было высказано предположение, что весь комплекс археологических находок, происходящих из городищенских центров VI—VII вв., свидетельствует о присутствии на них ремесленников и представителей высших слоев общества¹⁷. Многими исследователями оно было встречено критически. Чехословацкий археолог Б. Достал назвал его дискуссионным¹⁸.

Относительно вопроса о существовании ремесленников на укрепленных поселениях третьей четверти I тыс. н. э.— то никакой дискуссионности в нем нет. Вывод был сделан на основе анализа конкретных археологических фактов. Намного сложнее вопрос о существовании в это время высших слоев общества. Теоретически все ясно. Византийские источники VI—VII вв. неоднократно упоминают славянских вождей, называя их латинским термином гех. Русские летописи говорят о княжениях полян, древлян, северян и других славянских племен, следовательно, также отмечают наличие племенной знати. Наконец, свидетельством о выделившейся верхушке восточнославянского общества являются клады ювелирных изделий, обнаруженные в южных районах расселения восточных славян. Логично предположить, что именно укрепленные «грады» и были средоточием выделявшейся и узурпировавшей власть племенной знати.

Определенные основания для такого вывода дают и археологические материалы, обнаруженные во время раскопок славянских «градов» VI—VIII вв. Практически на каждом из них находили в значительном количестве ювелирные изделия — серебряные браслеты с утолщенными концами, серебряные серьги, бронзовые подвески. Известия дореволюционной киевской прессы о находке семи серебряных

браслетов с утолщенными концами (шестиугольными и круглыми) «в Старом городе, за Софийским собором», дают основание предполагать, что происходят они из одного комплекса, возможно, клада¹⁹. Три клада ювелирных изделий VI—VIII вв. обнаружено на Пастырском городище.

Кроме серебряных украшений свидетельством проживания племенной знати в «градах» являются и предметы вооружения. В Зимно найдено 36 наконечников стрел, 17 копий, 3 сулицы, 1 чекан. Находки предметов вооружения встречены в Хотомеле, Колочине, на Пастырском городище. Все это говорит о формировании в славянском обществе VI—VIII вв. профессиональных воинов-дружинников, местами проживания которых являлись «грады».

Следует обратить внимание еще на одно явление, связанное с жизнью древнейших укрепленных центров и выделявшее их среди синхронных поселений округи. Речь идет о языческих святилищах, исследованных в Киеве, Тушемле и на некоторых других поселениях. Они свидетельствуют, вероятно, о формировании в восточнославянской среде крупных племенных и межплеменных сакральных центров.

Итак, что же представляли собой восточнославянские «грады» и каково их отношение к древнерусским городам феодальной эпохи? Ответ на этот вопрос будет более полным, если мы сопоставим их с аналогичными «градами» западных славян, общественное развитие которых характеризовалось теми же закономерностями, что и восточных. Древнейшие письменные свидетельства о славянах в Средней Европе, содержащиеся в «Хронике Фредегара», позволяют утверждать, что уже в VI—VII вв. западнославянское общество переживает значительные изменения. В 623 г. произошло объединение моравов и словаков в межплеменной союз Само, создано обширное территориальное образование, в состав которого вошли земли Моравии, Западной Словакии и Нижней Австрии²⁰. Одержав победу над аvaraми и, по существу, положив конец их господству, Само превратилось в важнейший центр политической и экономической жизни

Средней Европы. Под его властью оказались пути, по которым велась торговля с аvaraми, Италией и Востоком, что благоприятно сказывалось на экономическом развитии. Усиление Само вызвало беспокойство и противодействие соседнего Франкского государства²¹.

Рождение крупного межплеменного союза Само не было вызвано лишь необходимостью борьбы с аvaraми, а позже и Франкским королевством. Причины образования этого союза лежали в социально-экономическом и культурном развитии западных славян. Наблюдается значительный прогресс в области ремесленного производства, способного обеспечить отдельными видами продукции широкий круг потребителей. В сельском хозяйстве, особенно в плодородных областях западнославянского мира (например, Моравская и Нитранская котловины), характерно использование совершенных пахотных орудий, в том числе плуга.

Аналогичные процессы, вероятно, происходили и на территории Польши. Поляне, мазовшане представляли собой крупные территориальные объединения — союзы племен с зачатками политической организации. О формах этой организации в определенной степени позволяет судить легенда о Краке, рассказанная в хронике Кадлубки, имеющая элементы исторической традиции. Крак, в представлении Кадлубки, стоял на рубеже двух эпох — племенной и государственной — и олицетворял рождение политической власти. Не случайно некоторые историки считали возможным видеть в этой легенде историческую параллель с известиями Фредегара о Само²².

Одним из важнейших проявлений процессов политической консолидации западных славян VI—VII вв. явилось строительство укрепленных центров — «градов»²³. Исследователи совершенно справедливо видят в них не только крепости, за стенами которых укрывалось население от вражеских нападений, но и центры, где концентрировалась власть.

Определяя социальную сущность моравских «градов» VI—VIII вв., З. Клана ставит их в один ряд с аналогичными поселениями в Польше (Шели-

ги), на территории ГДР (Торнов), СССР (Тушемля)²⁴.

Г. Ловмянский, исследуя начало древнепольской государственности, писал, что за Вислой мазовецким Краковом стал Плоцк, заложенный в районе древних политических традиций. Под Плоцком уже в VI—VII вв. в городке Шелиги существовало важное политическое средоточие²⁵. Открытие «градов» VI—VIII вв. позволило Г. Лабуде высказать предположение, что они представляют собой первый этап в развитии древнейших польских городов²⁶.

Руководствуясь известным положением Ф. Энгельса о городах, сделавшихся «средоточием племени или союза племен»²⁷, многие исследователи считали, что «племенную» стадию развития прошли и старейшие русские города. С. В. Юшков называл поселения — предшественники феодальных городов, племенными центрами; Н. Н. Воронин — старыми дофеодальными поселениями; В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов — родоплеменными городами²⁸.

При кажущемся единстве взглядов названных историков в действительности между ними имеются весьма существенные различия. С. В. Юшков, основываясь на материалах археологических исследований роменско-боршевских городищ, датировал племенную стадию в жизни древнейших древнерусских городов VIII—IX вв.²⁹ И. Я. Фроянов полагает, что эта фаза в развитии городов-государств продолжалась до конца X — начала XI в., когда в основном завершается распад родоплеменных отношений³⁰.

Последнее утверждение явно противоречит фактам и вряд ли нуждается в критическом разборе. С. В. Юшков, не располагавший еще той суммой источников, которая накопилась к настоящему времени, был значительно ближе к истине. Новые исследования показывают, что существование так называемых племенных центров относится к VI—VII вв. Собственно, аналогичный вывод был сделан С. А. Таракановой в 50-е годы на материалах раскопок Псковского городища³¹.

Думается, что определение ранне-

средневековых восточнославянских «градов» как племенных центров, получившее широкое признание в последние годы, весьма условно. Оно не раскрывает их социальной сущности. На данном этапе исследований ясно, что это явление относится не к первобытнообщинной эпохе в истории восточных славян, а к переходному этапу их общественного развития, характеризовавшемуся рождением социально-классовых отношений. Несмотря на естественную для переходных эпох многоукладность, сосуществование старых и новых структур, рассматривать то или иное историческое явление необходимо на базе новой (рождающейся) закономерности.

В свое время П. Н. Третьяков применил по отношению к раннесредневековым племенным или межплеменным центрам термин «эмбрион города»³². Думается, что это определение наиболее точно выражает социальную сущность «градов» VI—VIII вв. В них была заложена возможность перерастания в феодальные города, которая, однако, далеко не всегда реализовывалась. Многие из них так и не стали городами: были сожжены кочевниками или же оставлены поселенцами в связи с изменившимися условиями жизни.

Существование «градов» VI—VIII вв., являвшихся важнейшими элементами общественно-политической организации восточнославянского общества, исторически обусловило возникновение и развитие первых древнерусских городов. Поиски их истоков в племенных «градах» VI—VIII вв. в такой же мере оправданы, как и поиски истоков древнерусской государственности в племенных «княжениях», с которых летописец Нестор начал историю государства Руси.

2. Древнейшие города VIII—IX вв. Процессы политической консолидации и социально-экономического развития восточнославянского общества, обозначившиеся в VI—VII вв., значительно ускорились в конце VIII—IX вв. Именно в это время, по свидетельству письменных источников, в Среднем Поднепровье, на базе бывших племенных княжений — полянского, северянского, древлянского, дреговичского, слож-

лось государственное объединение «Русская земля» во главе с Киевом³³. Известия о нападениях руссов на византийские владения, расположенные вдоль Черноморского побережья, содержащиеся в житиях Стефана Сурожского и Георгия Амастридского, а также о русском посольстве 838—839 гг. в Константинополь, сообщенные епископом Пруденцием в Бертинской хронике, не оставляют сомнений в существовании на берегах Днепра крупного государства³⁴.

Б. А. Рыбаков, проанализировав восточные географические сочинения, в том числе и «Худуд ал-Алам», источники которых восходят к началу IX в., а также институт «полюдьа» киевских князей, пришел к выводу, что в Среднем Поднепровье возник своеобразный вариант раннефеодального государства с верховной собственностью на землю, вассалитетом, основанным на земельных владениях и с широким круговоротом прибавочного продукта³⁵.

Аналогичную фазу общественно-политического развития переживали в это время моравы и словаки, образовавшие Великоморавскую державу; чехи, объединившиеся в государстве Пржемысловичей; поляки, создавшие крупное раннегосударственное объединение с центром в Гнезно³⁶.

Создание Киевской Руси на рубеже VIII—IX вв. явилось результатом сложного переплетения факторов общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян. Анализ всех источников (письменных и археологических) показывает, что в VIII—IX вв. активно проходил процесс феодализации общества. Согласно исследованию Б. А. Рыбакова, основанному на анализе восточных известий, социально-политическая стратификация Руси выглядела следующим образом: «великий князь», «светлые князья», «всякое князье», «великие бояре», «бояре», «гости-купцы», «люди», «челядь»³⁷. Практически такую же картину рисуют нам и русские летописи. Древлянское общество состояло из простых людей, «делающих нивы земли своя», «лучших» и «нарочитых» мужей, князей.

Местом проживания феодализирую-

щейся знати уже в VIII—IX вв. были укрепленные «грады», в которых, по предположению П. Н. Третьякова и Б. А. Рыбакова, следует видеть замки, центры вотчинного хозяйства. Высказанная ими мысль, подтвержденная раскопками городища Поганско в Моравии, как будто бы не обосновывается материалами раскопок восточнославянских городищ. Б. А. Тимошук, исследовавший около десяти городищ VIII—IX вв. в Среднем Поднепровье, ни в одном из них не смог увидеть остатки феодального замка. Основная причина заключается в открытии на городищах больших общественных домов³⁸. Подобный вывод обусловлен неверным представлением о характере феодальной усадьбы, на которой якобы не должно быть места большим постройкам культового или какого-либо другого назначения. Полное исследование феодальной усадьбы IX в. на городище Поганско, осуществленное Б. Досталом, показало, что она представляла собой большой (около 8000 м²) двор, огражденный дубовым частоколом и застроенный значительным количеством зданий. Среди них были и большие наземные дома столбовой конструкции площадью до 110 м², служившие, по предположению исследователя, местом проживания или сбора дружины, а также амбарами, где хранились хозяйские продукты и оброки, собранные от подданного населения. Здесь же находились и объекты культового характера³⁹.

Раскопки городищ VIII—IX вв., обнаруживающие почти на каждом из них относительно многочисленные предметы вооружения, дают основание утверждать, что в это время активно происходил процесс формирования дружинного сословия, представлявшего собой независимую от общины военную силу.

Изменения в общественно-политическом развитии восточных славян VIII—IX вв. обуславливались дальнейшим прогрессом в сфере экономики, увеличением объемов прибавочного продукта. Особенно возросла продуктивность сельского хозяйства. Археологи отмечают повсеместное увеличение площадей земледельческих посе-

ний, а следовательно, и запашки. Длительная эксплуатация одних и тех же участков была возможна только в условиях двухпольной системы земледелия. Значительно улучшилось техническое обеспечение земледелия. В VIII—IX вв. широкое распространение получает тяжелое рало или плуг. Железные лемехи и чересла обнаружены на городищах Новотроицкое, Титчиха, Хотомель, Плиснеское, на поселении Пеньковка и др. Тяжелое рало-плуг значительно улучшило обработку почв, а главное, резко увеличило производительность земледельческого труда. И, видимо, не случайно именно это пахотное орудие, именуемое летописью то ралом (статья 965 г.), то плугом (статья 981 г.), явилось окладной единицей.

Важные сдвиги произошли и в ремесле. Оно уже концентрируется на отдельных поселениях. Так, во время раскопок Добрынинского городища IX в. (Северная Буковина) удалось проследить остатки девяти ремесленных мастерских по обработке металла, изготовлению и обжигу керамики, обработке кож и пр.⁴⁰ Отчетливые следы ремесленного производства выявлены в Изборске, Старой Ладоге, Гнездово, Темерево. Будущие раскопки, несомненно, умножат число таких поселений.

Заметно возрос общий потенциал ремесла в VIII—IX вв., что создало благоприятные предпосылки для выхода части его продукции на рынок. И, наконец, самой важной характеристикой ремесла этого времени является технический прогресс, что хорошо прослеживается в металлообработке. Изучение клада железных вещей, происходящих из поселения VIII—IX вв. Макаров Остров (на Тясмине), показало, что славянские кузнецы владели поверхностной и сплошной цементацией, сваркой железа и стали в одном изделии. Эта технологическая новинка значительно увеличила производительность труда и надолго определила развитие кузнечной технологии⁴¹.

Успехи сельскохозяйственного и ремесленного производства содействовали укреплению рыночных связей, которые, в свою очередь, оказывали

стимулирующее влияние на развитие этих основных отраслей экономики. «Определенное производство,— писал К. Маркс,— обуславливает, таким образом, определенное потребление, распределение, обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*. Конечно, и производство в его *односторонней форме* определяется, со своей стороны, другими моментами. Например, когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства и становится глубже его дифференциация»⁴².

Анализ письменных и археологических источников показывает, что в VIII—IX вв. значительно возросли масштабы международной торговли Руси. Одним из главных ее направлений уже со второй половины VIII в. являются страны Востока — Хазария, Волжская Болгария, Средняя Азия, Иран и др. Отсюда на Русь поступали серебряные монеты, которые, как считает В. Л. Янин, в это время распространились не только в отдельных районах Восточной Европы, но и по всей территории расселения восточных славян⁴³.

С IX в. Русь начинает проявлять интерес к черноморским рынкам, свидетельством чего являются, видимо, походы русских дружин в Крым и Амастриду. Уже в годы княжения Аскольда русско-византийские торговые отношения осуществлялись на юридически договорной основе⁴⁴. Активно функционировал торговый путь «от Грек». В IX в. на Руси происходит третье разделение труда, появилось сословие купцов, которые занимались исключительно обменом товаров. Свидетельство этому — упоминания древнерусских и иностранных источников о русских купцах, находки кладов монет VIII—X вв., а также погребений представителей купечества.

Таким образом, приведенные факты позволяют утверждать, что развитие производительных сил и производственных отношений в восточнославянском обществе конца VIII—IX в., несмотря на сохранявшиеся старые структуры, определялось феодальной формационной системой. Порождением ее были: государственная организация,

социальная дифференциация населения, соседская или территориальная община, вотчинное хозяйство, концентрация ремесленного и торгового труда, города.

Взаимообусловленность и хронологическая одновременность рождения новых структур на теоретическом уровне как будто не вызывает сомнений. Практически нередко исследователи выстраивают эти явления в последовательный ряд. Проблема происхождения древнейших восточнославянских городов — яркий тому пример. В ее решении создалась парадоксальная ситуация. Принимая тезис, согласно которому русская государственность сложилась в конце VIII — начале IX в.⁴⁵, исследователи не видят возможности говорить о древнерусском городе раньше конца IX—X в.⁴⁶

Здесь явно нарушается принцип системности анализа. Государство не абстракция. Этот институт состоял из многих структур, из которых важнейшей был город. Признавая существование одного явления, мы тем самым, по логике системности, должны признавать и существование другого.

Издержки анализа — это лишь одна сторона проблемы. Другая заключена в отсутствии четкого представления, каким был древнейший восточнославянский город. Согласно большинству современных исследователей, это, прежде всего, ремесленно-торговый центр, где преобладающим населением были ремесленники и купцы. А поскольку местом их проживания является посад, то именно он и был тем элементом, который определяет характер городского поселения. При этом, как правило, следует апелляция к авторитету М. Н. Тихомирова. Исследователь действительно считал появление городских посадов важным явлением в жизни русских городов, но нигде не говорил, что только с них и начинается их история. Наоборот, отмечая, что «территория русских городов IX—X вв. в основном вмещалась в пределы небольших крепостей — «детинцев», он предполагал существование ранних городов и без посадов⁴⁷.

Если представить себе древнейшие русские города преимущественно тор-

гово-промышленными средоточиями, то вполне можно согласиться с исследователями, утверждающими, что таких городов в IX в. еще не было⁴⁸. Здесь все логично и понятно. Не понятно другое, как тем же исследователям удается обнаружить их в X в. При строгом следовании торгово-промышленной модели города результат поиска и для этого столетия окажется отрицательным. Даже Киев не подойдет под такое определение. Попытки поиска городов бюргерского типа заведомо обречены на неудачу. Таких на Руси в IX—XIII вв. вообще не существовало.

Древнейший древнерусский город был другим: в своей основе аграрным, целиком обязанный рождением и развитием сельскохозяйственной округе. Эта естественная связь между возникновением городов и развитием земледелия выявлена уже С. В. Юшковым. Русский город, согласно историку, был для волости или совокупности волостей прежде всего феодальным центром; сборным пунктом для военных сил данной округи, административно-финансовым центром⁴⁹. Исследования М. Н. Тихомирова показали, что большинство древнейших городов возникло в районах, благоприятных для сельского хозяйства и с плотным земледельческим населением⁵⁰. Б. Д. Греков отмечал, что древнейшие русские города являлись политическими, военными и административными центрами, а также опорными пунктами феодального владения⁵¹.

Формирование древнерусского города как центра феодального владения не является какой-либо специфической чертой восточнославянской истории.

Такой путь сложения города характерен и для других народов, где образование раннеклассовых структур происходило на основе последовательного внутреннего развития. Исследуя формы городской жизни в Великой Моравии, Б. Достал пришел к выводу, что развитие ранних городов осложнялось концентрацией на них правящих слоев, а ремесло развивалось скорее в рамках их хозяйственных дворов, чем на свободной городской основе⁵².

Разумеется, аграрность древнейших русских городов не исключала концентрации в них ремесленного производства, но последнее было еще очень не развито и на первых порах, вероятно, целиком находилось главным образом в лоне редиистрибутивной системы.

Анализ письменных и археологических источников убеждает, что ранний русский город являлся важнейшей структурой государственности, на первых порах, по существу, равный ей. По мнению Б. А. Рыбакова, государственность в ее четкой форме возникает лишь тогда, когда сложится более или менее значительное количество центров, используемых для утверждения власти над массой общинников⁵³.

Древнерусские летописи называют для IX — первой половины X в. 16 городов: Киев, Новгород (862 г.), Ростов (862 г.), Полоцк (862 г.), Ладога (862 г.), Белоозеро (862 г.), Муром (862 г.), Изборск (862 г.), Смоленск (882 г.), Любечь (882 г.), Псков (903 г.), Чернигов (907 г.), Переяславль (907 г.), Пересечен (922 г.), Вышгород (946 г.), Искоростень (946 г.). Думается, что приведенный список не исчерпывает действительно количества ранних русских городов. Г. Г. Литаврин, обратив внимание на противоречащее число русских послов (22), названных в договоре 944 г. и принимавших участие в поездке Ольги в Константинополь, высказал предположение, что они представляли интересы 22 городских и одновременно крупных административных центров⁵⁴.

Когда же сложились эти центры? Конечно же, не в год упоминания летописью. Большинство названных городов существовало уже в IX в., а некоторые, вероятно, и в последних десятилетиях VIII в. Археологические исследования Киева, Чернигова, Ладоги, Пскова, Полоцка, Любеча, Изборска, а в последние годы и Галича обнаружили достаточно отчетливые культурные слои VIII—IX вв. В некоторых древнейших городах (Новгород, Смоленск, Ростов) материалы этих веков пока не выявлены, но зато рядом с ними хорошо известны раннегородские поселения VIII—IX вв. — Рюриково городище, Гнездово, Сарское городище. Явля-

лись ли они непосредственными предшественниками Новгорода, Смоленска и Ростова, как думают одни исследователи, или были своеобразными спутниками этих городов на раннем этапе их истории, как полагают другие, сказать трудно. Ясность в этот вопрос внесут будущие раскопки. Однако при любом его решении бесспорным останется вывод, что и Рюриково городище, и Гнездово, и Сарское городище сыграли важную роль в становлении старейших русских городов — Новгорода, Смоленска, Ростова.

Выше отмечалось, что летописный термин «град» не всегда раскрывает социальную сущность конкретного населенного пункта. Но из этого не следует делать вывод, что летописцы вообще не вкладывали в термин «град» социального содержания, а имели в виду лишь наличие у поселения укреплений. Анализ письменных известий о древнейших русских городах показывает, что летописцы видели в них не только укрепленные поселения, но, главным образом, центры государственной власти, экономического средоточия.

Вспомним, каким принципиально важным для древнерусского летописца был вопрос о социальном статусе основателя города Киева. Проведя целое исследование, он показал, что Кий был не перевозчиком через Днепр, но князем полян. Основанный им город, таким образом, являлся не просто крепостью, а политическим центром княжения. Овладение этим «градком» в 862 г. дало возможность, по летописной версии, Аскольду и Диру «владѣти польскою землею»⁵⁵. Рюрик вокняжился в Новгороде, Синеус — в Белоозере, Трувор — в Изборске. Дальше в летописной статье 862 г. рассказывается, что после смерти братьев «прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро»⁵⁶. В 882 г. Олег, спускаясь по Днепру, «приде къ Смоленску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужъ свои; оттуда поиде внизъ, и взя Любечъ и посади мужъ свои»⁵⁷.

В приведенных летописных сообщениях со всей отчетливостью прослеживается непосредственная связь между древнерусской государственностью и

городами как центрами ее средоточия. Причем, несмотря на явную норманскую вуаль, которой покрыты первые страницы летописи Нестора, раннее до-норманнское происхождение государственной власти и городов не вызывает сомнения. Рюрик, а позднее и Олег не основывают своих городов, а овладевают уже существующими, не учреждают в них политическую власть, а лишь меняют старую администрацию на новую — «свою».

Социальная сущность древнерусских городов IX в. хорошо раскрывается в последующих летописных известиях. Согласно заключенному договору 907 г. между Русью и Византией империя брала на себя обязательство «дяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Черниговъ, на Переяславль, на Полотъскъ, на Ростовъ, на Любечь и на прочаа города; по тѣмъ бо городомъ седаху велиции князи, под Олгомъ суще»⁵⁸. Экономические интересы этих городов, стремившихся к поддержанию регулярных торговых контактов с Константинополем, отражены и в других статьях договора.

Таким образом, «руския грады» договора 907 г. это не небольшие крепости, а крупные политические и экономические центры Киевской Руси, где сосредотачивались органы государственного управления, проживали представители высших слоев древнерусского общества, концентрировался и перераспределялся прибавочный продукт сельскохозяйственного производства, развивалась международная торговля.

Сведения русских летописей о существовании на Руси значительного числа городов уже в IX в. подтверждаются и арабскими источниками. В сочинениях ал-Йакуби, Ибн Хордалбега, Ибн-ал-Факиха, Ибн Русте, анонимного автора Худуд ал-Алам, ал-Истархи, Ибн Хаукаля неизменно говорится о славянских городах. Кроме общей ссылки на большое число городов у славян и русских, в них содержатся сведения и о конкретных городах Вабните, Хордабе, Куябе, Салау, Арсе⁵⁹.

Для нас они важны тем, что являются, по существу, современными процессам градообразования и формирования государства у восточных славян⁶⁰.

Можно предположить, что восточные авторы, проживавшие в развитых городских центрах арабского мира, хорошо различали город и крепость, а поэтому их сведения о наличии у славян городов не должны подвергаться сомнению. Они описывают ранний восточнославянский город как крупный населенный пункт, где живут царь, его приближенные, дружинная знать, жрецы, купцы. В целом его социальный облик почти идентичен тому, который восстанавливается и на основании летописных свидетельств.

Итак, основываясь на анализе письменных источников, можно прийти к выводу о существовании древнейших восточнославянских городов уже в конце VIII—IX в. Подтверждается ли он археологическими источниками? Отрицательный ответ на этот вопрос большинства исследователей сколь единодушен, столь и несправедлив. Обусловлен он многими причинами: неверной трактовкой модели древнейшего восточнославянского города, фрагментарной сохранностью раннегородских словес, убежденностью в синхронности процессов рождения новых социальных форм жизни и адекватного отражения их в памятниках материальной культуры.

Обратимся к конкретным материалам. В качестве эталонного памятника возьмем Киев, который лучше других древнейших городов исследован археологически. Даже беглого взгляда на карту распространения находок конца VIII—IX в. достаточно, чтобы убедиться в значительности этого центра. Археологические материалы обнаружены в Верхнем городе, на Подоле, Кирилловских высотах, Печерске и в некоторых других районах. Характерно, что в эти века сформировалась социальная структура древнего Киева, не претерпевшая в будущем сколько-нибудь существенных изменений. Центральным городским средоточием являлись Старокиевская и Замковая горы, где проживали князья, бояре, дружинники, жрецы. На Подоле уже в IX—X вв. сложился значительный посадский район. Вокруг основного городского ядра располагались околные поселения (городище на Лысой и

Батыевой горах, поселение в районе Берестова и Аскольдовой могилы), представлявшие собой дружинно-купеческие слободы⁶¹.

Археологи охотно ссылаются на высказывания М. К. Каргера, что киевские поселения VIII—X вв. «лишь к концу этого периода окончательно слились в один город»⁶², однако не уточняют, о каком слиянии идет речь: структурно-градостроительном или же социальном. Если иметь в виду первое, то полного слияния всех обособленных (в силу топографических условий) частей древнего Киева в единый городской массив не произошло и в период его расцвета, если — второе, то термин «слияние» здесь вообще неприемлем. Уже в третьей четверти I тыс. н. э. киевские поселения представляли собой не простую совокупность, а определенное социальное единство во главе с городком на Старокиевской (первоначально на Замковой) горе. В IX в., когда власть киевских князей распространялась на многие славянские земли и дипломатические связи простирались до Константинополя и Ингельгейма, единство это еще более окрепло, причем зиждилось не на родоплеменной, а на государственной основе.

Свидетельством раннефеодальной сущности Киева конца VIII—IX в. являются погребальные памятники. Вплоть до 60—70 годов XIX в. на территории города сохранялись сотни древних курганов. Большинство из них составляло обособленные группы, располагавшиеся возле древних поселений и городищ; некоторые представляли собой изолированные могилы. Лучше других исследованы курганные древности в районе Старокиевской и Лысой гор, полная свodka которых содержится в итоговых работах Л. А. Голубевой, М. К. Каргера, С. Р. Килиевич⁶³.

Анализ погребального комплекса позволил не только выявить группу богатых дружинных захоронений, но и определить их внутреннюю социальную неоднородность. К числу наиболее богатых по инвентарю относятся погребения в срубных гробницах. В них найдены драгоценные вещи, предметы женского убора, широкий ассортимент

оружия, богатое снаряжение боевого коня. Эти погребения в большинстве случаев сопровождаются захоронением женщины (жены или рабыни), а также коня. Принадлежали они, по-видимому, княжеско-боярской верхушке киевского общества.

Менее богатой по инвентарю (и обряду) группой являются захоронения в деревянных гробах. Их инвентарь состоит из нескольких предметов вооружения (боевой топорик, колчан со стрелами, меч, копьё), большего или меньшего числа портупейных бляшек, вещей личного употребления (ножи, огниво, костяной гребень).

Известны в киевском некрополе захоронения детей и женщин, не уступающие по богатству и разнообразию инвентаря погребениям княжеско-боярской знати. В них обнаружены: деревянные ведра с железными обручами, арабские и византийские монеты, богатые сердоликовые и пастовые ожерелья, остатки золототканной парчи, золотые восточные кольца, скорлуповидные фибулы и пр.

К числу богатых дружинных погребений относятся не только труположения, но и трупосожжения, хотя последних, из-за трудности их исследования, открыто не так уже много. Согласно известиям дореволюционной киевской прессы, на погребальных кострищах, раскопанных в районе Старокиевской горы и на Кирилловских высотах, лежали глиняные урны с прахом покойника (сосуды очень старые, иногда лепные), перегоревшие остатки каких-то бронзовых украшений (застежек), предметы вооружения, железные ножи, бронзовая курительница, костяные накладные пластины, паремные бляшки, монеты⁶⁴.

Исследование вопроса о социальном облике населения раннего Киева на материалах могильника тесно связано с определением времени его функционирования. С. П. Вельмин, полагая, что на Старокиевской горе открыто кладбище самых первых на Руси христиан, датировал его концом VIII — серединой X в.⁶⁵ В. М. Каргер предпринял попытку передатировать погребения с монетами и несколько омолодить их. В связи с этим были взяты

под сомнение свидетельства В. В. Хвойки, С. П. Вельмина и других археологов о нахождении в инвентаре могил на Старокиевской горе и Кирилловских высотах монет конца VIII—IX в. Уточнив даты нескольких спорных монет, М. К. Каргер пришел к выводу, что все монеты киевского некрополя, за ничтожным исключением, относятся к началу или середине X в., а поскольку между чеканкой монет и их попаданием в погребения проходило около полувека, то богатые погребения с монетами следует датировать серединой — концом X в.⁶⁶

Согласиться с таким выводом нельзя. Во-первых, основная масса монет датируется последними десятилетиями IX — первой четвертью X в. «Ничтожное исключение» составляют как раз поздние монеты, связанные, вероятно, с погребениями церковного кладбища. Во-вторых, серьезное сомнение вызывает определение длительности обращения монет до попадания их в землю. Почему 50 лет, а не 100 или 10? Ведь теоретически медная византийская монета императора Льва VI (886—912), обнаруженная в погребении по ул. Владимирской, 7/9, могла быть чеканена в первый год его правления, в том же году привезена в Киев и в том же году последовала за своим владельцем в землю. Разумеется, подобный случай мог быть скорее исключением, чем правилом. Однако отрицание практической одновременности монет и погребений, по существу, исключает использование нумизматических находок в качестве датирующего материала. Логичнее все же предположить, что умершему клали в могилу не старую — 50-летней давности монету, а новую.

Приведенные соображения, а также наблюдения историко-топографического порядка позволяют утверждать, что погребения с монетами датируются концом IX — первой половиной X в.⁶⁷

К числу более древних дружинных погребений, по мнению Г. Ф. Корзухина и М. К. Каргера, относятся те из них, которые не содержали богатого и разнообразного инвентаря. Воинов-дружинников, похороненных в деревянных гробах (иногда в небольших срубках),

сопровождали только единичные предметы вооружения. Такие погребения исследователи склонны датировать IX в.

При определении хронологии киевского дружинного некрополя исследователи, как правило, «забывают» о погребениях, совершенных по обряду трупосожжения. М. К. Каргер, ссылаясь на немногочисленность находок, отнес их к рядовым захоронениям. Свидетельства В. В. Хвойки об обнаружении в таких погребениях предметов вооружения, полурасплавленных ажурных серебряных и бронзовых украшений и других предметов не дают возможности согласиться с подобным выводом. Вероятнее всего, они также принадлежали дружинному сословию и фиксируют начальные этапы его сложения. Указания о наличии в некоторых погребениях лепных урн позволяют отнести их к VIII — первым десятилетиям IX в., то есть ко времени первых походов русских дружин в Крым и Амастриду.

И. И. Ляпушкин, исходя из датировки М. К. Каргера наиболее богатых погребений киевского некрополя (от середины до конца X в.) и полагая, что погребальный обряд отражает реальную жизнь с запозданием на два-три поколения, относил отчетливо выраженное экономическое неравенство и сложение дружинного сословия — опоры княжеской власти к середине IX в.⁶⁸ Уточнив датировку богатых погребений с монетами (конец IX — первая половина X в.), а также приняв во внимание наличие более ранних (хотя и менее богатых) дружинных захоронений, можно с уверенностью утверждать, что процессы экономического расчленения и формирования дружинного сословия активно протекали уже в VIII — начале IX в. К такому выводу пришел в последнее время и Г. В. Абрамович, исследующий проблему раннего феодализма на Руси⁶⁹.

Аналогичную или близкую картину общественной жизни можно составить на основании анализа археологических комплексов Чернигова, Гнездова (Смоленск?), Рюрикова городища (Новгород?), Старой Ладogi, Полоцка, Пскова, Изборска, Сарского городища

(Ростов?), Белоозера, Тимеревского поселения (Ярославль?). Какими бы терминами ни обозначали их исследователи (племенные центры, протогорода, открытые торгово-ремесленные поселения), городская (раннегородская) их сущность не должна вызывать сомнений.

Таким образом, основываясь на анализе древнерусской летописи, сведениях арабских письменных источников, а также археологических материалов, можно прийти к следующим выводам.

1. Древнейшие восточнославянские города формируются преимущественно на базе племенных «градов» VI—VIII вв. В тех благоприятных случаях, когда длительный процесс градообразования не прерывался, именно «град» являлся первым этапом в жизни раннефеодального центра. С него и начинается история города, а не с того момента, когда он приобретает классические средневековые черты.

2. Сложение древнейших восточнославянских городов происходило одновременно с формированием древнерусской государственности и относится к концу VIII—IX в.

3. Древнейшие восточнославянские города не были по преимуществу центрами ремесла и торговли. Основой их экономического развития являлось сельскохозяйственное производство округи. Отсюда осуществлялось феодальное ее освоение, здесь концентрировался (полюдь) и перераспределялся прибавочный сельскохозяйственный продукт, на базе которого развивались торговля и ремесло.

4. Ведущими функциями древнейших восточнославянских городов были политическая и военная. Концентрация власти и силы, а следовательно, и феодализирующей знати обусловила превращение города в административный центр округи.

5. Существенной изначальной функцией ранних городов была культовая. Разумеется, приведенная многофункциональная нагрузка характеризует не все древнейшие города. В жизни некоторых из них доминировала какая-либо одна или несколько городских функций. Все зависело от ранговости города (столица государства, стольный го-

род, земли, центр княжества, волости) и конкретных условий развития.

¹ Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город. М., 1976, с. 39.

² Рыбаков Б. А. История СССР. М., 1967, т. 1, с. 536.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь.— Л., 1980, с. 232.

⁴ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства.— Л., 1968, с. 164.

⁵ Тимошук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976, с. 118.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 406.

⁷ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 13. (Далее: ПВЛ).

⁸ Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси.— История СССР, 1981, № 2, с. 43.

⁹ Довженко В. И. Землеробство древньої Русі.— К., 1964; Краснов Ю. А. Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий (по археологическим материалам Восточной Европы).— СА, 1978, № 4; Миносян Р. С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья.— АСГЭ, 1978, 19.

¹⁰ Янушевич И. И. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям.— Кишинев, 1976; Кирьянова Н. А. О составе земледельческих культур древней Руси X—XV вв.: (По археол. данным).— СА, 1979.

¹¹ Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955, вып. 59; Відзвіля В. І. Залізо-плавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, 1963, т. 15.

¹² Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 63.

¹³ Там же, с. 64.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.— М., 1982, с. 242.

¹⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья.— М., 1956, с. 84—87.

¹⁷ Толочко П. П. Про час виникнення Києва.— В кн.: Слов'яноруські старожитності. К., 1969, с. 116—117; Толочко П. П. О времени возникновения Киева.— В кн.: Тез. докл. сов. делегации на III Междунар. конгр. слав. археологии. М., 1975, с. 82—85.

¹⁸ Достал Б. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 87.

¹⁹ Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, с. 77—78.

²⁰ Labuda G. Pierwsze państwo slowianskie: Panstwo Samona.— Poznan, 1949.

²¹ Donnert E. Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters.— Wiss. z. Friedrichschiller, 1963, Jg. 12, S. 191—193.

²² *Lownianski H.* *Początki Polski.*— Warszawa, 1973, s. 319—322.

²³ К числу таких «градов» относятся Микульчица, Старе Замки, Зелена гора, Старе Място в ЧССР; Ленчица, Шелиги, Гнезно, Санток в ПНР.

²⁴ *Klaniza Z.* *Vororossmährische Siedlung in Mikulcice und ihre zum Karpatenbecken.*— PV, 1972, S. 14.

²⁵ *Lowmianski H.* *Op. cit.*, s. 493.

²⁶ *Labuda G.* *Die Anfänge des polnischen Städte Wegens im Hochmittelalter. Lartisanat et la vie urbaine en Pologne médiévale.*— Warszawa, 1962, s. 321.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 163.

²⁸ *Юшков С. А.* Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі.— К., 1939, с. 18—21; *Воронин Н. Н.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1954, вып. 41, с. 9; *Магродин В. В., Фроянов И. Я.* Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси.— ВЛУ, 1970, № 20, с. 14.

²⁹ *Юшков С. В.* Указ. соч., с. 20.

³⁰ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь.— Л., 1980, с. 232.

³¹ *Тараканова С. А.* О происхождении и времени возникновения Пскова.— КСИИМК, 1950, вып. 35, с. 23—25.

³² *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты, славяне на Днепре и Волге.— М.; Л., 1966, с. 245.

³³ *Насонов Н. А.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951.

³⁴ *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси.— М., 1980, с. 27—46.

³⁵ *Рыбаков Б. А.* Новая концепция..., с. 54—59.

³⁶ *Достал Б.* Указ. соч., с. 83—84; *Lowmianski H.* *Op. cit.*, с. 441—442.

³⁷ *Рыбаков Б. А.* Новая концепция..., с. 59.

³⁸ *Тимошук Б. О.* Указ. соч., с. 127—128.

³⁹ *Dostál V.* *Breclav Pohansko: Velkomoravský Velmožský dvorec.*— Brno, 1975, s. 346.

⁴⁰ *Тимошук Б. О.* Указ. соч., с. 110—112.

⁴¹ *Вознесенская Г. А.* Указ. соч., с. 64.

⁴² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 725—726.

⁴³ *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 84—87.

⁴⁴ *Брайчевский М. Ю.* О первых договорах Руси с греками.— Сов. ежегодник междунар. права, 1978. М., 1980, с. 269—280.

⁴⁵ В. В. Седов считает, что в это время появились полугосударственные образования, правда, не уточняет, чем определяется эта «полугосударственность» — недостаточной

развитостью государственных институтов или же небольшими размерами государственной территории.

⁴⁶ *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 166; *Седов В. В.* Указ. соч., с. 242; *Авдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов: (По археол. данным).— ВИ, 1980, № 12, с. 11; *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков.— Л., 1978, с. 140.

⁴⁷ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города.— М., 1956, с. 44.

⁴⁸ *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 164—166.

⁴⁹ *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.— М.; Л., 1939, с. 131—138, 172.

⁵⁰ *Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 58—61.

⁵¹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М.; Л., 1953, с. 99—101.

⁵² *Достал Б.* Указ. соч., с. 85.

⁵³ *Рыбаков Б. А.* Город Кия.— ВИ, 1980, № 5, с. 34.

⁵⁴ *Литаврин Г. Г.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора.— В кн.: Византийские очерки. М., 1982, с. 82.

⁵⁵ ПВЛ, ч. 1, с. 19.

⁵⁶ Там же, с. 18.

⁵⁷ Там же, с. 20.

⁵⁸ Там же, с. 23—24.

⁵⁹ *Новосельцев А. П.* Восточные и западные источники о Древнерусском государстве.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 387—412.

⁶⁰ А. П. Новосельцев считает, что сведения, содержащиеся в сочинениях арабских авторов IX — первой половины X в., датируются не позднее 80-х годов IX в.— Указ. соч., с. 408, 419.

⁶¹ *Толочко П. П.* Древний Киев.— Киев, 1983, с. 170.

⁶² *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 115, 523.

⁶³ *Голубева Л. А.* Киевский некрополь.— МИА, 1949, № 11; *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1; *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII в.— Киев, 1982.

⁶⁴ *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1, с. 195—198.

⁶⁵ *Вельмин С. П.* Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева.— ВИБ, 1910, кн. 7/8, с. 139.

⁶⁶ *Каргер М. К.* Указ. соч., т. 1, с. 223, 226.

⁶⁷ *Толочко П. П.* Исторична топографія стародавнього Києва.— К., 1972, с. 63—64.

⁶⁸ *Ляпушкин И. И.* Указ. соч., с. 163.

⁶⁹ *Абрамович Г. В.* К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм.— История СССР, 1981, № 2, с. 69.

М. Ю. Брайчевский

«РУССКИЕ» НАЗВАНИЯ ПОРОГОВ У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО

Названия Днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным¹, пользуются исключительной популярностью в литературе, посвящен-

ной Киевской Руси. Пожалуй, ни одно другое сообщение иностранных источников в области начальной истории древнерусского государства не породи-

ло столько споров, как отрывок, содержащий описание порогов. Объясняется это тем, что свидетельство Порфиригенета (писатель середины X в.) послужило краеугольным камнем в обосновании норманнской концепции происхождения Руси и в особенности названия «Русь». По сути, это единственный аргумент норманизма, до сих пор не преодоленный и не развенчанный критикой.

Между тем требование системности в исследовании исторических источников не терпит многозначности интерпретаций. Если концепция норманизма признается несостоятельной, то вся аргументация, на которой она базируется, должна быть пересмотрена, опровергнута или же освещена на источниковедческом уровне, а имеющиеся конкретные факты — получить надлежащее (и убедительное!) истолкование. Поэтому решительно не могут быть приняты в качестве аргумента маловразумительные соображения по поводу того, являются ли «славянские» имена переводом «русских» и который из топонимических рядов является древнейшим².

«Русские» названия порогов занимают и ныне центральное место среди филологических доказательств, которыми оперирует норманизм — в целом, крайне убедительных (название местности «Рослаген», этноним «руотси», которым финские народы называют шведов; древнерусская антропонимика, среди которой действительно немало скандинавских имен, в частности знаменитые реестры киевских послов в договоре 944 г.³, или искусственно притянутое название острова Рюген).

В науке уже давно признано, что лингвистическая аргументация норманизма стоит немногого. Термин «Рослаген», как выяснилось, не имеет ни географического, ни, тем более, этнографического содержания и означает артель гребцов⁴. Финское слово «руотси», которое было одной из козырных карт в норманистской литературе, означает «северный» и, следовательно, в качестве этнонима представляет собою перевод термина «норманны» («северные люди») ⁵, что к древней Руси никакого отношения не имеет. Бытование скандинавских имен у восточных славян

может свидетельствовать только о наличии более или менее тесных связей наших предков с норманнами, но отнюдь не решает вопрос о происхождении как самой Руси, так и ее имени. И только «русские» названия порогов у Порфиригенета еще не имеют сколько-нибудь убедительного антинорманистского истолкования.

Как известно, Константин Багрянородный приводит два ряда имен для обозначения днепровских порогов — «славянские» и «русские». Первые действительно легко объясняются из славянских корней и в смысле языковой природы никогда не вызывали сомнений. Напротив, «русская» терминология не является славянской и в подавляющем большинстве не поддается интерпретации на основе славянского языкового материала.

Норманистам данное сообщение импонировало уже тем, что Порфиригенет не только четко разграничил славян и Русь, но и противопоставил их друг другу. Поскольку никакой иной Руси, кроме славянской или скандинавской, на заре отечественной историографии не признавалось, то дилемность проблемы неизбежно требовала ее решения в пользу одной из противоборствующих альтернатив. Так как славянский вариант исключался условиями задачи, то не оставалось ничего другого, как признать «русские» имена шведскими. На этом базировалась (и базируется ныне) вся историография — в том числе и антинорманистская, адепты которой вынуждены признать скандинавский характер приведенных Константином имен⁶.

Однако результаты собственно филологического анализа оказались далеко не столь блестящими, как можно было бы ожидать. Поиски этимологий предпринимались еще во времена Г. З. Байера и Г. Ф. Миллера, но, естественно, эти ранние попытки имели слишком наивный характер. Гораздо более серьезными были исследования конца XIX в., базировавшиеся на солидной основе сравнительного языкознания. Из их числа особенно выделяется исследование В. Томсена⁷, чьи этимологии и ныне признаются наиболее убедительными. Более поздние по-

пытки (Х. Пиппинга и др.)⁸ не приняты наукой и отвергнуты как надуманные и фантастические. Выводы В. Томсена в основном принимаются и в советской литературе.

Неудовлетворительность признанной схемы определяется ее незавершенностью. Часть приведенных Константином Багрянородным названий действительно хорошо объясняется происхождением от скандинавских корней, хотя и с некоторыми (вполне допустимыми) поправками. Другие — истолковываются при помощи серьезных натяжек. Третьи вообще необъяснимы и не находят удовлетворительных этимологий. Дело усложняется тем, что Порфиригенет не только сообщает «русские» и «славянские» названия, но и их значения — то ли в виде греческих переводов, то ли в описательной форме. Сравнение со славянской номенклатурой убеждает в правильности зафиксированной источником семантики: подлинное значение «славянских» имен соответствует предлагаемым смысловым эквивалентам. Из этого следует заключить, что и семантика «русской» терминологии требует самого серьезного внимания и что произвольные толкования и сопоставления не могут приниматься всерьез. Это одновременно и упрощает и усложняет дело.

Упрощает, потому что дает в руки исследователя надежный критерий для проверки принимаемых этимологий. Усложняет, потому что резко сокращает диапазон сравнительного материала, исключая возможность случайных совпадений и субъективных сопоставлений. Это, в свою очередь, резко повышает степень достоверности результатов лингвистического анализа, основанного на фонетических закономерностях как положительного, так и отрицательного свойства. И в этом смысле норманнская версия оказывается далекой от совершенства, требуя серьезного пересмотра и переоценки.

Решающее значение имеет все более и более утверждающаяся в науке теория южного (кавказско-черноморского или черноморско-азовского) происхождения Руси⁹. В том, что норманны никогда «Русью» не назывались, ныне вряд ли могут возникнуть сомнения.

Следовательно, «русский» реально не может означать «скандинавский». И если согласиться с общепринятой (то есть норманнской) интерпретацией «русских» имен у Порфиригенета, придется признать, что историк, попросту говоря, напутал и назвал «русским» то, что к подлинной Руси никакого отношения не имело. Собственно, на этом и базируется современная антинорманистская платформа, принимаемая советской историографией¹⁰. Теоретически исключить такую возможность нельзя, ибо Константин Багрянородный, как и любой человек, мог ошибаться. Особенно в тех вопросах, о которых он имел весьма приблизительное представление и зависел от своих информаторов, тоже не всегда хорошо информированных. Но прежде чем прийти к такому выводу, следует проверить другие варианты.

Историки XVIII в., стоявшие на антинорманистских позициях, действительно подчеркивали значение северопричерноморской этнонимии сарматского времени для постановки и решения проблемы происхождения летописной Руси. Речь идет о таких названиях, как роксоланы, аорсы, росомоны и т. д.¹¹ Сарматская (то есть иранская) принадлежность по крайней мере первых двух названий ныне не вызывает сомнений. В источниках они зафиксированы уже в начале нашей эры¹². Этническая природа росомонов остается спорной; контекст, в котором они упомянуты (единственный раз) у Иордана¹³, позволяет полагать, что имеются в виду восточные славяне. Но источник датируется VI в. н. э., то есть эпохой, когда процесс формирования славянской (Приднепровской) Руси (или «Руси в узком значении слова»¹⁴) уже проявил себя в достаточной степени и мог появиться в иностранных источниках.

К VI в., однако, относится и сообщение псевдо-Захарии о таинственном народе «Рос» (‘Ρως, Ηρος)¹⁵, в котором историки справедливо видят первое упоминание этнонима «Русь» — «Рос» в его чистом виде. Но речь, конечно, идет не о славянах, а о населении Приазовья, принадлежавшем, скорее всего, к сармато-аланскому этническому массиву. Сближение восточнославянской Руси

VI—VII вв. с сарматской Русью более раннего времени представляется исключительно важным моментом в нашей постановке вопроса, вскрывая подлинные корни ставшего общепризнанным названия великого народа и великой державы.

Очевидно, нет необходимости специально доказывать, что название «Русь» не является исконно славянским термином и заимствовано у одного из этнических компонентов, принимавших участие в процессе восточнославянского этногенеза, подобно тому, как название французского народа было дано германцами-франками, а болгарского — тюрками-болгарами. Но источником заимствования были, конечно, не норманны в IX—X вв., а племена Подонья, Приазовья, Северного Кавказа по крайней мере на три столетия раньше — в VI—VII вв.

Обсуждать данную проблему в полном объеме в предлагаемой статье нецелесообразно, поскольку ее разработка еще далека от завершения. Заметим, однако, что материалы, собранные С. П. Толстовым и другими исследователями¹⁶, — разнообразные по характеру и происхождению — заставляют думать, что данная проблема окажется более сложной и многосторонней, чем представлялось некоторым авторам. Так, вряд ли заслуживает поддержки гипотеза Д. Т. Березовца, относящего все сведения о Руси, содержащиеся в произведениях восточных (мусульманских) писателей IX—X вв., к носителям салтовской культуры¹⁷.

Из всего богатого спектра вопросов, непосредственно относящихся к рассматриваемой проблеме, считаем необходимым рассмотреть в первую очередь более подробно лишь один, имеющий для нас особое значение, — гипотезу о готском происхождении Руси.

Эта гипотеза была высказана в конце прошлого века А. С. Будиловичем¹⁸ и активно поддержана В. Г. Васильевским¹⁹, к сожалению, не развившим ее в специальном исследовании²⁰. С решительной критикой выдвинутой гипотезы выступил Ф. Браун²¹, аргументация которого, однако, представляется крайне неубедительной²².

Гипотеза Будиловича-Васильевского

базировалась на термине «росоготы» («рейдсготы») — «Reithgothi», первая основа которого сопоставлялась с именем «Рос» — «Рус». С точки зрения общей фонетики такое сопоставление вполне закономерно; во всяком случае, оно не уступает «рокс-аланам» («рос-аланам») или «рос-о-монам». Филологические соображения Ф. Брауна основаны на недоразумении: считая готов германцами и выходцами из Скандинавии, он базировался исключительно на германском языковом материале. Между тем такая исходная позиция в настоящее время представляется более чем спорной.

Мы не будем рассматривать сложнейшую проблему готов и их миграции на юг, заметим лишь, что тезис о скандинавской прародине готских племен встречается в последнее время весьма серьезные возражения²³. Но независимо от того, имела ли данная миграция место или нет, нельзя рассматривать причерноморских готов в качестве чистых германцев. Если переселение и было, то масштабы его исключают мысль о преобладании германского этнического элемента в Северном Причерноморье в III—IV вв. Недаром для позднеантичных авторов готы были аборигенами причерноморских степей, а их этноним в источниках выступает синонимом названия «скифы». Очевидно, правильным является существующее в советской литературе мнение, согласно которому готский массив племен представлял собой сложный конгломерат племен, в котором главенствующее положение занимали местные племена, а переселенцы с севера (если они реально существовали) неизбежно должны были в них раствориться уже во втором-третьем поколении.

Этническую основу данного объединения, как сказано, составляло население северопричерноморских степей, известное в греческих источниках как скифы. Речь идет о собственно скифах, а не о других племенных группах, называемых так из-за географической условности. В научной литературе традиционно принято считать скифов иранцами²⁴, что, однако, не подтвердилось²⁵. Очевидно, мы имеем дело с особым индоевропейским народом, в языковом

отношении имевшим много общего с иранцами, а также с фракийцами, славянами, балтами и даже с индо-ариями, но не тождественным ни с одной из названных семей.

Отнесение скифов к числу иранских народов основывалось на применении ошибочной методики: приняв априори иранскую гипотезу, исследователи искали сравнительный материал для интерпретации скифских глосс и ономастических имен лишь в языках иранской группы. При этом такие ученые как В. И. Абаев²⁶ и А. А. Белецкий²⁷ вынуждены были признать, что иранизм подлинно скифской лексики оказывается весьма проблематичным. Иное дело сарматы: их принадлежность к иранской языковой семье вне сомнений.

Этнонимика с основой «рос» является сарматской, то есть иранской. Можно предположить со значительной долей правдоподобия, что загадочные «росоготы» представляют собой иранский компонент готского объединения, противостоящий собственно готам (скифам). Заметим, что в источниках имеется параллельная форма «готаланы», «аланоготы», «вала(но)готы» и т. д., по видимому, выступающая в качестве закономерного варианта: аланы также принадлежат к иранской группе племен и этнонимически сопряжены с иранской Русью («роксаланы»)²⁸.

Сказанное определяет принципиально иной подход и к постановке нашей темы, посвященной «русским» названиям Днепровских порогов у Константина Багрянородного. Их объяснение следует искать не в скандинавской, а в иранской филологии²⁹. Действительно, обращение к иранским корням дает результаты, гораздо более убедительные, чем традиционные шведские этимологии. В качестве исходного материала принимаем осетинский язык, признаваемый за реликт сарматских языков (осетины считаются потомками аланов, а аланы составляли одну из наиболее значительных и многочисленных сарматских племенных групп).

Рассмотрим текст Константина Багрянородного, который цитируем в переводе Г. Г. Литаврина. Поскольку транскрипции «русских» и «славянских» племен переводчик дает в рекон-

струированном (то есть субъективно осмысленном) виде (например, вместо традиционного «Напрези» у него стоит «Настрези»), мы сохраняем греческую номенклатуру.

«Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Εσσοῦλῆ, что означает по-русски и по-славянски «Не спи». Теснина его столь же узка, сколь пространство циканистирия, а посредине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. В виду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив близости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая [дно] своими ногами, [волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-нибудь камень. Так они делают, одни у носа, другие посредине, а третьи — у кормы, толкая [ее] шестью, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог, по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-русски Οὐλφορσι, а по-славянски Οστροβοῦνιλαρχα, что значит в переводе «Остров порога». Он подобен первому, тяжек и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моносилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Γελαῦδορι, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, называемый по-русски Ἀειφόρ, по-славянски же Несѡѣт, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они несусыпно несут стражу из-за печенегов. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моносилы по сую сторону порога, столкнув их в реку и внося груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, назы-

ваемому по-русски Βαρουφίρος, а по-славянски Βουλιράχ, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моносилы, как в первом и во втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-русски Λεάντι, а по-славянски Βερούτζη, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-русски Στρούχου, а по-славянски Ναλρεζή, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Кривория, через которую переправляются херсонеситы, идя из России, и пачинакиты на пути к Херсону»³⁰.

Последовательность в перечислении порогов обычно не привлекает внимания исследователей, хотя имеет немаловажное значение для отождествления приводимых в источниках названий с современной номенклатурой. Это тем более важно, что почти во всех случаях обнаруживается беспорядочное соответствие.

Как известно, порожи́стая часть Днепра включала девять порогов, которые именовались (сверху вниз): Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытец, Вовнигский, Будило, Лишний, Вольный. Из этих порогов Константин называет семь; два пропущены. Кроме того, было шесть забор: Волосская, Яцева, Стрильча, Тягинская, Воронова, Кривая. Их Порфирогенет не знает вообще.

Предполагается само собой разумеющимся, что комментируемое описание сохраняет тот порядок, в котором древнерусским купцам приходилось преодолевать препятствия. Собственно это становится ясным из самого текста: «Прежде всего они приходят к первому порогу, называемому «Эссупи»...» Однако реальное сличение древних имен с позднейшими опровергает это убеждение. Так, первому порогу Эссупи («Не спи»), безусловно, соответствует Будило, занимающий седьмую позицию. Это заставляет задуматься, не перечисляет ли Порфирогенет, писавший в Константинополе на основании информации своих соотечественников, пороги в обратном порядке, то есть в том, в ка-

ком их преодолевали едущие в Киев из Византии. Такое предположение вполне возможно, но опровергается дальнейшим изложением. Тогда третьим порогом должен был бы быть Ненасытец, но в тексте стоит Звонецкий, расположенный выше Ненасытца. Вольный порог является самым нижним, тогда как у Константина он значится пятым.

Таким образом, топографическая структура Надпорожья в источнике оказалась перепутанной, и это определенным образом ориентирует критическую мысль, предостерегая от слепого доверия к комментируемому тексту.

Переходим к лингвистическому анализу названий, приведенных в источнике и представляющих объект настоящего исследования. Прежде всего необходимо подчеркнуть осторожность в ретранскрипции, поскольку графические изображения «варварских» имен у Порфирогенета, как правило, искажены иногда до неузнаваемости. В качестве примера достаточно привести транскрипции древнерусских собственных имен (городов и племен). «Русские» названия порогов, однако, транскрипированы Константином Багрянородным довольно точно — так, что этимология, контролируемая строго фиксированной семантикой, во всех семи случаях устанавливается легко и без всяких поправок*.

Первый порог называется Эссупи. По утверждению Константина, это и «русское» и «славянское» название. Греческая транскрипция Εσσουλή, означающая «не спи». В современной номенклатуре ему соответствует название «Будило».

Действительно, корень, присутствующий в данном термине, имеет общеевропейский характер. Ср.: санскрит. svapiti — «спать»; зенд. хварна — «сон», хварар — «спать»; греч. ύλνος — «сон»; латин. Somnus — «сон»; лит. sąpnas — «сон»; латыш. sarnis — «сновидение»; нем. schlafen — «спать»; англ. to sleep — в том же значении; общеслав.—

* Приводимая осетинская терминология дается в транскрипции, принятой в современной научной литературе, в частности, у В. И. Абаева (Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958—1979, т. 1—3).

«сон», «спать»; осет. хоуссун — в том же значении и т. д.³¹

Старославянский глагол «съпати» подтверждает свидетельство анализируемого источника. По В. Томсену, «русская» форма реконструируется как «*ne sofi*», вариант «*ves urrgi*» («Будь на страже»); по А. Х. Лербергу — «*ne suefe*». Это возможно, хотя в таком случае в авторский текст приходится вносить поправку *f* → *p*, впрочем, вполне закономерную лингвистически. Значительно хуже с начальной частицей, имеющей отрицательное значение. В источнике она звучит как «э», тогда как признанная реконструкция предполагает «не». Это заставляло адептов норманнской версии вносить в текст иньектуру — «п—», не объяснимую никакими фонетическими соображениями. В таком случае не остается ничего иного, как полагать, что Константин Багрянородный (либо его переписчики) опустил данную литеру по чистой случайности. Так или иначе, но поправки к оригинальному тексту оказываются неизбежными.

При обращении к северопричерноморской версии любое недоумение отпадает. Скифский термин «*sru*» (в значении «глаз», «спать») зафиксирован еще Геродотом в V в. до н. э. в двусосновной глоссе «*Ἀρμασλοῦς*»³². Впрочем, общиндоевропейский характер данного термина снижает доказательное значение сопоставления. Гораздо большую роль играет начальное «э». В осетинском языке «æ» — «негативная частица, образующая первую часть многих сложных слов со значением отсутствия чего-либо»³³. Таким образом, скифо-сарматская этимология оказывается вполне безупречной и более предпочтительной, чем скандинавская; она не требует никаких поправок.

Второй порог, согласно Константину Багрянородному, по-русски называется *Улворси* (Ὀὐλβωρσι), что означает «Остров порога» (или же «Порог-остров», что, в общем, одно и то же). В славянской номенклатуре ему соответствует «Островунипраг» («Островной порог»), что снимает какие-либо сомнения по части семантики. Это, по-видимому, Вовнигский порог.

В норманнской версии «русское» название интерпретируется как *Halmfors*,

где *Holmr* — «остров», а *fors* — «водопад». Это — одна из наиболее удачных скандинавских этимологий, хотя и она требует поправок к анализируемой форме.

В осетинском *ulæn* (в архетипе **ul*) означает «волна». Это первая основа. Вторая — общеиранская (и аллородийская)* *vāga* — «окружение», «ограничение», «ограждение». Ср.: осет. *bugu/bugu*; персид. *bāgu*, *bāga* — в том же значении; в чечено-ингуш. *bugu* — «крепость» («огражденное место»); балкар. *bugu*, лезгин. *bagu*, арчин. *bagu* — в значении «ограждение», «окружение»; особенно груз. *beru* — «граница», «межа», «огражденное место» и т. д. Таким образом, приведенное Константином Багрянородным имя означает «место, окруженное волнами», то есть «порог-остров».

Третий порог называется *Геландри* (Γελανδρι), название которого Порфиригенет считает «славянским»; «русское» название отсутствует. Но поскольку данное слово на первый взгляд не вызывает ассоциаций со славянской языковой стихией, его традиционно считают «русским», тем более что оно имеет безупречную скандинавскую этимологию. Семантика названия, по утверждению источника, означает «Шум порога». Это, конечно, Звонецкий порог, расположенный выше Вовнигского и ниже Ненасынца.

Обращая к лингвистическому анализу названия, прежде всего необходимо подчеркнуть, что господствующий в литературе скепсис относительно славянской версии не имеет под собой почвы. Основа, безусловно, имеет общиндоевропейский характер: **ghel*, **ghol* — «звучать», **gal* — «издавать звук», «подавать голос». В славянских языках этот термин дал «глаголь» — «звук», «звон», «язык» (от «гольголь» — методом удвоения основы). К этому же гнезду относится «глась», «голось», а также «гуль», «галда» — «шум», «галдеть» — «шуметь», «гулкий» — «шумный» и т. д. Следовательно, основа не должна нас смущать; речь может идти лишь о фортанте, что в данном случае (с учетом характера источника) имеет минимальное значение.

Скандинавская версия предполагает Gellandi — «шумящий» или Gellandri («г—» — лексия имен мужского рода). Это действительно отличная этимология, точно отвечающая семантике, засвидетельствованной Порфиригенетом. Правда, такая безупречность (единственная в нашем случае) резко снижает «славянской» принадлежностью комментируемого термина, что заставляет предполагать здесь (как и в случае с Эссуни) «гибридную» форму с использованием разноязычных элементов. Впрочем, ситуация оказывается гораздо проще, чем кажется на первый взгляд.

В осет. *qælæi/gælæs* — «голос»; *qæg* — «шум», «крик»; *qærgænag* — «шумный»; *zæl* — «звук», «звон»; *zælang kænnyu* — «звенеть»; *zælyu* — «звучать»; и т. д. С этим приходится сравнивать и *kælyu/*gælyu* — «литься», что определенным образом связывает данное гнездо с движением воды.

Вторая основа — осет. *dwar* — «двери» (ср. балк. *dog* — «камень») — явно переключается с понятием «порог». Таким образом, кавказская этимология не уступает норманнской.

Четвертый порог, по Константину Багрянородному, называется по-русски *Айфор* (*'Αειφόρ*), а по-славянски — Неясыть (*Неаσηт*). Это — Неясытец — наиболее грозный из Днепровских порогов, имевший девять лав, и наиболее труднопроходимый. Значение обоих терминов дано описательно: «потому, что здесь гнездятся пеликаны». Данная семантическая справка породила в литературе немало недоумений. Как известно, пеликаны в области Днепровского Надпорожья не водятся и не гнездятся. Древнерусское слово «неясыть» (этимологически оно действительно происходит от термина «ясти» — «есть», «кормиться» и значит «не насытанный») обозначает не пеликана, а одну из разновидностей сов. Таким образом, здесь имеет место вполне очевидное недоразумение. Естественно, учитывая характер источника, его очень просто было бы отвести за счет недостаточной информированности Порфиригенета, но стремление к корректности выводов требует более осторожного подхода. Прежде чем говорить о неосведомленности автора, необходимо выяснить возможность

скрытого (точнее, не понятого исследователями) смысла.

Главная ошибка комментаторов, на наш взгляд, заключалась в неправильной акцентировке сообщения. Традиционно подчеркивается орнитологическая определенность (упомянутый вид птиц). Экзотичность такой справки не отразимо действовала на воображение исследователей, приковывая внимание к пеликанам. Между тем Константин Багрянородный, скорее всего, хотел подчеркнуть наличие гнездовий безотносительно к видам пернатых — как характерную особенность порога, наиболее защищенного природными условиями. Повидимому, Неясытец действительно привлекал птиц в силу своей неприступности.

Убедительной (более того, сколь угодно приемлемой) скандинавской этимологии слово «Айфор» не имеет. Высказанные в литературе гипотезы (от *Eiforg* — «вечно бегущий» или от голланд. *buеваг* — «аист») неприемлемы по причине несоответствия засвидетельствованной источнику семантике.

Осет. *Ajk* (**Aj*) — «яйцо» (имеющее, впрочем, общеиндоевропейский характер) — довольно точно фиксирует наличие гнездовий, что подчеркивается и Порфиригенетом. Вторая основа — осет. *fars* (**fors* — «бок», «ребро», «порог», то есть вместе: «порог гнездовий»). Впрочем, возможен другой вариант для второй основы — от осет. *farin* (в архетипе — общеирав. **parna*) — «крыло».

Пятый порог имеет «русское» название *Варуфорос* (*Βαρουφόρος*) и «славянское» — Вулнплаг («Вольный порог»). Семантика дана в описательной форме: «...ибо образует большое озеро». Это — Вольный порог, согласно современной терминологии действительно имевший значительную по площади заводь.

Данное слово является гордостью норманизма, впрочем, весьма иллюзорной. Первую основу слова принято толковать от *Ваги* — «волна», вторую — от *fors* — «водопад». С фонетической стороны это звучит неплохо, но семантика решительно не согласуется с данной этимологией. Во-первых, интерпретированный таким образом термин имеет тавтологический характер, ибо «волна» и «водопад» в подобном употреблении,

по сути, означали бы одно и то же. Вторых, он не соответствует значению, засвидетельствованному Константином Багрянородным, а в некотором смысле даже противоречит ему, подчеркивая бурный характер порога, тогда как в источнике, напротив, речь идет об относительном спокойствии, так как озеро предполагает широкий плес, отличающийся сравнительно медленным течением.

В этом смысле скифо-сарматская этимология оказывается более точной. Общеиран. *vācu* означает «широкий»; осет. *fars* **fors* — «порог». Интерпретация вполне безупречная, точно отвечающая справке Порфиrogenета.

Шестой порог «по-русски» именуется *Леанги* (Λεάνγι), а по-славянски — Веруци (ср. совр. укр. «вирующий»), что, согласно утверждению Константина Багрянородного, означает «Кипение воды». «Славянское» название вполне понятно и точно соответствует фиксированной семантике. Это, по-видимому, Сурской, или Лоханский, порог.

Сколько-нибудь приемлемой скандинавской этимологии слово Леанги не находит. Высказанная в литературе гипотеза, что оно происходит от *Hlaejan-di* — «смеющийся», — выглядит неубедительно, так как не соответствует данным источника. Напротив, скифско-сарматская версия представляется вполне правомочной. Осет. *lejun* — «бежать» хорошо соответствует значению, указанному в источнике. Отметим, что этимологически данный термин непосредственно связан с движением воды (общееиндоевроп. **lej* — «литься», «лить»). Данный термин хорошо представлен в славянских и балтских языках.

Приведенная Константином Багрянородным форма также приемлема. Она представляет собой причастие с закономерным переходом *u* → *a* перед звуко-сочетанием *nt/nd* (в соответствии со схемой: дигор. (западноосет.), *u* = ирон. (восточноосет.), *j* = иран. *a*). Таким образом, исходная форма **Lejanti*/**Lejan-di* очень точно воспроизведена в комментариумном греческом тексте.

Последний, седьмой порог имеет «русское» название *Струкун* (Στρούκον) или *Струвун* (Στρούβουν) и «славянское» Напрези (Ναπρεζή). Обе «рус-

ские» формы встречаются в рукописях и могут рассматриваться как равноценные в источниковедческом отношении. Лингвистически предпочтительной признается первая. Значение имени, по Константину Багрянородному, — «Малый порог». Имеется в виду скорее всего Кодак, действительно считавшийся наиболее легко проходимым.

В настоящее время проблематичными считаются оба названия — и «русское» и «славянское». Напрези — единственное из «славянских» названий, вызвавшее в литературе споры и расхождение во мнениях. Часть исследователей толковало его как «Напорожье» — более чем сомнительный вариант, ибо содержание термина охватывает всю порожистую часть Днепра и, следовательно, может быть применено к любому порогу. Возможно, что слово этимологически восходит к древнерус. «напрящи», «напрягать». В ранний период данный термин применялся обычно лишь в значении «натягивать»³⁴. К тому же он не отвечает семантике, приведенной Порфиrogenетом, хотя «малый» (если понимать его в смысле «неширокий», «узкий») предполагает напряженное течение или падение воды. Известной популярностью в науке пользуется конъектура «На стрези»³⁵, ее в частности, принимает Г. Г. Литаврин, но и она не доказана.

Возможен еще один вариант, который представляется наиболее правдоподобным: не совсем точно воспроизведенное Константином выражение «не прѣзь», то есть «не слишком (большой)».

«Русское» название Струкун (или Струвун) удовлетворительной скандинавской этимологии не имеет. Попытки вывести его из норв. просторечного *strok*, *stryk* — «сужение русла» или из швед. диалектного *struck* — «небольшой водопад, доступный для плавания», несмотря на кажущееся правдоподобие, сомнительны по причине исторической непригодности сравнительного материала. Зато скифо-сарматский вариант может считаться идеальным. Осет. *stur*, *ustur* означает «большой». Суффикс *gon/kon*, по словам В. С. Миллера, «ослабляет значение прилагательных»³⁶. Следовательно, **Usturkon*, **Sturkon* — «небольшой», «не слишком большой» →

очень точно соответствуют данным источника.

Таким образом, все семь имен получили безупречные осетинские этимологии, хорошо соответствующие тексту источника. Конечно, проявление слепой случайности здесь исключается. Предлагаемый вариант интерпретации во всех семи случаях превосходит норманнский уже тем, что не оставляет *ни одного* имени без надлежащего разъяснения. Следовательно, «Русь» Константина Багрянородного — это не норманнская и не славянская, а сарматская «Русь», сливающаяся с тем таинственным народом Рос, который древние авторы еще в последние века до нашей эры размещают в юго-восточном углу Восточно-Европейской равнины.

Можно согласиться с исследователями, относящими начало формирования славянской Руси к VI—VII вв. Начиная с этого времени в источниках фигурирует уже главным образом только славянская Русь, тогда как реальное существование сарматской Руси приходится на более раннее время. Именно эта сарматская Русь была в древности хозяином порожистой части Днепра; проникновение сюда славянских переселенцев (на первой стадии довольно слабое) фиксируется археологическими материалами только от рубежа нашей эры (эпоха зарубинецкой культуры)³⁷. Значительно интенсивнее поток переселенцев становится в период так называемых Готских или Скифских войн (III в. н.э.), но лишь после разгрома Готского объединения гуннами в 375—385 гг. и поражения самих гуннов на Каталаунских полях в 451 г. он приобретает действительно массовый характер. В это время ситуация меняется: реальными хозяевами в области Надпорожья становятся славяне³⁸, и как следствие, сарматскую Русь сменяет Русь славянская.

Из сказанного вытекают чрезвычайно важные соображения хронологического порядка. Очевидно, было бы ошибкой относить возникновение приведенной Константином Багрянородным «русской» номенклатуры Днепровских порогов к середине X в. Она, несомненно, намного старше и, скорее всего, восходит к последним векам до нашей эры,

когда сарматские полчища затопили южнорусские степи. Именно эта номенклатура была исходной и приобрела международное значение; славянская представляет собою переводы или кальки сарматских названий. Она сложилась не ранее III—IV вв. (а скорее — после разгрома гуннов), когда наши предки начали активную колонизацию Степного Причерноморья и освоение днепровского водного пути.

Нельзя не обратить внимание на то, что «русские» названия порогов транскрипированы Порфиригенетом довольно точно. Славянские названия представлены в тексте значительно хуже. Здесь передача чуждых для греческого языка терминов имеет приблизительный (хотя и вполне узнаваемый) характер. Из этого следует, что «русская» терминология была известна в Константинополе лучше «славянской» и применялась более часто для практических целей. Традиция ее имела глубокие хронологические корни, что делало «русские» названия более привычными и знакомыми.

¹ Constantini Porphyrogeneti. De administrando imperio, 9.

² Юшков С. В. До питання про походження Русі. К., 1941, т. 1, с. 144—146; Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — СЭ, 1947, т. 6/7, с. 76—77; Греков Б. Д. Антинаучные измышления финского профессора. — Избр. тр. М., 1959, т. 2, с. 562; Шаскольский И. П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. — М.; Л., 1965.

³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, т. 1, с. 34—35.

⁴ Lowmianski H. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. — Warszawa, 1957, с. 137—138.

⁵ Рыбаков Б. А. Предпосылки образования древнерусского государства. — В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 787.

⁶ Юшков С. В. Указ. соч., с. 144—146; Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 76—77; Магродин В. В. Очерки истории СССР: Древнерусское государство. — М., 1956, с. 92; Толкачев А. И. О названиях днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De adm. imp.». — В кн.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962; Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 46—50.

⁷ Thomsen W. The Relations between Ancient Russia and Scandinavien and the Origin of the Russian State. — Oxford, 1877; Thomsen W. Der Ursprung des Russischen States. Gotha. — Oxford, 1879; 1879; Томсен В. Начало русского государства. — М., 1891.

⁸ Ekblom R. Die Namen der siebenten Dneprstromschnelle, Språkvetenskapliga sälls-

kapets i Uppsala förhandlingar 1949/1951.—Uppsala, 1952; *Falk K.* Dneprforsnamnen än en gång.—Namn och Bygd, 1950; *Falk K.* Ännu mera om den Konstantinska forsnamnen.—Namn och Bygd, 1951; *Falk K.* Dneprforsarnas namn i keisar Konstantin VII Porphyrogenetos "De adm. imp."—Lunds universitets aarskrift, 1951; *Karlgren A.* Dneprforssernes nordisk-slaviske navne.—J. Festskrift udgivet av Köbenhavns univ. Aarfest, 1947, № 11; *Krause W.* Der Runenstein von Pilgärd.—Nachr. Akad. Wiss. Gottingen, Philol.-Hist. Kl., 1952, N 3; *Krause W.* En vikingafärd genom Dneprforsarna.—Göteborgs arkiv, 1953, N 24; *Pipping H.* De skandinaviska Dnjeprnamnen.—Studier i nordisk filologie, 1940; *Sahlgren J.* Mera om Dneprforsarnas svenska namn.—Namn och Bygd, 1950; Dnjeprforsarna Genmäle till genmäle.—Ibid., 1951; *Sahlgren J.* Dnjeprforsarnas svenska namn.—Ibid., 1950; Les noms suédois de torrents du Dnepr chez Constantin Porphyrogenete.—Onomata (Athene), 1952, 1.

⁹ *Ламанский В. И.* О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании.—Учен. зап. 2-го отд-ния АН, 1859, кн. 5, с. 86; *Срезневский И. И.* Русское население степного и Южного Поморья в XI—XIV вв.—Изв. ОРЯС, 1860, т. 8, вып. 4; *Багалеи Д.* История Северной земли до половины XIV в.—Киев, 1882, с. 16—25; *König E.* Zur Vorgeschichte des Namens Russen.—Zit. für Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1916, Bd, 70; *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени.—Пр., 1919, с. 34; *Пархоменко В. А.* У истоков русской государственности.—Л., 1924, с. 51; *Артамонов М. И.* История хазар.—Л., 1962, с. 293.

¹⁰ «Византийцы явно путали Русь с варягами, приходившими из Руси и служившими в византийских войсках» (*Тихомиров М. Н.* Указ. соч., с. 76—77). Ср. также: *Шаскольский И. П.* Указ. соч., с. 50.

¹¹ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1962, т. 1, с. 281—282, 286—289; *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 22, 25—30, 45—46, 193, 209—213.

¹² *Strab.* Geogr., II, 5, 7; VII, 3, 17; XI, 2, 1; XI, 5, 8; *Plin. Nat. Hist.*, IV, 80; *Ptol. Geogr.*, III, 5, 7.

¹³ *Jord. Get.*, 129.

¹⁴ *Тихомиров М. Н.* Происхождение названий...; *Насонов А. Н.* «Русская» земля и образование территории древнерусского государства.—М., 1951; *Рыбаков Б. А.* Древние русы.—СА, 1953, № 17.

¹⁵ *Дьяконов А. П.* Известие Псевдо-Захарии о древних славянах.—ВДИ, 1939, № 4; *Пигулевская Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа.—ВДИ, 1939, № 1, с. 115; *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории СССР.—М.; Л., 1941, с. 9—12, 80—81; *Пигулевская Н. В.* Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э.—В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия.—М., 1952.

¹⁶ *Толстов С. П.* Из предистории Руси.—СЭ, 1947, т. 6; 7.

¹⁷ *Березовец Д. Т.* Про ім'я носіїв салтівської культури.—Археологія, 1970, т. 24.

¹⁸ *Будилович А. С.* К вопросу о происхождении слова Русь.—Тр. VIII АС, 1897, т. 4, с. 118—119; См. также отчет Е. Ф. Шмурло о работе съезда в ЖМНП (1890, май, с. 25—29).

¹⁹ *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского.—Труды. Спб., 1912, т. 2, вып. 2, с. 380; *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского.—Там же, 1915, т. 3, с. ССLXXVII—ССLXXXV.

²⁰ «Мы не хотим здесь проповедать новой теории происхождения Русского государства или, лучше сказать, русского имени, которую пришлось бы назвать готскою (намек на нее давно уже встречаются), но не можем обойтись без замечания, что при современном положении вопроса она была бы во многих отношениях пригоднее нормано-скандинавской» (*Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского, с. ССLXXII).

²¹ *Браун Ф.* Разыскания в области готско-славянских отношений.—Спб., 1899, с. 2—18.

²² «Готской школы, по крайней мере в смысле объяснения начала Русского государства, никогда не будет и быть не может. А не может ее быть по той причине, что теории норманистов давным давно уже перестала быть простой более или менее смелой гипотезой и стала теорией, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими» (*Браун Ф.* Указ. соч., с. 2). Итак, вся аргументация держится на признании неизбежности норманнской теории. Вполне очевидный крах последней решительно отменяет все Брауново построение.

²³ *Kmicieński J.* Zagadnienie kultury gotko — gepidzkiej.—Łódź, 1962; *Hachmann H.* Die Goten und Scandinawien.—Berlin, 1970.

²⁴ *Müllenhof K.* Ueber die Herkunft und Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten.—Monatsschr. preuss. Akad. Wiss., 1866, 8; *Миллер Вс.* Эпиграфические следы иранства на юге России.—ЖМНП, 1886, окт.; *Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды.—Изв. ОРЯС, 1921, № 26; 1922, № 27; *Соболевский А. И.* Славяно-скифские этюды.—Изв. ОРЯС, 1928, № 1, кн. 2; 1929, № 2, кн. 1; *Ростовцев М. И.* Эллинизмо и иранство на юге России.—Пр., 1918; *Vasmer M.* Iranier in Sürussland.—Leipzig, 1923; *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste.—Praha, 1955.

²⁵ *Петров В. П.* До методики дослідження власних імен в епіграфічних пам'ятках Північного Причорномор'я.—В кн.: Питання топоніміки та ономастики. К., 1962; *Петров В. П.* Скіфи: Мова і етнос.—К., 1968.

²⁶ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор.—М.; Л., 1949, с. 147—148, 244.

²⁷ *Вилецкий А. О.* Проблема мови скіфів.—Мовознавство, 1953, № 11, с. 72.

²⁸ *Васильевский В. Г.* Введение в Житие св. Стефана Сурожского, с. ССLXXXII.

²⁹ Мысль о том, что «русские» названия порогов у Порфиригенета суть сарматские, высказывалась еще авторами XVIII в.

³⁰ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина.—В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 272.

³¹ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, т. 2, с. 355—356.

³² Herod., Hist., IV, 27.

³³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.— М.; Л., 1953, т. 1, с. 99.

³⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895, т. 2, с. 314.

³⁵ Константин Багрянородный. Об управлении..., с. 272.

³⁶ Миллер В. С. Язык осетин.— М.; Л., 1952, с. 155.

³⁷ Петров В. П. Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах в Нижнем Поднепровье.— КСИА АН УССР, 1954, № 4; Погребова Н. Н. Позднекиевские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64, с. 136—141, 208—215.

³⁸ Брайчевская А. Т. Черняховские памятники Надпорожья.— МИА, 1960, № 82; Смиленько А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II—XIII ст.).— К., 1975, с. 16—57; Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності.— К., 1964, с. 23—26; Брайчевський М. Ю. Походження Русі.— К., 1968, с. 43—44.

*Р. С. Орлов, А. П. Моця,
П. М. Покас*

ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ЮРЬЕВА НА РОСИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

История древнерусского города Юрьева, как и многих других городов доордынской Руси, до недавнего времени была известна лишь из письменных источников, которые связывают судьбу города с Поросьем — южным порубежьем Киевской земли. Именно в Поросье со Стугны во времена княжения Ярослава Мудрого была перенесена граница государства, а возможно, как полагает П. П. Толочко, и до Тясмина¹. Под 1031 г. в Ипатьевской летописи имеется сообщение о походе Ярослава и Мстислава Владимировичей на Червенские грады, в результате которого «многи ляхи приведоста и разделившая, Ярослав посади своя по Рси и суть до сего дня»². В следующем 1032 г. «...Ярослав поча ставити города по Рси...»³.

Летописные известия выделяют Юрьев как крупный политический и экономический центр укрепленного и пограничного со степью Поросья. Впервые же на страницах летописи под 1072 г. упоминается не город, а юрьевский епископ Михаил. Встречаются имена и других епископов, правивших юрьевской епархией в 1089 г. (Антоний), 1091, 1095 гг. (Марин), 1114, 1121 гг. (Даниил), 1147, 1154 гг. (Демьян), 1190, 1197 гг. (Андриан), 1225 г. (Алексей)⁴. Юрьев получил епископскую кафедру первым из городов Руси (вместе с Белгородом) после Киева и Новгорода до 1072 г., по предположению Е. Голубинского, при Яро-

славе Мудром. Столь раннее учреждение кафедры в Юрьеве, возможно, связано с событиями 1030 г. — переселением в Поросье западнославянского населения, крестившегося по католическому обряду и нуждавшегося в особом внимании со стороны православного духовенства.

Первое упоминание о городе относится к 1095 г., когда город был сожжен половцами: «...а Гюрьгевъ зазгоша Половць тощъ». Через восемь лет Святополк, после успешного похода в степь и «привода веж торков» и печенегов на Русь, отстраивает Юрьев: «...иде Святополкъ и сруби Гюрьговъ его же бѣша пожѣгль Половци»⁵.

На протяжении XII в. население города совместно с союзными Черными клобуками принимает активное участие в отражении половецких нашествий. Половцы терпят под стенами города поражения в 1158 и 1162 гг.⁶ Последнее упоминание о городе относится к 1390 г. в Воскресенской летописи, где Юрьев назван в числе крупных городов Киевской Руси («Список Русских городов») наряду с Переяславлем и Васильевым⁷.

Вопрос, связанный с локализацией Юрьева в среднем течении р. Рось в районе современной Белой Церкви, решался по-разному. М. Андриевский в работе «Летописный Юрьев на Роси» соотнес с Юрьевым городище Райгородок на р. Гороховатка (восточнее Бе-

лой Церкви). Одним из основных его аргументов против локализации Юрьева на территории Белой Церкви было отсутствие древних храмов, а о Райгородке существовала легенда, в которой говорилось о наличии в древности здесь храмов. Л. Похилевич локализовал Юрьев в районе Белой Церкви, а М. Н. Тихомиров — на северо-западной окраине города в уроч. «Палиева гора»⁸. Высказано мнение, что каплица на Замковой горе, упоминаемая в люстрации Белоцерковского замка 1612 г., а следовательно, и более ранняя церковь имеет отношение к остаткам церкви в усадьбе Николаевского собора⁹. Последняя расположена в 400 м к северо-востоку от замка и относится, скорее, к началу XVIII в. Отметим, что люстрация замка 1765 г. также описывает каплицу: «каплица старая, крыша на ней старая, испорченная»¹⁰. Сохранившиеся описания замка упоминают деревянную застройку и деревянно-земляные укрепления, из чего следует, что и каплица, пришедшая в ветхое состояние к 1765 г., была также деревянной.

Окончательно решить вопрос о местонахождении Юрьева помогли археологические данные. Еще в 1949 г. в результате наблюдений сотрудников историко-краеведческого музея за строительными работами в городе на территории усадьбы Сельскохозяйственного института (площадь Свободы) обнаружен культурный слой XI—XII вв. Тогда же во дворе дома № 8 по ул. Росевой было найдено погребение, которое О. И. Богданов отнес к древнерусским¹¹. Археологические материалы с территории Замковой горы и прилегающих к ней районов города, открытые в разные годы, поступали в коллекцию краеведческого музея. Это наконечники стрел, пряслица из пиррофиллита, шпору, удила, топоры, меч, обломки керамики, в том числе амфорки киевского типа¹². Найденные вещи XII—XIII вв. свидетельствуют о наличии древнерусского слоя под крепостью XVI—XVIII вв.

В 1957 г. через Замковую гору было проведено шоссе. В результате работ был уничтожен культурный слой на площади около 1500 м². Сотрудникам

музея удалось собрать материал XII—XIII вв.: глиняную посуду, ножи, лемех, топор, шпору, украшения, обломки стеклянных браслетов, обуглившееся зерно. Ими прослежены квадратная в плане постройка и хозяйственные ямы. Найдены целая плинфа (29×19×4—4,5 см) и керамические плитки для пола с глазурью зеленого цвета. Отмечены следы пожара, уничтожившего застройку участка. В целом следует согласиться с авторами публикации материалов, что культурный слой Замковой горы имеет «городской» характер, а наличие каменной церкви является серьезным аргументом в пользу локализации Юрьева в районе Замковой горы¹³.

После 1957 г. М. П. Кучера и П. П. Толочко во время разведок по Поросью обратили внимание на два городища, сохранившиеся в городе (Замковая гора и Палиева гора). Ими был собран материал древнерусского времени, но более или менее значительные раскопки не проводились¹⁴.

В 1978 г. для определения степени сохранности культурного слоя городищ и его датировки по просьбе горкома Компартии Украины и горисполкома Белой Церкви была создана Белоцерковская экспедиция Института археологии АН УССР. Экспедиция проводила исследования в течение пяти полевых сезонов (1978, 1980—1983). Проведенная в первый год шурфовка городищ определила характер культурного слоя, выявила находки, позволившие датировать городища. Выяснилось, что городище Палиева гора (площадь около 0,24 га), расположенное на территории дендропарка «Александрия», не содержит слоя, характерного для древнерусского города. На городище (округлом в плане, диаметром 55 м, с валом шириной 7—8, высотой 1,5 и вром, глубиной 1,5, шириной 5—6 м) была заложена траншея длиной 30 м. Мощност культурного слоя незначительна, материк — на глубине 0,4—0,5 м. Найдены мелкие фрагменты керамики XII—XIII вв. В северной части траншеи под валом найдена часть постройки с материалами: лировидная железная пряжка, обломки лепных горшков, сковородки без бортиков

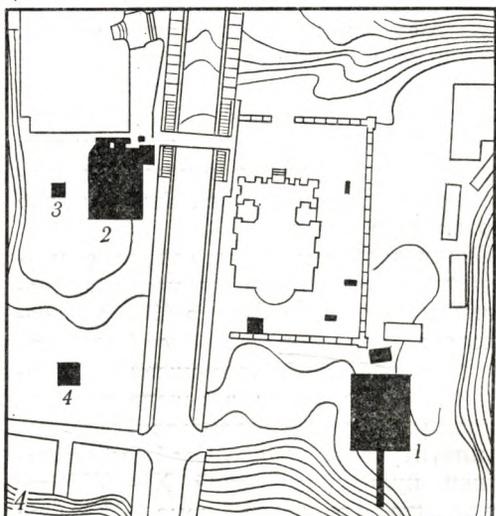
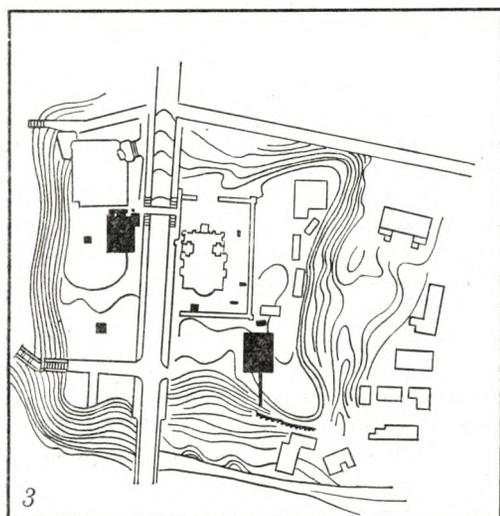
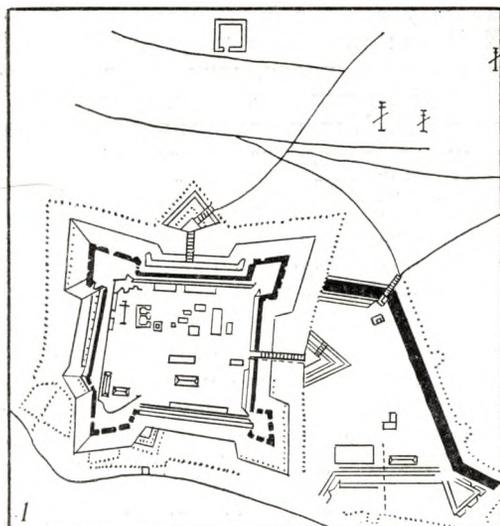

Рис. 1. Детинец древнерусского Юрьева:

1 — план Замковой горы 1734 г.; 2 — план Белоцерковской крепости 1769 г.; 3 — современный план Замковой горы. Съемка Белоцерковской экспедиции 1983 г.; 4 — расположение раскопов и шурфов на площадке Замковой горы.

и целый горшок высотой 25 см. Материалы датируются VI—VII вв. и имеют аналогии среди памятников пеньковской культуры¹⁵. Укрепления городища были частично повреждены, частично досыпаны при сооружении памятного знака (1980—1981), но, несмотря на отсутствие наблюдений за земляными работами, внешний облик земляных укреплений не вызывает сомнения в том, что они не имеют никакого отношения к фортификации XVII—XVIII вв.

Городище Замковая гора расположено в центре города, на левом берегу р. Рось (рис. 1, 3). Оно представляет собой прямоугольную в плане площадку 135×125 м с выступами бастионов, занимающую 1,85 га. Городище возвышается над рекой на 16 м, с напольной стороны (ул. Замковая) — на 5 м. Городище перекрыто городскими строениями. Территория, доступная для археологических исследований в 1978 г., первоначально составлявшая около 2,5 тыс. м², в 1982—1983 гг. сократи-

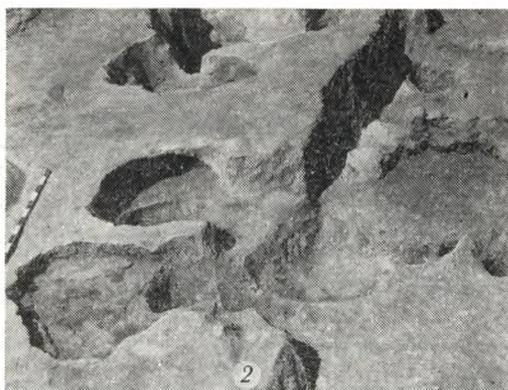

Рис. 2. Замковая гора:

1 — вид с запада на раскопы I и II; 2 — раскоп I, комплексе «поварни», постройка № 3 с печами-нишами; 3 — раскоп II, кладка алсиды храма; 4 — саркофаг у западной стены храма (погребение № 19).

лась из-за работ по упорядочиванию территории городища (рис. 1, 4).

Всего на Замковой горе на четырех раскопах и шурфах вскрыто около 1000 м² культурного слоя до глубины 3,5—4,5 м, обнаружены жилые и хозяйственные постройки XI—XIII вв. (четыре — XI в., шесть — XII—XIII вв.) и сопутствующие им хозяйственные ямы. У северного бастиона исследованы фундамент храма XII—XIII вв. и могильник XI—XIII вв. (рис. 2, 1).

После локализации городища Юрьева с епископской церковью на Замко-

вой горе стало очевидно, что границы современной площади крепости не совпадают с древнерусским городищем. Продолжение древней площадки городища следует видеть в возвышающемся над Росью участке к юго-востоку от Замковой горы — район современных 1-го и 2-го Замковых переулков. После строительства замка в 1550 г. этот район получил название «пригородок». В люстрации 1570 г. имеется описание: «...перед замком есть вал, за которым раньше пригородок опасливый для замка»¹⁶. «Опасливым» «пригородок» назван из-за возможности противника

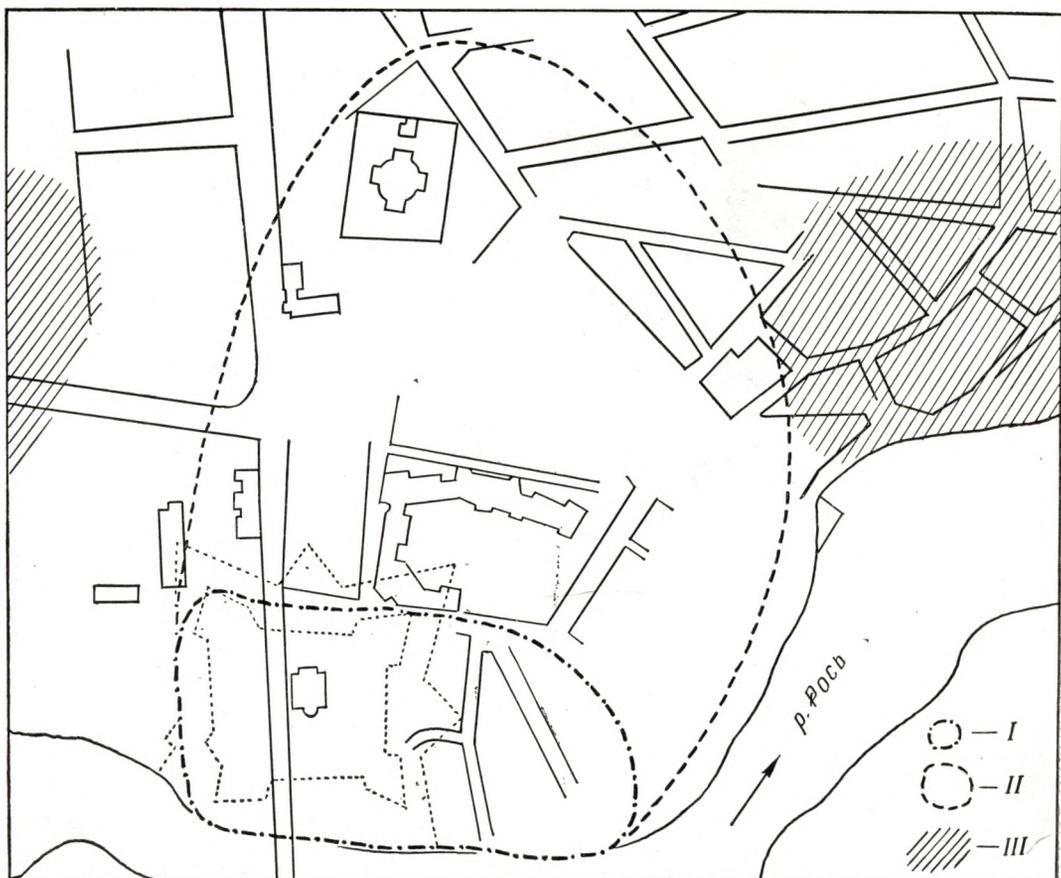

Рис. 3. Территория древнерусского Юрьева:

I — укрепленный детинец; II — укрепленный окольный град; III — заселенная округа. Вариант реконструкции Р. С. Орлова.

именно через него проникнуть в замок. Название этого района города «пригородком» сохранилось и позже, когда в люстрации 1769 г. упоминаются его отдельные укрепления: «...за той башней пригородок, т. е. равнина, за которой есть вал небольшой, между тем валом и вторая деревянная башня...»¹⁷.

Наблюдения за земляными работами в районе «пригородка» выявили культурный слой с древнерусской керамикой, пряслицами, стеклянными браслетами. Таким образом, имеются основания для предположения, что городище Юрьев включало и «пригородок». Сказанное подтверждается и архивными планами города и крепости 1734 и 1769 гг. (рис. 1, 1, 2)*. На обоих пла-

нах обозначен «пригородок», примыкающий к замку и приблизительно равный ему по площади. Сохранившийся чертеж профиля через вал и ров крепости (на плане № 2) показывает незначительный перепад высот между замком и «пригородком», что подтверждает искусственное происхождение рва, выкопанного для создания прямоугольника замка между бастionsами. Возможно, первоначально укрепленная площадь Юрьева (детинец) составляла 4 га.

Сложнее определить территорию примыкающего к детинцу окольного града. Культурный слой древнерусского времени прослежен в усадьбах Сельскохозяйственного института и Спасо-Преображенской церкви (разведочная шурфовка 1982 г.), а также по ул. Росевой. При рытье котлована на пл. Сво-

* Хранятся в ЦГВИА СССР в Москве, ф. 349, оп. 3, № 2162/1—2, 4463.

боды (1982) найдена керамика XII—XIII вв. Приведенные данные позволяют отнести к околному граду часть территории, которая на плане 1769 г. обнесена валом с частоколом (рис. 3), что составляет более 10 га. Наблюдения за траншеей на ул. Советской (1978—1979) и за прокладкой коммуникаций в городском парке между улицами Советской и Росевой показали отсутствие сколько-нибудь значительного культурного слоя. Здесь же отмечен высокий уровень грунтовых вод (глубина около 1,0—1,5 м). Возможно, этот район, примыкающий к реке и заболоченный, следует исключить из древнерусской застройки. Приведенные данные позволяют отнести городище Юрьева к мысовым, а развитие околного града определить в направлении к востоку от детинца (рис. 3, 1—3). Точнее определить территорию, занимаемую Юрьевым и средневековой Белой Церковью, можно будет только после многолетних постоянных наблюдений за земляными работами в городе.

На всех четырех раскопах, шурфах и траншеях обнаружена сложная стратиграфия памятника. Мощность культурного слоя в раскопе I (у южного бастиона) была максимальной и достигала 3,5—4,5 м. Возле северного бастиона на раскопе II отмечена минимальная глубина залегания материала — 0,4—1,5 м. Данное обстоятельство объясняется не столько земляными работами по устройству укреплений замка, сколько плановой структурой детинца: плотная жилая и хозяйственная застройка на месте раскопов I и IV способствовала росту напластований и, напротив, консервировала уровень древнего горизонта на месте храма и могильника (раскопы II и III) (рис. 1, 3, 4).

Наибольшая информация о стратиграфии и хронологии получена в раскопе I. Для него был выбран единственный свободный от застройки и деревонасаждений участок возле южного бастиона (рис. 1, 4). Площадь раскопа 366 м², глубина до материкового суглинка от 2,2 до 4,5 м. Для стратиграфической привязки объектов была осуществлена частая сетка разрезов (че-

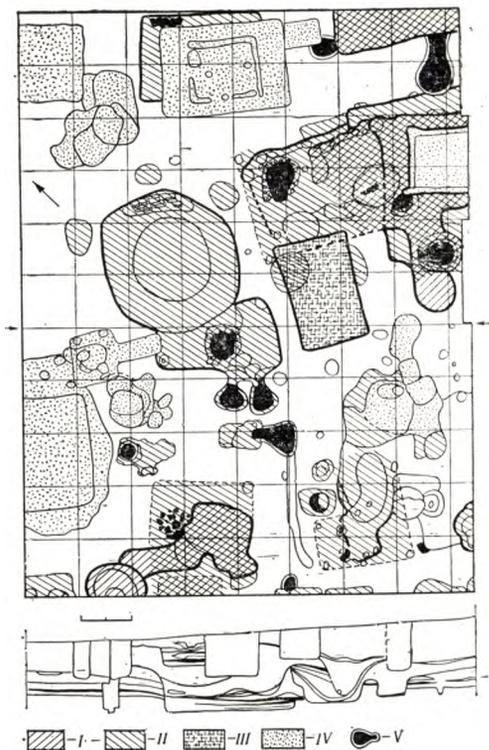

Рис. 4. План построек в раскопе I на уровне материка (2,2—4,5 м от современной поверхности):

I — постройки XI в.; II — постройки XII—XIII вв.; III — постройка XIV—XV вв.; IV — постройки XVII—XVIII вв.; V — поды печей XI—XIII вв.

рез каждые 4 м). Всего получено семь разрезов общей протяженностью в 105 м.

Полученная стратиграфическая схема позволила установить, что по всей площади раскопа на глубине 1,7—2,2 м от современной поверхности выделяется горелый слой мощностью до 0,2—0,3 м. Ниже пожараща, иногда перекрытые им, находились постройки с материалами XI—XIII вв., выше — преимущественно с материалами XVII—XVIII вв. Слой пожараща обнаружен и в раскопе IV (у западного бастиона), и в шурфе (площадь 16 м²) возле алтарной части костела. Этот слой состыковывает одинаковые слои по всей исследуемой территории детинца и завершает древнерусский период жизни города. Именно здесь, в раскопе IV (1983), обнаружен обгоревший скелет ребенка, а рядом — целый ошлакованный горшок. Имеются все

основания предполагать, что застройка детинца погибла в годы нашествия хана Батгя, то есть около 1240 г.

Другая пожарная прослойка связана не со всей площадью раскопа, а только с постройками № 1, 4, 5. Она лучше прослежена в углубленных в материк подклетьях (рис. 4). В качестве примера рассмотрим жилую постройку № 1 (раскопки 1978 г.). Подклеть постройки заполнена развалом печи, рухнувшей с верхнего этажа при сильном пожаре, уничтожившем город в середине XIII в. Под развалом печи и следующей ниже гумусной прослойки — горелый слой с материалами XI в. На одном уровне с полом XI в. прослежен коридор, соединявший подклеть с хозяйственной ямой. Показателем материала из ямы — донышки остродонных стеклянных кубков и венчики, характерные для горшков (см. рис. 8, 18). Подобная стратиграфическая ситуация восстанавливается для построек № 4 и 6. Подклеть после пожара была значительно увеличена (с 16 до 25—30 м²) (рис. 4). Как и постройка № 4 (XI в.), постройка № 6 (XII—XIII вв.) многокамерна: к жилой подклети с печью примыкает пристройка столбовой конструкции с печью.

Материалы из слоя выше и ниже пожарной прослойки фиксируют два этапа Юрьева до нашествия орд хана Батгя. Наиболее вероятно этот слой соотносит с летописным пожаром 1095 г. Неожиданно интересным оказался сам факт восстановления жилищ на прежних местах, хотя и с последующими перестройками. Восстановлены и хозяйственные постройки № 3, 7. Так, амбар (вежа — ?) диаметром более 5 м, глубиной 4,5 м, дошедший до нас в своей подземной части, дает в нижних прослойках заполнения керамику XI в., а в верхних — XII—XIII вв. Этот факт объясняется не только небольшим перерывом (восемь лет) до восстановления города, но и тем, что жители ушли из города. «Половцы же придоша за Рось, гюргевци же выбуша и идоша Киеву. Святополкъ же повеле рубити городъ на Вытечевъ холму, в свое имя нарек Святополчь город, и повель епископу Марину съ гурговци състи ту, и засаковцем, и

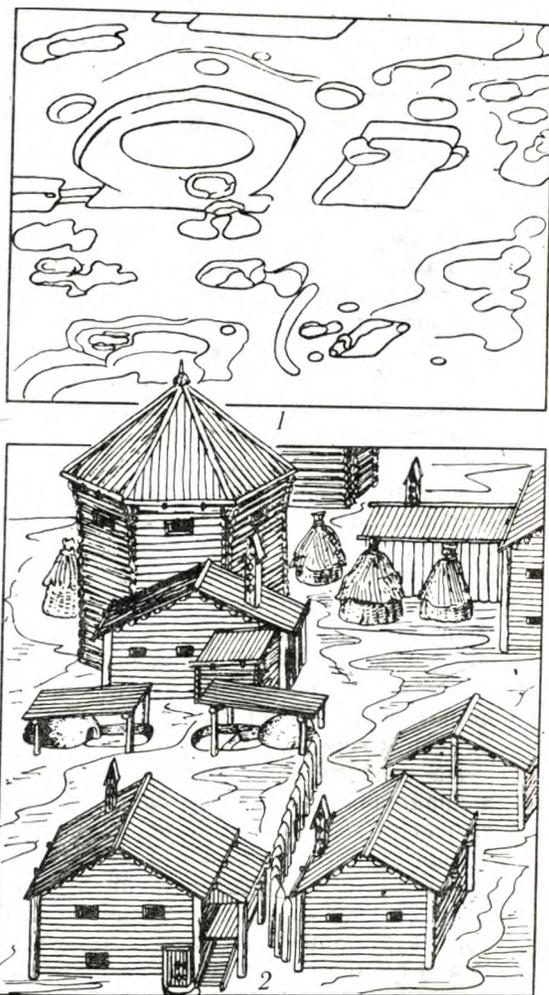

Рис. 5. Комплекс поварни из раскопа 1:

1 — аксонометрия участка; 2 — застройка XII—XIII вв. Реконструкция Р. С. Орлова.

прочим от инѣхъ градъ, а Гюргевъ загоша половци тощъ» (ПВЛ, под 1095 г.). Очевидно, возвратившись в 1103 г., жители Юрьева заняли свои участки и отстроили жилища. Об этом свидетельствует и дворово-усадебная застройка детинца Юрьева.

Отмеченная особенность планировки детинца подтверждается жилищно-хозяйственным комплексом поварни (раскопки 1980—1981 гг.). Входившие в него печи и хозяйственные постройки размещены вокруг небольшого двора, примыкающего к жилой постройке № 1 (рис. 2, 2). Таким образом, в реконструируемую усадьбу входят:

1) жилой комплекс (горница с печью на подклете); 2) хозяйственная постройка с двумя печами-нишами; 3) хозяйственная постройка с тремя печами (две нишеобразные) (рис. 2, 2); 4) примыкающий к ней амбар (вежа?) со сложным отопительным устройством и погребом; 5) три печиныши с предпечными ямами, вынесенные во двор; 6) четыре-пять хозяйственных ям, расположенных вокруг амбара (рис. 5, 1, 2).

Усадьба с поварней отражает все основные типы построек и их конструктивные особенности на детинце Юрьева. Встречены постройки каркасно-столбовые (подклети жилых построек № 1, 4, 6), срубные (подклети построек № 5, 7, 9). Прослежены как однокамерные, так и двухкамерные постройки, площадью от 14 до 40 м², квадратные или удлиненные в плане. Они углублены в материк от дневной поверхности на 1,0—2,5 м и ориентированы углами по сторонам света.

Амбар, редко фиксируемый при раскопках, в плане шестигранник, прослежен благодаря размещению под ним погреба (ледника?). Он был построен в виде башни с верхним этажом, откуда рухнула вниз печь, сложенная из сырцовых кирпичей на глиняном растворе.

Печи в других постройках можно условно разделить на две группы: каркасно-глинобитные и вырезанные в материке в виде ниш. Каркасно-глинобитные печи, как правило, с хорошо сохранившимися подами диаметром 1—1,3 м, размещались на материковом сланце (постройка № 3) на уровне пола (постройка № 6) или на глиняной подушке (постройки № 1 и 6). Хозяйственные ямы вырезаны в материке, круглые в плане, с прямыми или расширяющимися ко дну стенками. Некоторые ямы соединены с подклетями жилых построек «подземными» коридорами (постройки № 1 и 4), а находящиеся во дворе — со ступеньками. Отметим, что конструктивные особенности построек детинца Юрьева имеют аналоги в Киеве, Белгороде, Переяславле и других южнорусских городах. Так, даже редкий тип городской построй-

ки — поварни с нишеобразными печами — известны в Белгороде и на поселении Ревно IB¹⁸.

Многочисленные находки из построек и культурного слоя определяют социальный тип городища на Замковой горе — детинца города, который не столько производил, сколько потреблял ремесленные изделия, импорт, перерабатывал сельскохозяйственную продукцию. Сельскохозяйственная деятельность представлена немногочисленными орудиями обработки почвы — мощным симметричным лемехом, череслом, оковками лопат. Намного больше найдено орудий переработки урожая — десятки обломков жерновых камней от мельничного постава из туфа, диаметром 40—50 см.

Находки обуглившегося зерна (просо, пшеница, овес) в постройке и хозяйственной яме зафиксированы по трассе строящегося в 1957 г. шоссе. В сгоревшей постройке неподалеку от раскопа I (шурф I, раскопки 1978 г.) около печи и между жерновами найдено около 2 кг обуглившегося зерна. Это зерновки карликовой и мягкой пшеницы, примесь пшеницы двузернянки, овса, ржи и пр. В комплексе поварни (постройка № 2) в обугленном слое обнаружено 5 кг проса и просяной муки (определение Г. А. Пашкевич).

Из ремесленных изделий лучше всего представлена многочисленная глиняная посуда. Наиболее распространенный тип кухонного горшка с середины XI в. до середины XIII в. претерпел изменения в оформлении венчика и декора. Горшки XI в. декорируются врезными линиями редко, закраина на венчиках едва намечена, снаружки — манжет (рис. 6, 9—12). Тесто с примесью мелкого песка, без примеси минерала — отсутствуют золотистые блески гнейса. Цвет керамики охристый, белый. Горшки XII—XIII вв. имеют валькообразные венчики, но к началу XIII в. преобладающим становится тип горшка с вертикально поставленной шейкой и горизонтальной закраиной (рис. 6, 1—8; 7). Нередко декор выполнен в виде линий, волны, защипов переходя с плечиков на корпус. Около половины горшков сохранили следы росписи или ангобирования

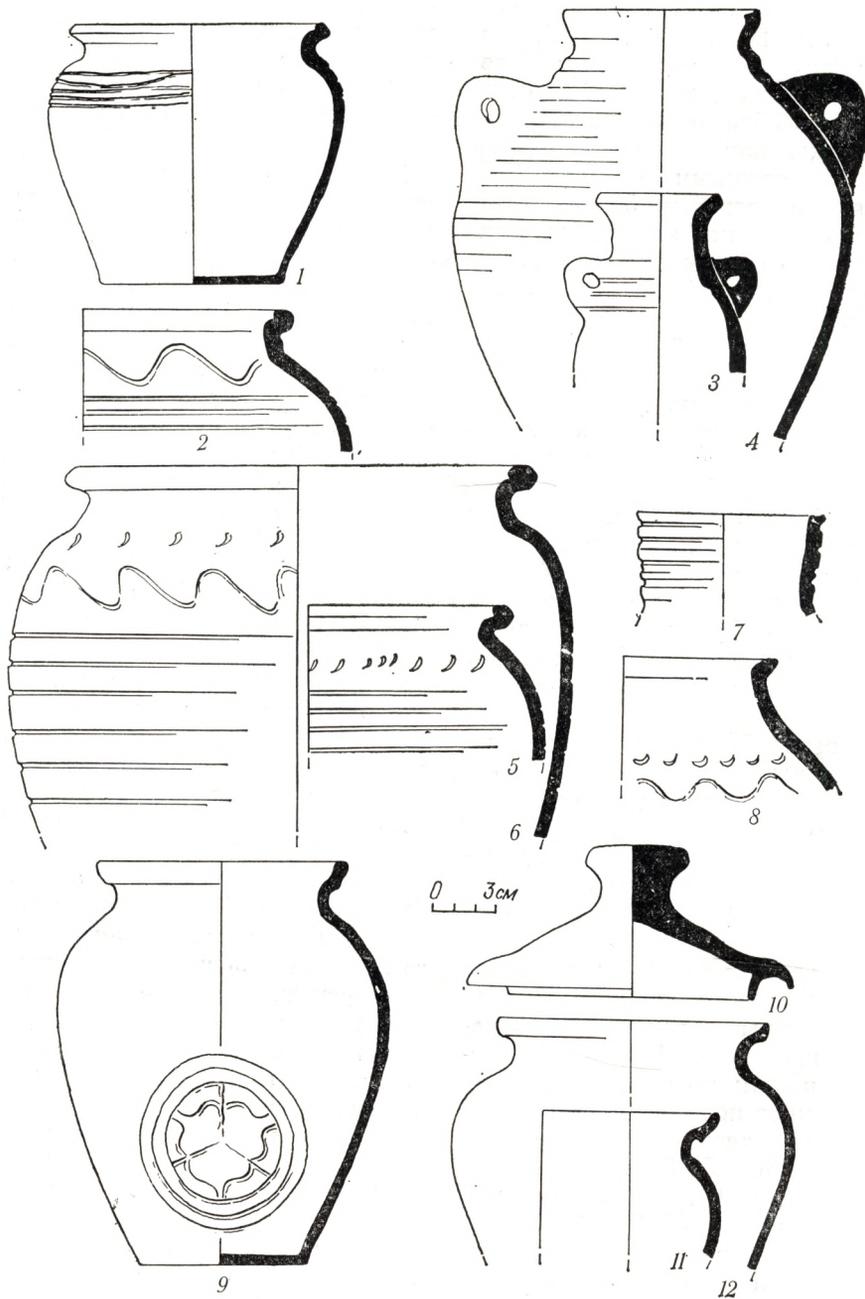

Рис. 6. Глиняная посуда из построек № 4 и 6:
1-8 — постройка № 6; 9-12 — постройка № 4.

(снаружи и внутри до горловины). Встречаются амфорки киевского и во-лынського типов. Найдены обломки дву-ручного сосуда типа пифоса (рис. 6, 1-8, 7, 1-15). Часть посуды из белой глины (кувшины). Обычна при-

мель минерала (золотистые блестки). Одна из белоглиняных амфорок киевского типа с врезным узором, имитирующим плетенку, покрыта светло-зеленой глазурью. В целом в Юрьеве преобладают южнорусские типы посуды.

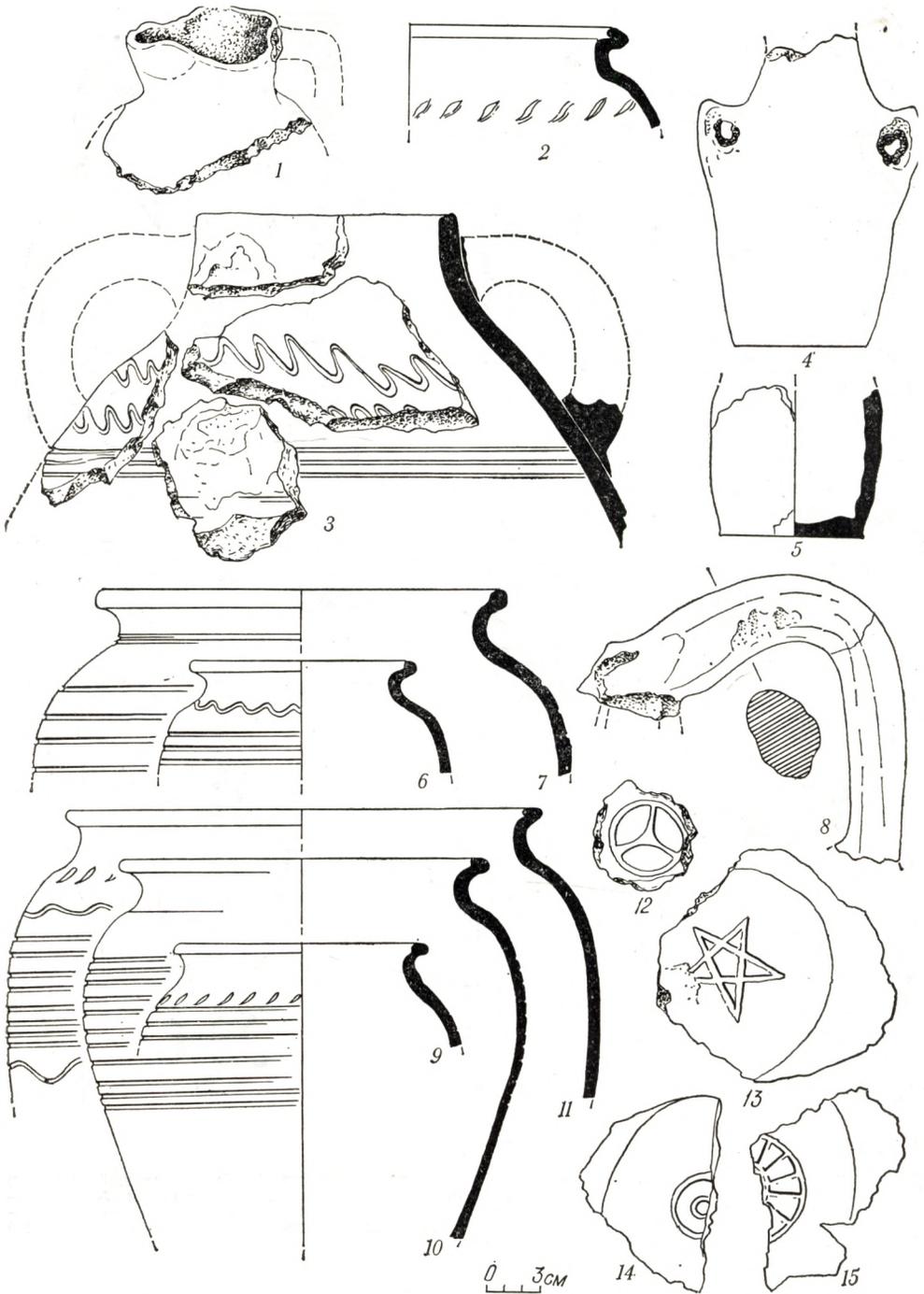

Рис. 7. Посуда из постройки № 3 (поварня), относящаяся к XII—XIII вв.

Часть горшков имеет на донцах клейма (рис. 6, 9; 7, 12—15). Найдены обломки писанок с росписью в виде скобок желтого цвета.

В заполнении построек обнаружено более 200 обломков византийских амфор: рифленые стенки, ручки, горловины (красноглиняные со светлым анго-

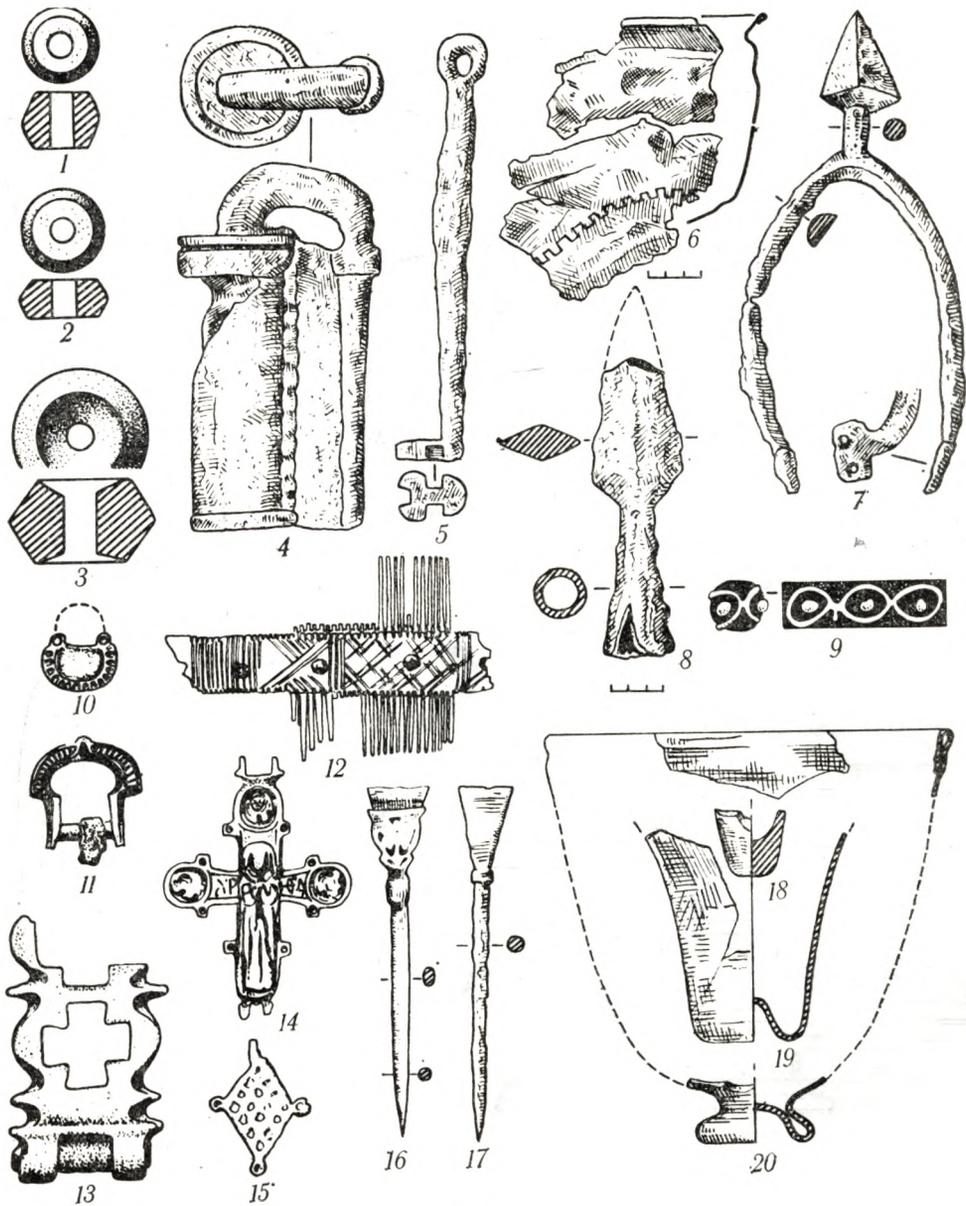

Рис. 8. Материалы из построек XI—XIII вв.:

1—3 — пряслица из пирофилита; 4, 5 — замок и ключ из постройки № 2; 6 — медный котелок; 7 — шпора; 8 — наконечник копьей; 9 — стеклянная бусина; 10 — колт из постройки № 3; 11 — пряжка; 12 — костяной гребень из постройки № 2; 13 — обломок цепи хороса из постройки № 2; 14 — энколпион, случайная находка; 15 — крестовидная подвеска; 16, 17 — писала, медное и железное; 18—20 — обломки стеклянных кубков.

бом). Обломки одной амфоры находились в заполнении двух последних построек (№ 2 и 3) из комплекса поварни. Амфоры относятся к типу больших грушевидных с дуговидными ручками, распространенному на Руси в XII—XIII вв. (рис. 7, 8) ¹⁹.

Другой массовой продукцией городского ремесла являются пирофилитовые пряслица, коллекция которых, включая фонды краеведческого музея, составляет свыше сотни экземпляров. Диаметр пряслиц колеблется от 2,0 до 3,5 см, высота от 0,9 до 2,1 см (рис. 8, 1—

Таблица 1. Основные характеристики Ябловских курганов *

Курган, №	Диаметр, м	Высота, м	Угли около умерше- го	Керамика		Ножи	Кре- сала	Стре- лы	Иные вещи	Примечание
				в на- сыпи	в по- гребен- ии					
1	8	0,8			х				Височное кольцо с заходящими концами	
2	8	1,35				х	х	х	—	Захоронение двух воинов, кремация
3	8	0,45						х	Наконечник копья, сабля, кинжал	
4	9,5	1,1						х	Оселок, поясное кольцо	
5	8,5	1,1	х			х		х	Сабля	
6	6	0,6			х		х	х	—	
7	6	0,7			х			х	—	
8	5	0,4			х			х	2 поясных кольца	
9	6	0,5				х	х		—	
10	5	0,6			х		х	х	2 поясных кольца	
11	6	0,5		х						Кенотаф
12	4,5	0,6								
13		0,6				х			Поясное кольцо	»
14	2	0,55					х	х		
15	8	0,6		х		х			Зеркало	
16	10	0,9	х						Пряслице	Угли в насыпи
17	9	1		х			х	х	Сабля, 2 поясных кольца	
18	6	0,6	х	х		х		х		
19	8	0,7				х		х		
20	4,8	0,4		х						Кенотаф
3	10	0,9		х			х	х	Кольцо	
4	6	0,45		х						Возле умершего кость лошади
22	6	0,7								
27	8	0,8		х		х			Браслет, подвески	
32	7,4	0,4				х			Ножницы	
42	8	0,7	х			х			Бусина	
48	5,6	0,3			х	х			Пряслице	
50	4,3	0,3							Наконечник сулицы, кремь	
56	6	0,65							Кремь. терочник	
60	6	0,75	х							В насыпи кость овцы
67	7	0,6	х			х	х		Вотивный топорик, оселок, 2 поясных кольца	
69	8	0,74	х			х	х	х	Щит, сабля, оселок, пряжка, ножницы	Парное
73	6	0,45	х						Ножницы	
76	6	0,65		х	х	х	х	х	Тесло, 2 пряжки, крючкообразный предмет	Парное
82	7	0,4				х		х	Пряжка, крючкообразный предмет	Возле умершего кость животного
85	6	0,3				х				
88	6,5	0,4				х				
90	5	0,4				х	х			
93	7	0,7			х	х			Пряслице	
94	5,5	0,4			х	х			Части сбруи	
101	5	0,3				х			Кольцо	

* Номера курганов (кроме первых 20, раскопки Л. С. Башинской) соответствуют нумерации на рис. 12.

Курган, №	Диаметр, м	Высота, м	Угли около умершего	Керамика		Ножи	Кресала	Стрелы	Иные вещи	Примечание
				в насыпи	в погребении					
102	6	0,65			х	х	х	х	Меч, тесло, поясное кольцо, шило (?)	Тройное, возле умерших кости овцы Кепотаф
103	6	0,4			х					
106	6	0,5	х			х	х		Поясное кольцо	Ограблен
109	6	0,4				х	х		2 поясных кольца	
111	7	0,45							Кольцо, бусина	
119	8	0,8	х		х	х			Ножницы, пряслице	
120	6	0,3	х		хх				Бусина	
121	10	1,3	х		х	х	х	х	Оселок, кольцо	
124	6	0,5	х		х		х		Наконечник копья	
126	7	0,5								
130	7	0,4				х			Кремень	
134	6	0,4	х			х			Тесло	
146	12	1,1								
151	9	1	х		х				Пряжка, ножницы, колокольчик, зеркало	
154	5	0,15				х				
156	6	0,4				х			Пряжка, костяная пластинка	Кепотаф
157	6	0,4		х					Зеркало	
158	5	2,2					х		Пряжка	Парное
159	6	0,55	х	х						
162	7	0,45				х	х		Деталь сбруи	

3). Стекланные изделия представлены кубками остродонными и на поддоне (рис. 8, 18—20), браслетами, перстнями, бусами. Если среди последних встречаются привозные глазчатые (рис. 8, 9), то распределение браслетов по цвету и форме указывает на древнерусское, возможно, киевское производство (табл. 1). Некоторые находки служат хронологическим показателем: стекланные кубки с поддоном из заполнения постройки № 2 датируются XII — первой половиной XIII в. (рис. 8, 20); цилиндрическая золоченая бусина с каймой из стекла по краям золотой прокладки, найденная в постройке квадратов 41—61, — второй половиной XI в.²⁰

Изделия кузнецов представлены ножами, цилиндрическими и навесными замками (5 экз. — XII—XIII вв.), ключами, кольцами, а мастеров-медников — обломками клепаных котелков (рис. 8, 4—6).

О военном деле свидетельствуют находки шпор, псалий, трензельное коль-

цо, наконечники стрел, копий (рис. 8, 7, 8). В фоедах краеведческого музея хранятся наконечники копий, топоры и меч (найденный на дне р. Рось). К высокохудожественным изделиям относятся крест-энколпион, литой подсвечник, лировидные пряжки, колт, обломок цепи хороса, косорешетчатая и круглая ажурная подвеска с включенным крестом и некоторые изделия косторезов: накладки, рукоятки ножей, двусторонний наборной гребень (рис. 8, 10—15).

Из горелого слоя постройки № 2 происходит византийская шелковая ткань. Она двухцветная (червчатая и желтая), узорная, типа двухслойной саржи с двумя основами и двумя утками. На ткани — шитье из нитей византийского производства (шелковые нити, опряденные позолоченными полосками серебра). Шитье выполнено напроем двумя типами швов. Узор воспроизводит сетку из диагональных квадратов с вписанными в ячейки равноконечными крестами (рис. 9).

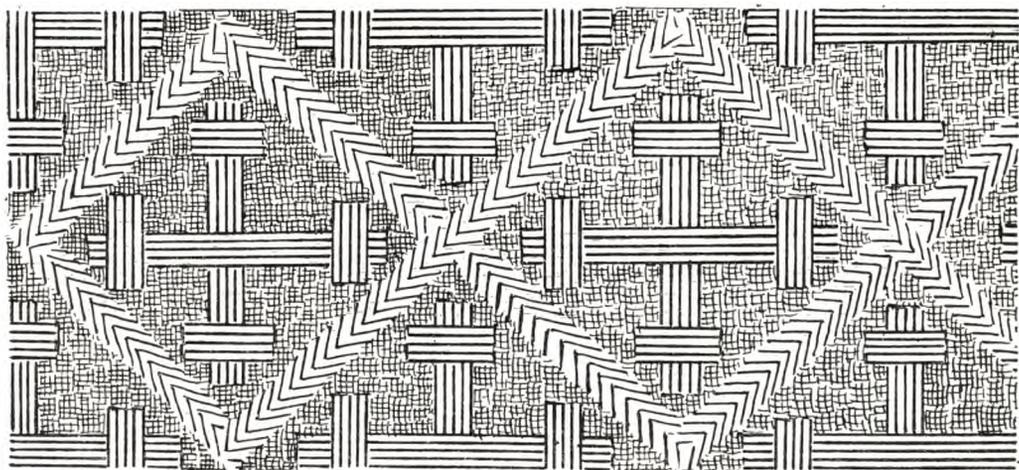

Рис. 9. Фрагмент византийской шелковой ткани с древнерусским шитьем XII—XIII вв. (постройка № 2).

Орудия письма представлены писалами (стилями): тремя железными с лопаточками трапецевидной формы и одним бронзовым с фигурной лопаточкой и растительным узором (рис. 8, 16, 17). У одного из железных писал стержень витой. Орудия письма относятся к общерусским и демонстрируют обычное для древнерусских городов преобладание железных изделий над бронзовыми²¹.

Приведенные выше летописные сведения о юрьевских епископах указывают на религиозную функцию города, на размещение в нем центра епархии. Епископский храм города исследован возле северного бастиона крепости в раскопе II площадью около 280 м² (раскопки 1981—1983 гг.). На этом участке Замковой горы в 1981—1982 гг. удалось вскрыть восточную часть храма, а в 1983 г. — западную. Из-за наличия коммуникаций, деревьев, многочисленных перекопов неглубоко залегавший фундамент сохранился не полностью (рис. 10).

Наиболее изучены фундаменты северной и центральной апсид и северной стены (рис. 10). Сохранность фундаментов различна — от одного до трех рядов кладки. Нижний ряд кладки северной стены состоит из валунов местного гранита, достигающих в поперечнике 0,5—0,7 м. Из таких же камней сложен выступ под лопатку. Внутренняя забутовка из более мелких

камней. Из камней меньших размеров сложен фундамент апсид, глубина залегания которого значительно меньше, чем стены (0,7—0,8 м). Стены и верх фундаментной кладки не сохранились, кроме нескольких участков в месте состыковки фундамента северной стены и апсид, где сохранились фрагменты выравнивающей кладки. Ширина кладки 1,4—1,5 м, в апсидах — до 1 м (рис. 2; 10).

В качестве связывающего раствора в кладке фундамента использована глина, но некоторые части сложены насухо. Поскольку уровень пола храма практически соответствует современной поверхности, а южная часть раскопа в связи с понижением в сторону шоссе была выше, то крупных скоплений строительных развалов стен не встречено. Большое количество строительных материалов найдено в котловане к северу от апсид храма, где в древности рельеф местности понижался.

Большинство плинф, выявленных на раскопе, красновато-коричневого цвета, но встречаются и светло-бежевые кирпичи. Формовка грубая, размер отдельной плинфы колеблется в пределах 1 см. Постелистая сторона неровная, верхняя часть сохраняет отпечаток формы. Лекальная плинфа не найдена. Размеры целых плинф (см): 25,5—26×18,5—19×3,5—4,5; 29×21×4; 28×20×3,5; 26×18,6×3,5.

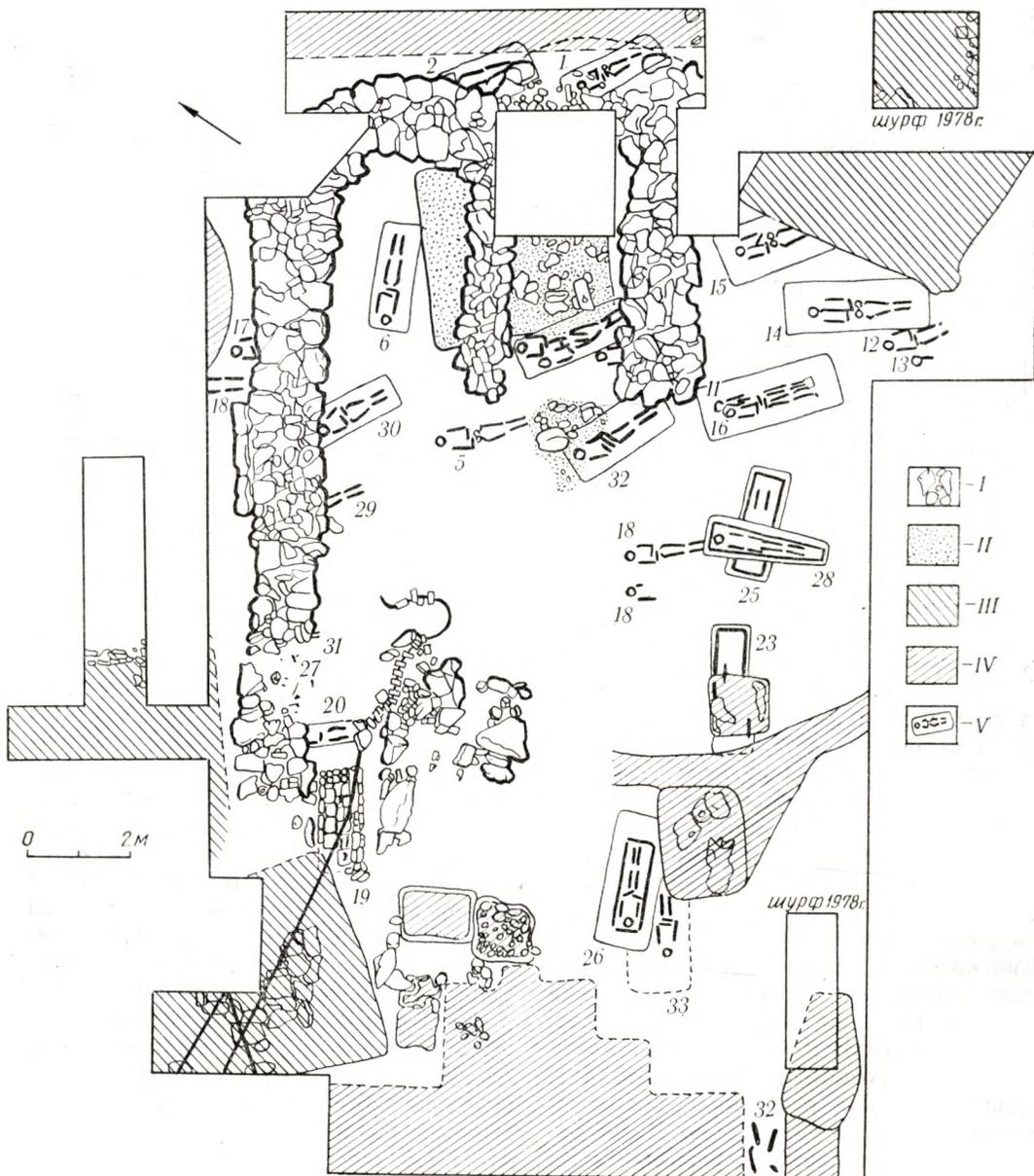

Рис. 10. Раскоп II:

I — фундамент храма; II — постройка XI в.; III — постройки XVII—XVIII вв.; IV — перекопы XIX—XX вв.; V — погребения.

Разброс плитфы по толщине значителен, но основная масса 3,5—4,5 см. На постелистой стороне некоторых плитф следы известкового раствора; клейма и знаки отсутствуют. Кроме того, с площадки раскопа происходят обломки брускового кирпича («пальчатки»). Размеры целых кирпичей

(см): 25,9×11,5×6,9; 24,6×11,1×7,1; 26,5×11,1×7,4; 26,5×11,4×6,8.

Отметим, что аналогичные плитфы и кирпичи встречены в культурном слое детинца во всех раскопах и шурфах, где стратиграфически привязываются к заполнению построек XII—XIII вв. или к слою пожараща,

завершающему древнерусскую историю Юрьева.

На месте предполагаемого северо-западного угла храма расположен водораспределительный колодец (XX в.). Около него открыт с внутренней стороны северной стены саркофаг (рис. 3, 4), стенки которого сложены из брускового кирпича (24,5—26,5×11—11,5×6,9—7,4 см), а дно — из плинфы (28—29×20—12,5×3,5—4 см). Следы повторного использования строительных материалов отсутствуют. Последнее обстоятельство является серьезным аргументом в пользу мнения об одновременном сооружении храма и саркофага.

Длина храма фиксируется отдельными камнями кладки западной стены, сохранившейся на материке, в северо-западной части раскопа, а развал камней на материке соответствует фундаменту северо-западного столба. Итак, результаты исследования позволяют сделать вывод, что открытый храм был трехапсидной четырехстолпной постройкой, длиной около 18, шириной 12 м. Дата храма определяется плинфой, которая по своим размерам ближе всего плинфе таких памятников Киева, как ротонда, храм в Нестеровском переулке, церковь Гнилецкого монастыря, малый храм в Белгороде. Перечисленные постройки относятся к концу XII — первой половине XIII в. Отметим, что в постройках Киева этого времени наряду с плинфой использовался и брусковый кирпич²².

Исследованный фундамент соответствует его положению на плане 1734 г. Белоцерковского замка. Крестиком на плане обозначена капличка, упоминаемая в люстрациях. В соответствии с греческими каталогами епархий юрьевская епископская церковь была названа в честь Георгия (небесного патрона Ярослава Мудрого), возможно, уже в первые годы существования города и епископии²³. Материалы расположенного на территории церкви могильника свидетельствуют в пользу высказанного предположения: фундамент храма перекрывает часть погребения с материалами XI в., то есть первая церковь была деревянной или каменной, но находилась в стороне от храма XII — первой половины XIII в.

Древнерусский христианский могильник исследовался в раскопе II в 1981—1983 гг. (рис. 1, 4). В раскопе III найдены три погребения, ориентированные по оси храма, в раскопе II — девять. Еще 25 погребений имеют отличную от храма ориентацию (восток — запад почти без отклонений) и расположены только в восточной части раскопа II под фундаментом апсид (рис. 10). Это наиболее ранний участок могильника, площадь которого увеличилась после сооружения каменного храма в западной части детинца. Интересно, что погребениям XI в. предшествует постройка с керамикой XI в., обнаруженная под центральной апсидой храма. Имеются все основания для того, чтобы отнести эту постройку к наиболее древним на детинце и, учитывая находку клейма в виде «мальтийского» креста в круге, связать ее с епископским подворьем.

Всего на могильнике исследовано 36 погребений, часть из которых частично разрушена при разновременных земляных работах. Прослежено около десятка полностью разрушенных погребений, плохо фиксируемых из-за небольшой глубины залегания (до 1,3 м от современной поверхности под асфальтом). Кроме того, несколько десятков погребений было уничтожено при рытье котлована под фундамент нового здания краеведческого музея весной 1983 г. (сотрудниками музея подобраны только несколько черепков и проволочное витое кольцо). Могильник бескурганный. Умершие, ориентированные в западном направлении (с сезонным отклонением от оси запад — восток отдельных могил), лежали в неглубоких ямах — 0,3—1,3 м от современной поверхности. В большинстве захоронений обнаружены гвозди и древесный тлеп — следы гробовищ. В тех случаях, когда удавалось проследить особенности гробов, они представляли собой прямоугольную конструкцию.

Хорошо прослежены детали гробов в погребениях № 23 и 25. Так, в последнем захоронении гробовище имело размеры 1,90×0,60 м при высоте 0,40 м (рис. 11, 1—6). Толщина досок 3,5—4,5 см. В конструкции использо-

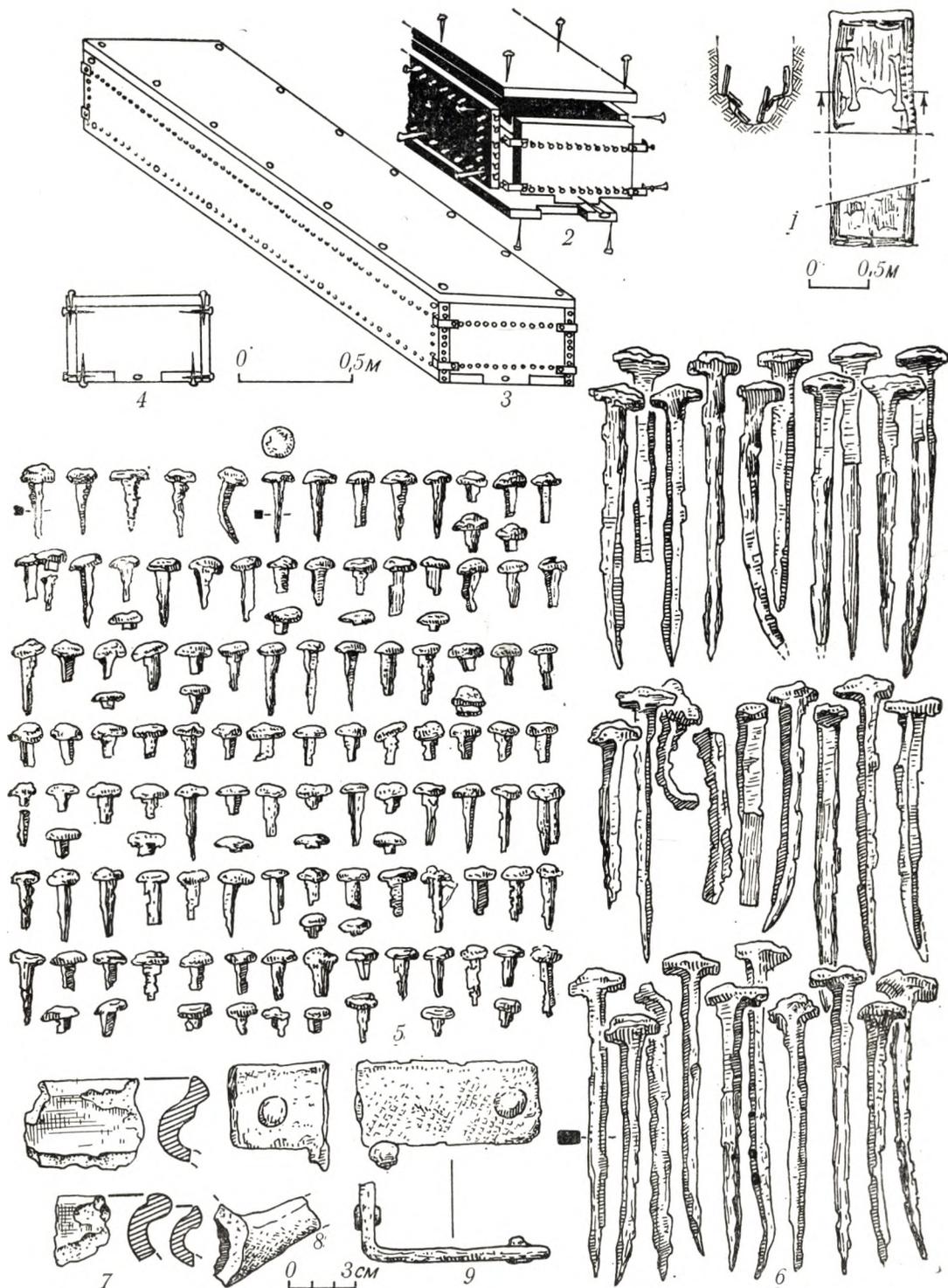

Рис. 11. Раскоп II, погребение № 25 в южной апсиде храма:

1 — план и стратиграфический разрез погребения; 2—4 — реконструкция саркофага Р. С. Орлова; 5 — декоративные гвозди; 6 — гвозди от конструкции; 7 — керамика в засыпке; 8 — железный уголок.

вано большое количество (свыше 30) гвоздей для скрепления досок (длина гвоздей 14—15 см). Гвозди меньших размеров, длиной около 3 см, количество которых точно не устанавливается (обнаружено 123), применялись для декоративной отделки гробов. Торцевые и боковые доски, кроме гвоздей, соединялись еще и железными уголками шириной 3,5 см, на которых прослежены отпечатки ткани (рис. 14, 9). Аналогичная конструкция гроба в захоронении № 23 дополняется декором из штампованных медных бляшек в виде восьмилепестковых розеток, диаметром 1,5 см. Верхняя крышка гробовища была обита тканью красного цвета, остатки которой прослежены под розетками. Погребения в связи с описанной отделкой гробов можно отнести к захоронениям знати. Подтверждается это и остатками шелковой ткани и парчи (обшивки ворота) в погребении № 23. Возможно, в деревянном саркофаге погребен один из юрьевских епископов, правивших в конце XII — начале XIII в. Им мог быть Андриан (упоминаемый в 1190, 1197 гг.) или Алексей (упоминаемый в 1225 г.).

Инвентарь немногочислен. Он обнаружен только в четырех захоронениях. В погребении № 4 в области таза умершего найдены бронзовые лировидная пряжка и два поясных кольца; на груди погребенного в захоронении № 15 — железный крестик с петелькой (29×23 мм). Пастовая бусина из синезеленого стекла выявлена возле черепа в погребении № 10; в погребении № 3 возле шейных позвонков расчищены две круглые металлические пуговицы. Отметим, что инвентарь связан с погребениями только первой группы и свидетельствует о функционировании могильника в XI—XII вв.

Кроме того, под черепом и стопами скелета погребения № 11 найдено по одной керамической плите (21×21×1,4 см) — обычай, известный в некоторых некрополях древнерусских городов (Киев, Любеч и др.) и, вероятно, использовавшийся представителями духовенства и феодальной знати²⁴. Одно из погребений второй группы (№ 19), размещавшееся в юго-западном углу северного нефа, совершено

в саркофаге прямоугольной формы, размерами 2,20×0,90 м (рис. 3, 4). Стенки гробницы сложены в один кирпич — «пальчатка» (24,5—26,5×11—11,5×6,9—7,4 см) на глиняном растворе (местами сохранилось до трех рядов кладки). Дно саркофага выложено из той же плинфы (28—29×20—21,5×3,5—4 см), что и храм. Инвентарь не найден.

Необходимо отметить, что во всех исследованных захоронениях (где это возможно было проследить) кисти рук погребенных лежали на груди или в области живота — то есть соблюдалось одно из правил христианской обрядности²⁵. На других христианских некрополях древнерусского времени такого единообразия не наблюдалось, что позволяет говорить об усиленном внимании церковников к соблюдению обряда захоронения.

Из всех захоронений выделяется погребение № 28, совершенное в трапециевидной яме и в гробовище такой же формы. Умерший лежал на спине, головой на северо-запад, руки вдоль туловища. Погребение совершено позже захоронений второй группы и перекрывает могилу № 25. Засыпка ямы, состоящая из обломков кирпичей, плинфы, раствора, свидетельствует о том, что оно совершено после разрушения храма. Скорее всего, захоронение совершено в золотоордынский период (середина XIII — начало 60-х годов XIV в.) по канонам мусульманской религии.

Расположение кладбища на детинце летописного Юрьева внутри и около храма древнерусского времени соответствует территории юрьевской епископии, неоднократно упоминавшейся в летописях.

Вновь детинец Юрьева заселяется в XIV—XV вв. К этому периоду относится постройка № 11, опущенная из слоя над пожарищем XIII в. (раскоп I). Из постройки происходит коллекция керамики, представленная горшками различных диаметров. Тесто белое или серое, тонкостенное с крупными зернами кварца, но чаще с примесью песка. Декор скромный: волна, линия на плечиках. На некоторых горшках и горловинах белоглиняных

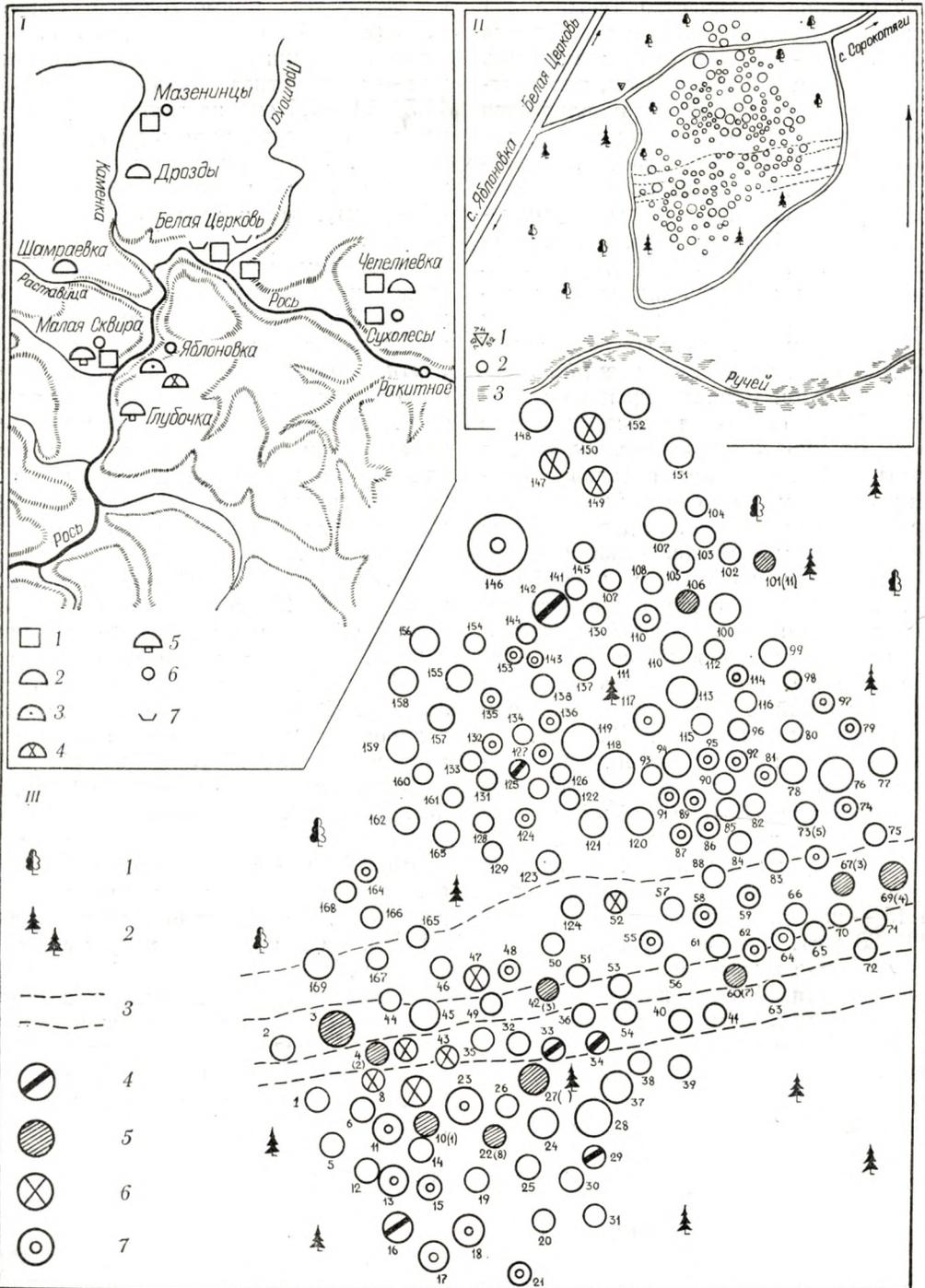

Рис. 12. Памятники окрестностей Юрьева:

I — карта городищ, селищ и могильников Поросья в районе летописного Юрьева (составил А. П. Моця): 1 — городище; 2 — тип погребения не известен; 3 — труположение на горизонте; 4 — трупосожжение; 5 — труположение в подкурганной яме; 7 — бескурганное труположение; 6 — селище. II — могильник у с. Яблонька: 1 — репер; 2 — курганы; 3 — пойма ручья; III — план курганной группы (съёмка А. В. Обломского, 1982 г.): 1, 2 — лесонасаждения; 3 — просеки; 4 — курган, раскопанный траншеей; 5 — курган, исследованный в 1981—1982 гг. Белоцерковской экспедицией; 6 — курган, раскопанный на свос до 1981 г.; 7 — курган, испорченный колодезем.

кувшинов — зеленая глазурь. Венчики встречаются разные: одни напоминают манжетовидные XI в., но имеются с утолщениями и орнаментацией, не свойственной древнерусской керамике XI—XIII вв. Типы керамики из постройки находят аналогии среди материалов XIV—XV вв.

Аналогичная керамика обнаружена в слое над пожарищем середины XIII в. по всему раскопу I. Возможно, данный факт находит объяснение в событиях XIV в., когда литовский князь Ольгерд освободил от татар «...Торговицу, Белую Церковь, Звенигород и все поле от Очакова до Киева и от Путивля до гирла Дона...». Описанные события совершались, скорее, ближе ко времени битвы на Синих Водах (1362), чем описываемые в хронике Стрыйковского 1331 г., и, следовательно, являются первым упоминанием об урочище на детинце Юрьева, от которого и произошло название города²⁶.

Археологические памятники древнерусского времени в окрестностях летописного Юрьева представлены остатками городищ, селищ и могильниками (рис. 12, 1). Селища в основном известны около городища. Конечно, они существовали и не только около укрепленных пунктов, но их изучение — дело будущего. В данном районе обследованы и изучены шесть городищ²⁷, два из которых рассматривались выше. Остальные, кроме городища у с. Сухоlesы, расположены на высоких мысах левого берега р. Рось и ее притоках (в Сухоlesах укрепления обнаружены на пойменных возвышенностях) и имели небольшие размеры: Мазепинцы — 0,7 га, Малая Сквирка — 1,2, Сухоlesы — 0,95, городище возле с. Чепилиевка, сильно разрушенное земляными работами (здесь укреплен и посад), — 0,3 га. Только в последнем пункте (с. Чепилиевка) еще не выявлены следы неукрепленного селища, примыкавшего к территории городища. На всех упомянутых поселениях обнаружены обломки древнерусской гончарной керамики XI—XIII вв. Вали и рвы из-за распашки и других земляных работ часто плохой сохранности.

В окрестностях летописного Юрьева на нескольких древнерусских некропо-

лях в разное время проводились археологические исследования. Так как материалы большинства могильников были уже обобщены в ряде научных работ²⁸, нет необходимости вновь их подробно анализировать. Отметим, что на двух курганных могильниках у сел Глубочка и Малая Сквирка зафиксированы захоронения в ямах различной глубины, а на трех некрополях сел Чепилиевка, Шамраевка, Дрозды расположение захоронений относительно уровня древней поверхности исследованиями в дореволюционное время не фиксировалось. В районе современной площади Свободы в Белой Церкви открыты остатки грунтового некрополя древнерусского времени. Инвентарь большинства вышеописанных погребений крайне беден и состоит из обломков древнерусской гончарной керамики (возможно, в засыпке могильных ям), украшений, бытовых предметов. Исключение составляет курган у с. Чепилиевка, где около погребенного обнаружены шлем, копье и золотой перстень — атрибуты знатного воина, похороненного, вероятно, в XII—XIII вв.²⁹

В последнее время возле с. Яблонька проводились исследования курганного могильника. Курганы некрополя размещены на правом берегу р. Рось в 2 км от центра села, занимая площадь около 2 га. Могильник (169 насыпей) покрыт молодыми лесонасаждениями и подвергнут плантажной вспашке, что повлекло за собой разрушение многих насыпей и затруднило раскопки (рис. 12). В разные годы Белоцерковским краеведческим музеем³⁰ и Белоцерковской экспедицией ИА АН УССР были вскрыты 62 насыпи, под которыми обнаружен интересный археологический материал.

Высота раскопанных курганов над уровнем современной поверхности 0,2—1,5 м, диаметр от 4 до 12 м. Форма круглая или овальная в плане, насыпи состояли из слоя светлого песка и покрыты дерном. В подавляющем большинстве исследованных курганов обнаружены остатки труположений на уровне древнего горизонта — обряд, не использовавшийся автохтонным населением на территории Среднего Поднепровья с конца I тыс. н. э. (рис. 13—

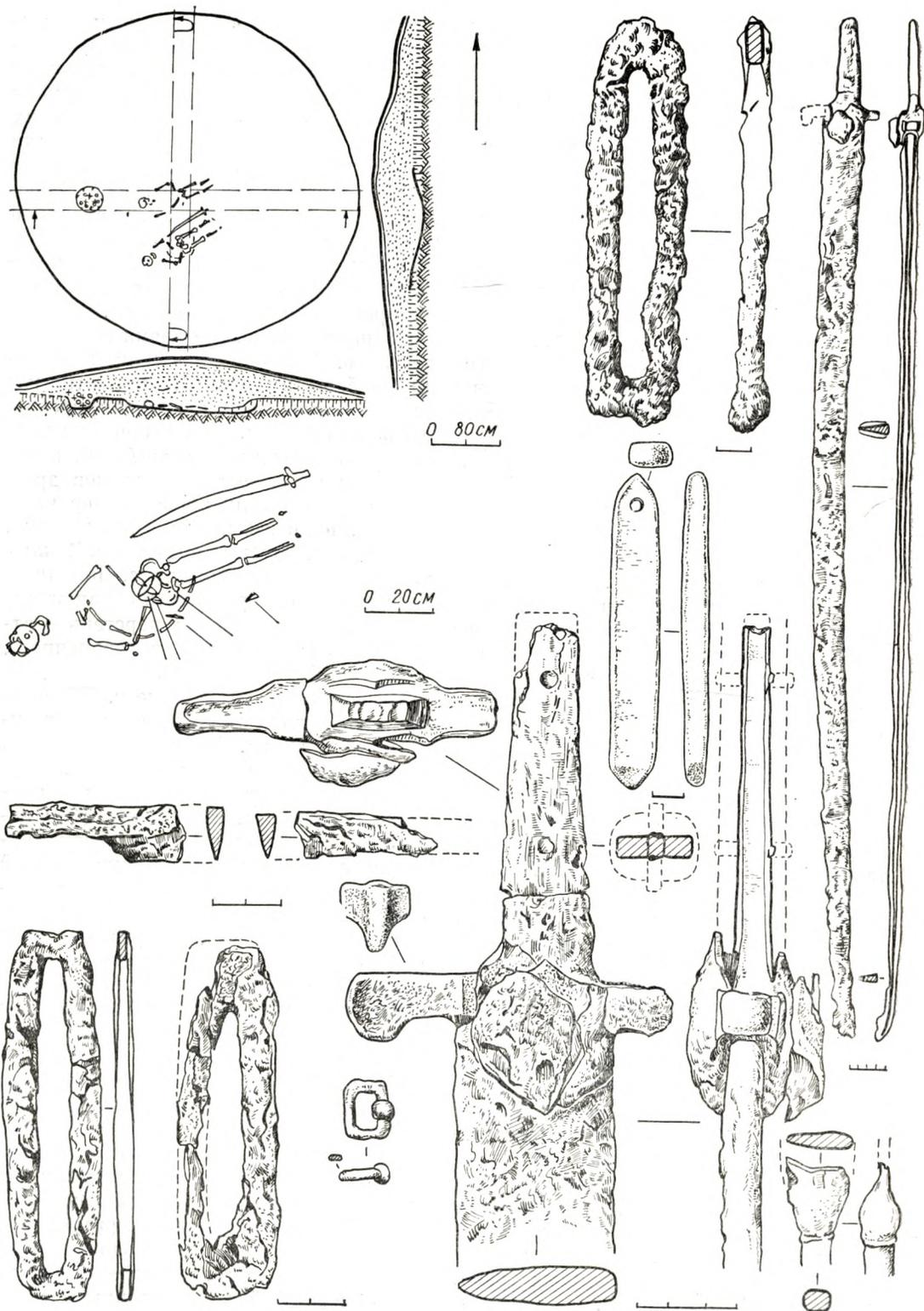

Рис. 13. Комплекс кургана № 69.

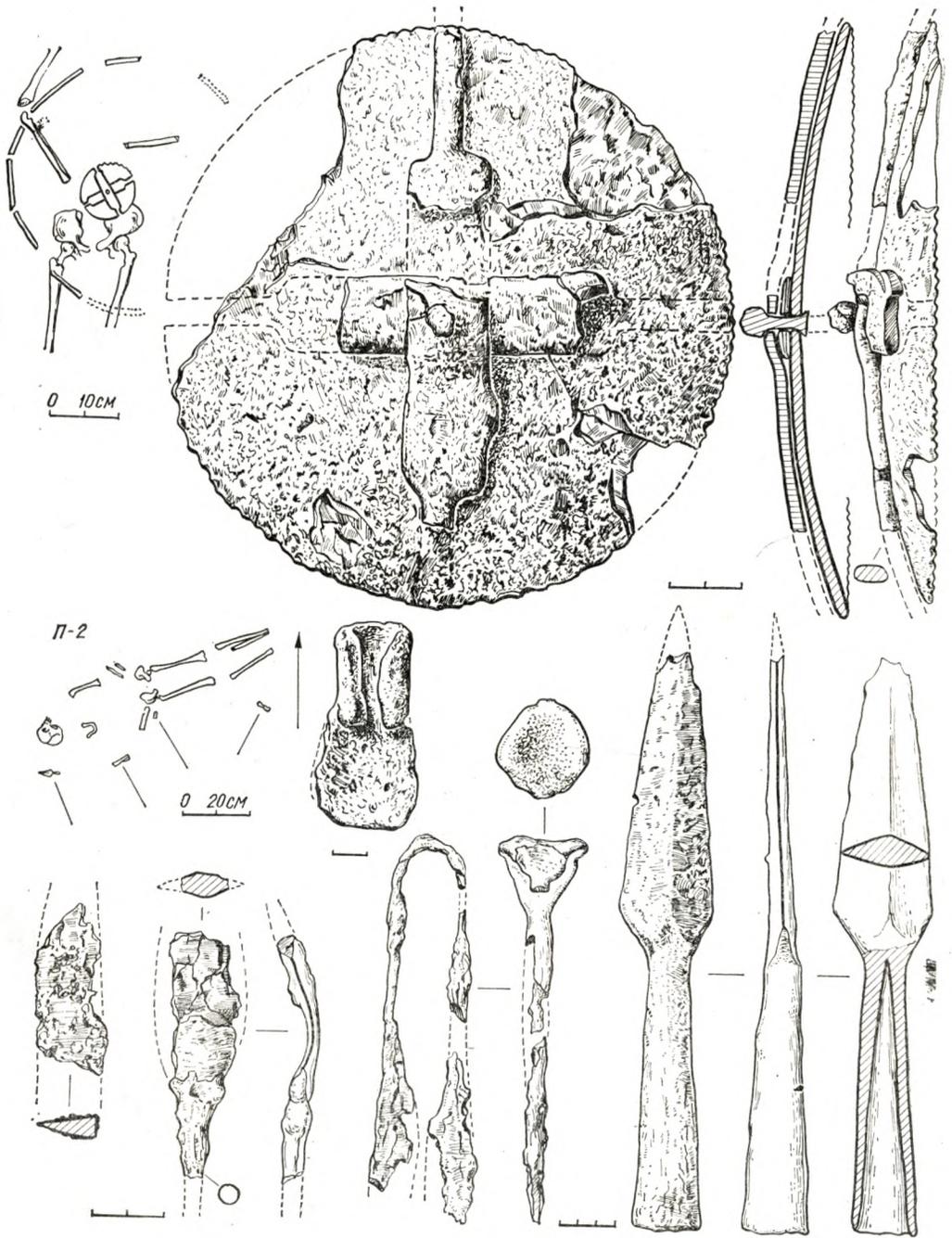

Рис. 14. Комплекс кургана № 69.

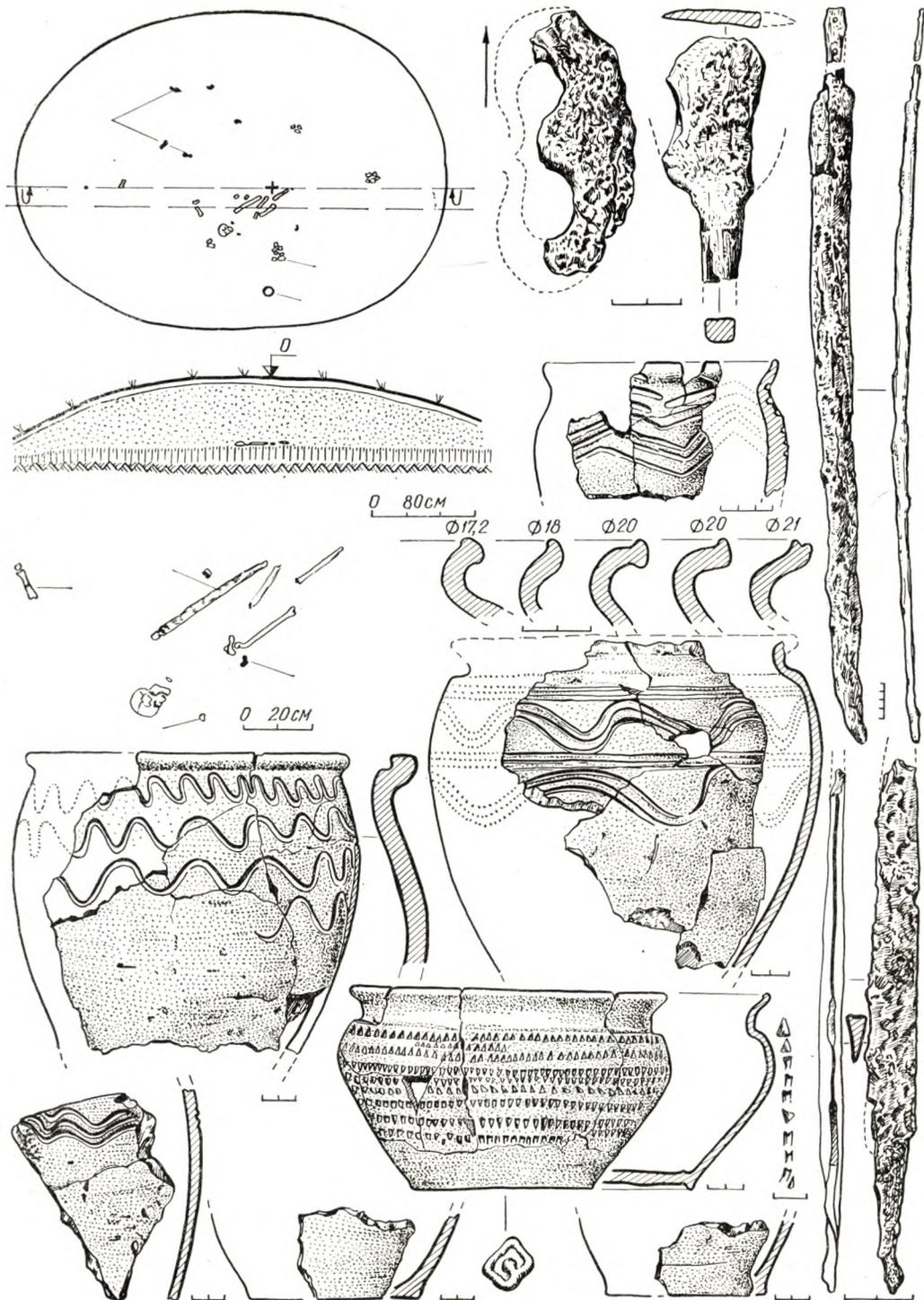

Рис. 15. Комплекс кургана № 3.

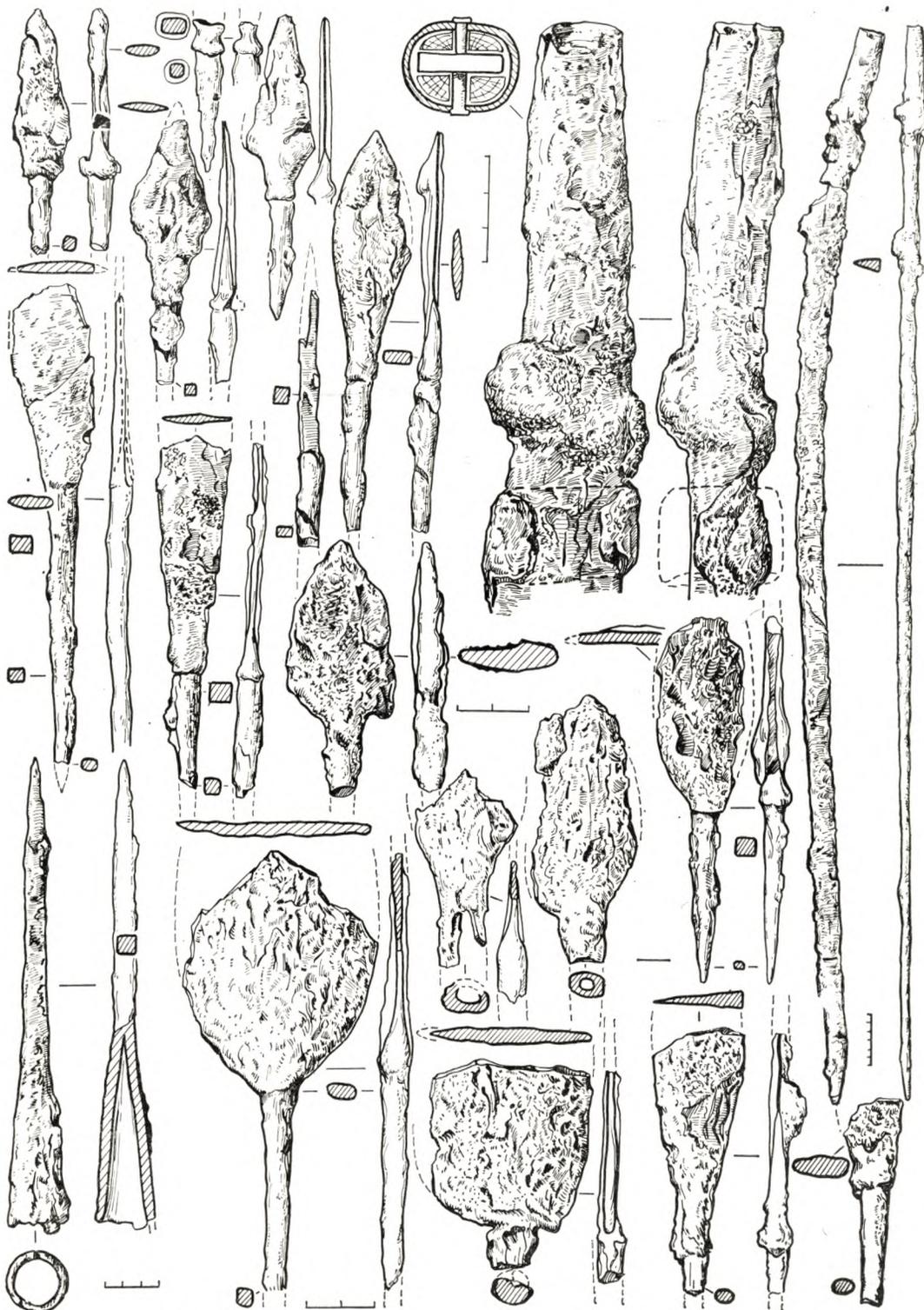

Рис. 16. Инвентарь погребений курганов № 102, 118, 121.

Рис. 17. Глиняная посуда из курганов Яблоновского могильника.

15). В кургане № 3 открыты остатки кремации умершего, а еще несколько насыпей представляли собой меморативные сооружения. Пережитки обряда сожжения в виде угольков и золы отмечены во многих курганах. В табл. 1 нами приведены основные характеристики всех исследованных комплексов. Хронологические рамки бытования отдельных вещей из могильника не выходят за пределы XI—XIII вв. Показательны калачевидные кресала с язычком (курганы № 76, 82), встречающиеся на севере (Новгород) не позже второй половины XII в. (рис. 15). В большинстве погребений найдены кресала овальных форм, бытовавшие в Новгороде с рубежа XII—XIII вв., но известные в Среднем Поднепровье с XI в. (рис. 13)³¹.

По некоторым деталям обрядности Яблоновский могильник резко выделяется из известных сегодня средневековых захоронений Поросья. Выше отмечалась нехарактерность для автохтонного населения этого района в древнерусское время захоронений по обряду кремации и ингумации на уровне горизонта. В XI—XII вв. ингумация на уровне древней поверхности встречается в северных районах Восточной Европы, а на юге древнерусского государства — только в землях древлян³². Отнести к восточнославянскому этническому массиву население, проживавшее на селище возле рассматриваемого некрополя, позволяют топография могильника, способ захоронения и антропологические данные. В то же время у кочевников эпохи средневековья восточноевропейского региона, в частности у племен, населявших соседнюю с земледельцами зону Поросья, обряд ингумации на уровне древнего горизонта совершенно не известен³³. Тем не менее некоторые детали обрядности свидетельствуют о значительных контактах данной группы славянского населения с кочевниками. В первую очередь, речь идет об инвентаре ряда захоронений, в состав которого входили предметы, более характерные для южных соседей славян. Имеются в виду зеркала (курганы № 15, 161, 157), сабли (№ 4, 17, 69) (рис. 13; 15), детали конской упряжи (№ 93, 162). Юго-

восточные аналоги имеют находки железных тесел в курганах № 76, 103, 134, пружинных, а не шарнирных ножиц, характерных для кочевнических погребений, под насыпями № 27, 68, 73, 151, 119 (рис. 14). Перечисленные категории вещей нередко встречаются в средневековых захоронениях аланского населения³⁴. Кроме того, в курганах № 10 и 22 под скелетами обнаружены скопления аркштейнов, возможно, следы растительной подстилки, не характерной для славянских захоронений. С. А. Плетнева среди признаков V группы захоронений кочевников Восточной Европы (отождествляемых ею с носителями салтово-маяцкой культуры) называет наличие камышовых подстилок³⁵. Воткнутое в землю наконечники стрел и копий, обнаруженные в курганах № 3 и 102 Яблоновского могильника (рис. 15), аналогичны таковым из аланских средневековых погребений³⁶. Конечно, нельзя категорически утверждать о прямых контактах и миграциях северокавказского населения в данный район Поросья, хотя известны случаи переселения аланских племен на Русь. Вероятно, можно говорить об определенных связях поросских славян с алано-яскими группами, входившими в состав населения половецкой степи³⁷.

Некоторые из перечисленных признаков были присущи не только южным, но и северным соседям славян. Так, в захоронениях европейского Севера также встречаются пружинные ножницы и воткнутое в землю оружие³⁸. Помимо приведенных параллелей отметим, что форма гончарной посуды из могильника не имеет аналогий среди керамических комплексов южнорусских земель. Горшки менее стройные, «банковидные», иная и система орнаментации, что свидетельствует об отсутствии связей с «генеральным» направлением развития форм южнорусской керамики (рис. 17). Использование штампованного орнамента, характерного для северо-западной и северо-восточной Руси³⁹, также может свидетельствовать о возможном присутствии среди жителей данного региона Поросья выходцев из северных земель (рис. 15). Но в начале II тыс. н. э. начинается интенсивное

использование кочевых контингентов в целях обороны юга Руси⁴⁰, что позволяет рассматривать материалы курганов у с. Яблоновка в плане взаимоотношений кочевого и оседлого (славянского) населения, проживавших недалеко друг от друга. Взаимосвязи славян и кочевников прослежены и на других пограничных территориях.

Население, оставившее яблоновские курганы, занимало особое положение по сравнению с жителями других пунктов Поросья. Учитывая, что на юге древнерусского государства христианизировалось не только местное население, но и переселенцы из других уголков Восточной Европы (о чем свидетельствует и господство ямного обряда захоронения), можно предполагать значительную самостоятельность жителей Яблоновского поселения, что подтверждается обрядом ингумации на горизонте и пережитками обряда сожжения (угли и зола). Естественно, что они подчинялись центральным киевским властям. Вряд ли в 20 км от одного из крупнейших поросских центров, Юрьева, могло быть поселение независимых бродников.

В какой-то степени относительную «вольность» может объяснить инвентарь многих захоронений: почти в трети исследованных курганов (17) обнаружены предметы вооружения. Это был дружинный лагерь, аналогичный по своему назначению хотя бы более раннему Шестовицкому комплексу под Черниговом. Основной задачей дружины из Яблоновки была охрана южнорусских границ от враждебных орд половцев (о чем свидетельствует и набор вооружения). По своему функциональному назначению они в какой-то степени сближались с положением половецкой орды, оставившей курганы в междуречье Буга и Днестра у с. Каменка. Эта группа кочевала на широкой территории и, придерживаясь прокиевской ориентации, преграждала путь в Поросье по «бужскому степному коридору»⁴¹.

Местность, где находился рассматриваемый нами могильник, имела важное стратегическое значение. Так, в этом районе в 1165 г. состоялась битва

русских с половцами, через эти же места прорывались кочевые орды на Русь в 1177 и 1190 гг.⁴² Интересные сведения по этому поводу дают наблюдения за ориентацией погребенных на Яблоновском могильнике: почти в половине курганов умершие имели юго-западную ориентацию. Можно предполагать, что в летнее время, когда особенно интенсивно проходила конфронтация со Степью, дружинный лагерь значительно пополнялся воинским контингентом, несшим пограничный контроль по маршруту вдоль р. Рось. Именно в честь погибших вдали от Яблоновского поселения воинов и были воздвигнуты кенотафы (курганы № 10—12, 157). А часть жителей, которые оставались в неукрепленном поселении, в случае необходимости могли уходить под защиту укреплений расположенного недалеко городища у с. Малая Сквирка.

В целом яблоновские материалы еще раз наглядно подтверждают наблюдения многих исследователей о взаимовлиянии земледельцев и населения Степи в южнорусском порубежье, о симбиозе двух культур.

По свидетельству письменных источников, в XI—XIII вв. в Поросье и на территории округа древнерусского Юрьева происходили сложные этнополитические процессы. Летопись помещает здесь несколько этнографических групп⁴³. Сложность этнического состава данного региона отмечалась и рядом исследователей⁴⁴.

Именно на этой территории происходили контакты древнерусской народности с кочевниками. Дополняют наши знания об этих контактах и антропологические данные, полученные при исследовании пяти средневековых могильников, материалы которых отражают в целом состав населения Юрьева и его округа. Две небольшие серии черепов изучены Г. П. Зиневич. Они же вошли в работу Г. П. Алексеевой по анализу этногенеза славян, а также В. В. Седова по характеристике краниологии славян Среднего Поднепровья⁴⁵. Остальные три группы черепов изучаются впервые.

Целесообразно рассмотреть отдельные серии черепов по могильникам и

дать сравнительные данные по всей территории Поросья.

Антропологический материал, добытый в результате раскопок на Замковой горе древнерусского Юрьева, представлен остатками 35 погребенных. Из них 33 погребения мужских, 2 — женских (№ 21, 26).

Средняя продолжительность жизни взрослого населения города по результатам палеодемографического анализа составляла 34,5 года (σ — 34,8; ♀ — 30). Пригодными к изучению оказались только 18 мужских черепов.

Серия характеризуется мезокрацией при больших величинах основных диаметров черепной коробки. Лоб широкий, умеренно покатый. Лицо среднеширокое и средневысокое как по абсолютным величинам, так и по указателю. По вертикальной профилировке оно мезогнатное, резко профилировано в горизонтальной плоскости. Нос узкий, средневысокий, сильно выступающий. Орбиты средневысокие, переносье высокое, клыковые ямки неглубокие.

Статистический анализ серии из древнерусского Юрьева, проведенный с помощью сопоставления средних квадратических уклонений с мировыми стандартами⁴⁶, указывает на большую степень однородности при сравнении с рассматриваемой ниже яблоновской серией черепов, где краниологический материал сохранился в 47 погребениях. Из них женских 13, мужских 29 и детских 5. Столь низкий показатель детской смертности нехарактерен для эпохи средневековья и может быть объяснен спецификой могильника. Средняя доживаемость взрослых составила 39,1 года. Причем доживаемость мужчин — 40,9, женщин — 35,8 года.

По этим показателям яблоновская серия в целом близка сериям восточных славян, палеографические исследования которых провел В. П. Алексеев⁴⁷. Пригодными к измерениям оказались 22 мужских и 12 женских черепов.

Серия мужских черепов из Яблонки характеризуется мезокрацией при средних величинах поперечного и продольного диаметра, средневысоким сводом и слабопокатым лбом. Лицо мезогнатное на границе с ортогнатным,

умеренно профилировано в горизонтальной плоскости. Величина верхней высоты его средняя. Скуловой диаметр на границе малых и средних величин. Верхний лицевой указатель также средний. Нос выступающий, среднеширокий. Орбиты также среднеширокие. Переносье высокое. В целом серия европеоидная и имеет гипоморфные формы черепа.

Анализ статистических данных по средним квадратическим уклонениям свидетельствует о значительной неоднородности серии мужских черепов по таким признакам, как продольный диаметр и связанный с ним черепной указатель, высотный диаметр, ширина лба, лица и носа. Женская серия очень близка по антропологической характеристике к мужским черепа, что подтверждается близостью коэффициентов полового деморфизма к мировым стандартам.

Небольшая группа черепов происходит из Стеблева. Она добыта в результате работ экспедиции «Змиевы валы» ИА АН УССР, проводившей разведочные раскопки курганного могильника на берегу р. Рось у с. Стеблев Корсунь-Шевченковского района⁴⁸.

Краниологический материал состоял из двух мужских, одного женского и одного детского черепов. В целом стеблевские черепа характеризуются резкой долихокрацией при большом продольном диаметре. Лоб узкий, покатый. Ширину лица удалось измерить только на одном черепе, она малая. Высота лицевого отдела черепов выше средней. Нос среднеширокий на мужских, узкий на женском черепе. Лицо мезогнатное, резко профилировано.

В 1955—1956 гг. древнерусской экспедицией под руководством В. И. Довженка раскапывались два могильника в Поросье у сел Николаевка и Хутор Половецкий⁴⁹.

Краниологический материал, состоявший из 42 черепов, изучен Г. П. Зиневич. Она характеризует серию из Николаевки как мезократную, среднеширокую, европеоидную⁵⁰. По мнению исследователя, серия в целом однородна, но на четырех черепах имелись следы монголоидности. При сопоставлении николаевских черепов с серией из

Таблица 2. Сравнительные данные средних величин основных признаков мужских синхронных черепов

№ по Мартину	Пункт, этнос	Яблоновка		Юрьев		Хутор Половецкий		Николаевка	
		П. М. Покас, 1985 г.				Г. П. Зиневич, 1967 г.			
		П *	М **	П	М	П	М	П	М
1	Продольный диаметр	21	180,4	18	188,1	15	181,7	8	186,4
8	Поперечный диаметр	19	140,4	17	141,5	14	137,6	8	139,9
8:1	Черепной указатель	19	77,1	15	75,9	14	76,2	8	75,1
17	Высотный диаметр от базиса	14	133,3	12	135,6	14	134,3	7	135,3
32	Угол лба (назион — метопион)	9	79,9	8	77,7	14	83,8	7	85,9
45	Скуловой диаметр	8	129,6	9	133,7	13	130,4	7	131,1
48	Верхняя высота лица	11	67,9	14	71,2	15	67,4	7	69,3
48:45	Верхнелицевой указатель	8	52,2	8	54,5	13	51,4	7	52,9
54:45	Носовой указатель	12	50,4	13	45,7	14	51,1	7	47,3
52:51	Орбитный указатель (от максил.)	15	78,9	13	78,8	15	79,8	7	80,6
77	Назомаллярный угол	11	141,0	9	138,8	14	138,0	4	135,3
7М	Зиго-максиллярный угол	8	125,5	13	127,0	14	126,3	6	126,5
DS:DC	Дакриальный указатель	11	56,6	6	58,6	14	60,4	4	56,4
SS:SC	Симотический указатель	11	47,3	11	50,4	15	47,9	4	51,2
72	Общий угол лица	9	84,9	8	83,0	14	83,1	7	83,9
75 (1)	Угол выступания носа	5	29,8	5	32,8	14	27,0	4	31,3

* П — количество черепов.

** М — средние величины признаков.

Хутора Половецкого автор отметила «несомненное морфологическое сходство их» и «краниологическую однотипность», но количество черепов с уплощенностью лицевого скелета на уровне орбит из Хутора Половецкого большее (шесть черепов). И степень уплощенности их более высокая.

Г. П. Зиневич провела сравнение этих серий с группой черепов из синхронных Каирского и Каменского могильников и с курганными суммарными сериями «полян переяславских» и «северян Украины»⁵¹ и пришла к выводам о «разнотипности» серий Поросья по сравнению с каирскими и каменскими черепами (Надпорожье) и генетической общности с полянами и северянами. Выводы вполне обоснованы. Добавим, что определенный интерес представляет сопоставление материалов Николаевского могильника с польскими синхронными сериями, так как в состав погребального инвентаря при погребениях этого могильника входили височные кольца с S-видными

формами, более характерными для древнерусского времени на территории Польши и Волыни⁵². Этот факт представляет интерес и в связи с упоминанием в летописи о переселении Ярославом Мудрым группы военнопленных — «ляхов».

Был проведен сравнительный анализ серии Николаевки с синхронными группами черепов полян польских, вислян и мазовшан⁵³. К сожалению, данные по этим сериям представлены слишком малым числом средних величин важнейших признаков и дают слабое представление об их антропологическом типе (табл. 2). Все же отметим, что группа черепов из Николаевки проявляет определенную близость к польским сериям, но имеет некоторые отличия: николаевские черепа более узколицевые, высоколицевые и высокоорбитные. Рассмотренные краниологические серии характеризуются общеславянским комплексом признаков и не могут дать полного представления о степени их морфологического сходства.

Польские серии						Поросье (объединенная серия)	Поляне перяславские	Поляне черниговские (кур-ганы)	Древнерусские города	Ночевники X—XII вв. (Харьновская, Днепротетровская области)					
Поляне		Висляне		Мазовшане						Т. И. Алексеева, 1973 г.				Г. Ф. Дебец, 1948 г.	
П	М	П	М	П	М	П	М	П	М	П	М	Границы вариабельности		М	М
378	185,4	81	186,5	9	191,1	64	183,4	85	186,6	32	183,3	181,5—189,3		35	181,3
378	140,6	79	137,3	9	139,4	60	141,5	84	138,3	29	137,3	138,5—141,4		35	150,5
365	75,9	79	73,6	9	72,9	58	76,4	82	74,7	28	74,7	73,8—77,5		35	83,2
346	136,0	56	134,7	7	133,0	48	134,4	80	134,9	31	135,9	134,1—138,9		20	134,2
—	—	—	—	—	—	—	—	70	84,1	25	84,2	80,4—84,8		—	—
304	132,4	60	131,8	3	135,3	38	130,5	69	132,5	22	130,9	132,1—136,1		29	141,1
294	67,4	64	69,0	—	—	49	68,7	79	69,8	28	68,5	67,0—71,2		32	73,8
291	50,9	59	52,1	—	—	37	52,7	68	52,9	20	52,3	—		25	53,1
312	49,8	64	49,9	3	46,7	—	—	82	50,0	28	51,1	—		13	46,2
306	77,9	59	77,1	3	76,3	—	—	39	77,0	26	77,8	—		—	—
—	—	—	—	—	—	40	138,5	42	137,5	23	138,2	135,7—139,4		—	—
—	—	—	—	—	—	41	126,2	33	128,1	17	125,3	126,0—129,6		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	40	58,4	26	54,9	54,9—61,2		—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	41	50,2	29	48,1	42,7—50,9		—	—
—	—	—	—	—	—	40	84,0	63	84,3	23	83,0	83,6—85,1		25	86,3
—	—	—	—	—	—	30	29,4	53	28,7	12	28,2	26,8—35,0		24	31,9

Нами проведен сравнительный анализ серий величин по краниологическим признакам серий черепов древнерусского Юрьева, его округи и из могильников Поросья. Отметим, что черепа из Юрьева при общности для всех серий мезо-долихокрании отличаются большей выраженностью рельефа над переносом и большими величинами диаметров мозгового черепа как от серии, происходящей из его округи (Яблоновка), так и от других поросских серий (Николаевка и Хутор Половецкий). Черепа из Юрьева обладают более покатым лбом, широким и высоким лицевым отделом, широкими орбитами и узким носом (табл. 2).

Яблоновская серия при общем сходстве основных размеров черепного отдела с другими поросскими черепами все же отличается от них более покатым лбом, орбиты ниже. По этим показателям она занимает как бы промежуточное положение между сериями древнего Юрьева и другими сериями Поросья. Но яблоновские черепа имеют

и еще некоторые особенности при сравнении с остальными. Они, в среднем, более широкоголовой и широконосы и обладают небольшой уплощенностью в верхней части лицевого отдела. Выделено несколько черепов с повышенной уплощенностью лицевого отдела (погребения № 11, 28, 31). Вероятно, в состав группы населения, оставившего Яблоновский могильник, входил значительный элемент населения с монголоидной примесью.

Определенный интерес представляют некоторые различия серий из Юрьева (городское население) и Яблоновки (сельское население), территориально близких друг к другу. Различия эти выражаются прежде всего в большей массивности городской серии как по размерам мозгового черепа, так и по лицевому скелету. Аналогичное явление наблюдалось Г. И. Алексеевой при сопоставлении городского и сельского населения других древнерусских городов и объяснено ею как «частное выражение общего процесса укрупнения

костяка в условиях города, опять-таки в связи с изменением уровня социальной жизни»⁵⁴.

При сопоставлении средних величин основных признаков серии из Юрьева с их вариантами на черепах из других древнерусских городов⁵⁵ отметим полную близость по всем признакам (см. табл. 2). Это свидетельствует о том, что группа населения древнерусского Юрьева, оставившая могильник на Замковой горе, имела, несомненно, славянское происхождение.

Для более полного рассмотрения антропологического типа населения Поросья все изученные серии были объединены в одну и проведен некоторый статистический анализ. Объединенная серия представлена 64 мужскими и 31 женским пригодным к измерениям черепом.

Оценка палеографических данных смертности взрослого населения показала, что попытка дать полную характеристику ее, используя градации В. П. Алексеева, определяющие усредненный возраст погребенных по возрастным категориям⁵⁶, влечет к ошибочным результатам. Так, при анализе демографических данных по опубликованным сериям Николаевки и Хутора Половецкого отмечаются явно завышенные величины продолжительности жизни взрослых. У мужчин она равна 48,1 года, у женщин — 37,9 года для николаевской группы и 46,3 года для взрослого населения, оставившего могильник у Хутора Половецкого. Очевидно, продолжительность жизни, данная для серии из Яблоновки, является более характерной для населения всего Поросья. Как отмечалось, она равна 40,9 года для мужчин и 35,8 — для женщин.

Краниологический тип черепов Поросья характеризуется мезокрацией при больших диаметрах мозговой коробки, средней, на границе с малыми величинами, шириной лица при таких же характеристиках его величины. По верхнелицевому показателю лицо среднеширокое и средневысокое. По вертикальному профилю оно мезогнатное, хорошо профилировано в горизонтальной плоскости.

В целом серия Поросья относится к

европеидным формам и характеризуется восточносредиземноморским типом. Отмечена некоторая неоднородность ее антропологического состава, что выразилось в повышенной вариативности и повышении величин квадратических уклонов при сравнении с мировыми стандартами по таким признакам, как продольный и скуловой диаметры, черешной и верхнелицевой указатели и назомолярный угол (см. табл. 2).

— Неоднородность этнического состава Поросья в древнерусское время отмечали многие исследователи. Контакты между кочевниками и славянами привели к смешению отдельных черт погребальных обрядов. В определенной степени этот процесс, очевидно, повлиял на антропологический тип жителей Поросья. При сопоставлении краниологической серии Поросья с синхронными сериями близлежащих территорий прослеживается заметное сходство со славянскими сериями по основным признакам. Они представляют собой один антропологический тип.

Сравнительные данные серии из Поросья с группой черепов кочевников X—XII вв. Харьковской и Днепропетровской областей⁵⁷ указывают на резкое их отличие по ряду признаков (табл. 2). Черепа из Поросья более длинноголовы и имеют значительно меньший поперечный диаметр. Отличия имеются и при сопоставлении черепного указателя (у кочевников — брахикрания). Поросские черепа более узко- и низколицы и мезогнатные (у серии кочевников лица ортогнатные). Здесь имеет место отличие антропологических типов серий.

В целом вышерассмотренные археологические и антропологические материалы свидетельствуют о славянской принадлежности населения Юрьева и его округа в XI—XIII вв. Но, отмечая общие для южнорусских земель черты материальной и духовной культуры, представленные данные подтверждают определенную специфику историко-культурного развития этого пограничного города.

¹ Толочко П. П. Киевская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 13.

- ² ПСРЛ, т. 2, с. 137.
- ³ Там же.
- ⁴ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1.
- ⁵ ПСРЛ, т. 2, с. 219, 256.
- ⁶ Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв.— Киев, 1980, с. 153.
- ⁷ ПСРЛ, т. 7, с. 240.
- ⁸ Киевская старина, 1883, т. 7, с. 1—32; Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии.— Киев, 1864; Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М., 1956, с. 308.
- ⁹ Бутник-Сиверский Б. С. О городе Белая Церковь.— СА, 1961, № 4, с. 218—226.
- ¹⁰ Архив Юго-Западной России.— Киев, 1905, т. 3, ч. 7, с. 85—115.
- ¹¹ Богданов О. І. Нові данні про древньоруське місто Біла Церква.— Археологія, 1952, т. 6, с. 133—134.
- ¹² Коллекция фондов Белоцерковского краеведческого музея, № А—121, 9510—7303, 9496; А—73, 6195—4483, 11247/0—6; А—71, 5127—3620, 2592.
- ¹³ Брайчевский М. Ю., Трохимец А. П. Новые археологические материалы по истории Белой Церкви.— СА, 1961, № 4, с. 218—226.
- ¹⁴ Толочко П. П. Киевская земля, с. 50; Кучера М. П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини.— В кн.: Дослідження з слов'яноруської археології. К., 1976, с. 189.
- ¹⁵ Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VI—IX ст. н. е.— К., 1980, с. 31, рис. 9.
- ¹⁶ Архив Юго-Западной России, т. 4, ч. 2, с. 15—17.
- ¹⁷ Там же, т. 3, ч. 7, с. 85—115.
- ¹⁸ Рыбаков Б. А. Отчет об археологических раскопках на Белгородском городище ИА АН СССР (1969).— НА ИА АН УССР, ф. е. 5465, 1969/38, с. 16, табл. XVI, 1, 2; Тимошук Б. О. Давньоруська Буковина (X—перша половина XIV ст.).— К., 1982, с. 53.
- ¹⁹ Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.— Л., 1979, с. 113.
- ²⁰ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси.— М., 1972, с. 58, 65.
- ²¹ Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв.— СА, 1960, № 2, с. 73—76.
- ²² Новое в археологии Киева / П. П. Толочко, Я. Е. Боровский и др. Киев, 1982, с. 173—233.
- ²³ Голубинский Е. Указ. соч., с. 568.
- ²⁴ Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. по данным погребальных памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980, с. 14; Макаров Н. А. Каменные подшки в погребениях древнерусских городских некрополей.— СА, 1981, № 2, с. 112.
- ²⁵ Кучкин В. А. Захоронение И. Грозного и русский средневековый погребальный обряд.— СА, 1967, № 1, с. 289—294.
- ²⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, wszytskiej Rusi. Warszawa, 1846, t. 2, s. 4, 6—7.
- ²⁷ Кучера М. П. Указ. соч., с. 187—191; Орлов Р. С. Раскопки в Белой Церкви.— АО 1980 г., М., 1981, с. 295.
- ²⁸ Археологическая карта Киевской губернии.— М., 1895; Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.— СА, 1961, № 3; Русанова И. П. Курганы полян X—XIII вв.— САИ, 1966, вып. Е—1—24; Моця О. П. Населения Поросся давньоруського часу за даними некрополю.— Археологія, 1979, 36.
- ²⁹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— САИ, 1966, вып. Е1—35, № 2, с. 99.
- ³⁰ Башинская Л. С. Отчет о работах Яблоновского отряда.— НА ИА АН УССР, 1970/45а; Башинская Л. С. Отчет о работе на Яблоновском курганном могильнике 25 августа—10 сентября 1980 года.— НА ИА АН УССР.
- ³¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 163, рис. 4; Орлов Р. С., Погорелый В. І. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині.— Археологія, 1977, 24, с. 88, рис. 1, 11.
- ³² Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья.— МИА, 1970, № 163; Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв.; Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— М., 1974; Вишневский Р. І. Розкопки курганів у Коростені та поблизу Овруча в 1911 р.— Археологія, 1954, т. 11.
- ³³ Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков.— САИ, 1973, вып. Е1—19, с. 13; Степи Евразии в эпоху средневековья.— В кн.: Археология СССР. М., 1971, с. 213—223.
- ³⁴ Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.— Орджоникидзе, 1961, с. 56.
- ³⁵ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1968, № 62.
- ³⁶ Археологические раскопки..., с. 79.
- ³⁷ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966.
- ³⁸ Назаренко В. А. Норманны и появление курганов в Приладожье.— В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 145.
- ³⁹ Mandel M. Über die neuen Ausgrabungen in Komsj.— Известия АН ЭССР, сер. Обществ. науки, 1980, т. 29, № 4, с. 373—375, табл. XII, 8; Вознесенська Г. О., Коваленко В. П., Орлов Р. С. Дослідження літописного міста Блистовита.— Археологія, 1984, 48.
- ⁴⁰ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.— М., 1968, с. 25.
- ⁴¹ Плетнева С. А. Половецкая земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XII вв. М., 1975, с. 282.
- ⁴² Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков, с. 26; Плетнева С. А. Половецкая земля, с. 284, 287.
- ⁴³ ПВД, ч. 1, с. 140—147.
- ⁴⁴ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 488—490; Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков; Моця А. П. Населения Поросся давньоруського часу..., с. 27—36.
- ⁴⁵ Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины.— Киев, 1967, с. 138—145; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии.— М., 1973, с. 56—60;

Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья.— СЭ, 1974, № 1, с. 16—31.

⁴⁶ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований.— М., 1964, с. 123—127.

⁴⁷ Алексеев В. П. Палеодемография СССР.— СА, 1972, № 1, с. 16—17.

⁴⁸ Кучера М. П., Серов О. В., Звиздецкий Б. А. Разведочные раскопки на Николаевском древнерусском комплексе памятников на р. Рось.— НА ИА АН УССР, 1981/14.

⁴⁹ Довженок В. И. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 г.— КСИА АН УССР, 1959, № 8, с. 146—155.

⁵⁰ Зиневич Г. П. Указ. соч., с. 138—145.

⁵¹ Там же, с. 153—159; Кондукторова Г. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника.— Сов. антропология, 1957, № 1; Трофимова Г. А. Кривичи, вятичи и славянские племена По-

днепровья по данным антропологии.— СЭ, 1946, № 1, с. 66.

⁵² Довженок В. И., Кучера М. П. Отчет о работе древнерусской экспедиции в 1956 году на Роси.— НА ИА АН УССР, 1956/12в, с. 21—24.

⁵³ Трофимова Г. А. Краниологические данные по этногенезу западных славян.— СЭ, 1948, № 2, с. 46.

⁵⁴ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян..., с. 131.

⁵⁵ Алексеева Т. И. Антропологический склад населения давньоруських міст.— В кн.: Матеріали в антропології України. К., 1964, вип. 4, с. 73—86; Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян..., с. 128.

⁵⁶ Алексеев В. П. Палеодемография СССР, с. 15—16.

⁵⁷ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— М.; Л., 1948, с. 261—265.

А. А. Козловский

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В IX—XIV вв.

Вопрос об этническом составе оседлого населения Южного Поднепровья очень сложен. В этом районе, начиная с эпохи «великого переселения народов» и заканчивая нашествием орд хана Батия в первой половине XIII в., мигрировали многочисленные племена и народы.

Для определения этнического состава населения Южного Поднепровья в IX—XIV вв. нами использованы известные элементы материальной культуры, письменные источники, а также антропологические данные.

Прежде чем перейти к непосредственной характеристике этнического состава населения Южного Поднепровья IX—XIV вв., хотелось бы отметить неравномерность информации различных источников.

Поскольку наша работа, главным образом, написана на археологических материалах, то основное значение при определении этнического состава населения мы придаем особенностям материальной культуры в различные периоды существования памятников.

Данные антропологии, имеющиеся в нашем распоряжении, малочисленны и слабо разработаны и поэтому могут служить только как вспомогательный источник.

Немногочисленные письменные из-

вестия, касающиеся интересующего нас района, также не могут быть основным источником и привлекаются лишь для уточнения тех или иных выводов, полученных в результате анализа особенностей материальной культуры.

Известно, что важное значение при определении этнических признаков играют погребальный обряд, а также такие особенности материальной культуры, как приемы домостроительства и керамической комплексы.

Набор украшений, оружие, бытовые предметы встречаются, обыкновенно, на широкой территории и имеют общий характер.

Определение этнического состава оседлого населения Южного Поднепровья мы будем проводить в соответствии с тремя выделенными нами хронологическими периодами¹.

Первый период охватывает IX—XI вв. Для этого времени характерны небольшие поселения с рядовой застройкой. Преобладающим типом жилища является полужемлянка с большой, прямоугольной в плане печью, расположенной в углу. Реже встречаются жилища с печью-каменкой. Жилища такого типа характерны для многих древнерусских памятников X—XI вв.² Исключением является жилище на поселении Первое Мая, где вместо

печи в углу находился открытый очаг, обложенный камнем. Жилища такого типа характерны для оседавших кочевников³. В частности, подобные жилища известны у племен салтовской культуры, которые начали переходить от кочевничества к оседлости⁴.

Вторым важным этническим признаком является керамический комплекс. Керамика IX—XI вв. Южного Поднепровья довольно своеобразна. Кухонная посуда по ряду признаков близка салтовским горшкам. Прежде всего это густой волнистый и линейный орнамент, нередко покрывающий всю или большую часть поверхности сосуда. Заметное сходство наблюдается и в профилировке венчика. Некоторые общие черты с салтовской керамикой наблюдаются и в формах сосудов. Так, округлобокие, с сильно отогнутым венчиком горшки, покрытые сплошной орнаментацией, имеют аналогии среди салтовских древностей. Сближает их с керамикой салтовского типа некоторая приземистость и широкодонность⁵.

Но ряд форм кухонных горшков, например банковидные сосуды с почти вертикальным венчиком, не характерны для салтовской культуры. Слабопрофилированные кружальные горшки с небольшим отогнутым венчиком и горшки с высокими выпуклыми плечиками встречаются на некоторых славянских памятниках⁶, где они существовали в VIII—X вв.

Необходимо отметить, что сплошная орнаментация сосудов врезными волнистыми и горизонтальными линиями встречается на некоторых памятниках IX—X вв.⁷ и даже XI в.⁸ Но профилировка венчиков этих сосудов, по сравнению с южноднепровскими, более развита. Имеется также небольшое количество сосудов с редко расположенной линейной орнаментацией, что сближает их с древнерусской керамикой X—XI вв. Типичные для Древней Руси IX—X вв. горшки курганного типа в Южном Поднепровье встречаются редко, что свидетельствует об их привозном характере. Возможно, появление этой керамики связано с функционированием торгового пути «из варяг в греки».

Основным погребальным обрядом в этот период является трупоположение, исключение составляет лишь могильник с трупосожжениями у с. Петрово-Свистуново.

Среди могильников с трупоположениями прослеживаются черты языческой обрядности — наличие угольничков и керамики в некоторых погребениях у с. Первое Мая, наличие ножей и астрагалов в ряде погребений у с. Ясиноватое. Грунтовые могильники с подобным обрядом встречаются как на территории Древней Руси⁹, так и на некоторых памятниках с разноэтничным населением, например в Белой Веже¹⁰.

Все вышеприведенные данные, по нашему мнению, могут свидетельствовать о разноэтничности населения, оставившего эти памятники. Смешанный состав населения подтверждается и антропологическими данными могильника Первое Мая. Череп из погребения № 1 относится к южному средиземноморскому типу и имеет аналогии не только среди славянского населения Среднего Поднепровья, но и среди аланского населения, оставившего салтовский могильник¹¹. Подтверждением присутствия в Южном Поднепровье представителей салтовской культуры является наличие здесь типично салтовских погребений. Салтовское погребение в катакомбе обнаружено в районе г. Днепропетровск (поселок Самаровка). Покойника сопровождали: характерный салтовский кувшин, горшок, сплошь покрытый линейно-волнистой орнаментацией, кости овцы*.

Некоторые авторы считают, что памятники Южного Поднепровья IX—XI вв. генетически связаны с пеньковской культурой и что население в этот период состояло из потомков пеньковских племен, среди которых осела часть алано-болгарских племен, впоследствии ассимилированных славянами¹². Вероятно, это была южная часть племен уличей.

Уличи нередко упоминаются в русских летописях. Чаще всего о них пи-

* Материалы хранятся в Днепропетровском историческом музее.

шут в связи с борьбой киевских князей за их подчинение. Так, под 885 г. Лаврентьевская летопись отмечает, что Олег «... с улочи и тиверци имяше рать»¹³. Вел с улочами борьбу и Игорь, чей воевода Свенельд взял город улочей Пересечен. Русские летописи по-разному указывают местонахождение улочей. Так, в Лаврентьевской летописи отмечается: «...а Улучи, Тиверци седяху по Днестру, приседяху к Дунаеви; бе множество их седяху бо по Днестру оли до моря, суть гради их до сего дне...»¹⁴. Новгородская летопись пишет: «И беша седяще Углице по Днепру вниз и посемь приидоша межи Бъгъ, и Днестр и седоша тама»¹⁵.

Б. А. Рыбаков на основе анализа летописных и археологических материалов дал хронологическую оценку истории улочей, получив поддержку у большинства исследователей. По этой теории во второй половине I тыс. н. э. улочи занимали Южное Поднепровье, доходя на западе до Южного Буга, а на юге — до моря. Печенежское нашествие отодвинуло улочей к северу, где, вероятно, в начале X в. был построен Пересечен. В 930-х годах, после упорной борьбы с киевским князем, улочи передвинулись на запад в междуречье Буга и Днестра к тиверцам¹⁶. Последнее подтверждается и археологическими материалами. Так, в верховьях Южного Буга известны славянские памятники X—XI вв.¹⁷

Но не все улочское население покинуло Южное Поднепровье. По-видимому, переселились племенная верхушка и дружина, а часть сельского населения осталась.

Таким образом, в Южном Поднепровье в IX—XI вв. существовала культура, имеющая ряд сходных черт со славянскими и салтовскими памятниками. Особенность этого района заключается в том, что здесь эти черты как бы законсервировались и продолжали существовать более длительное время по сравнению с основными территориями салтовской культуры и древней Руси.

Существование такой своеобразной смешанной культуры отражает этнокультурную особенность населения данного района.

Древнерусское население IX—X вв. представлено потомками племен улочей и оседавшей части алано-болгарских племен, передвинувшихся из района Дона под натиском печенегов.

Второй хронологический период охватывает XII — первую половину XIII в. Для этого периода характерны поселения различных размеров. Планировка главным образом кучевая. Основным типом жилища остается полуземлянка со стенами столбовой или бесстолбовой конструкции. Однако отопительное устройство несколько видоизменяется. Вместо большой, прямоугольной в плане глинобитной печи появляется небольшая подковообразная в плане печь. Значительно реже встречаются печи-каменки и жилища с открытым очагом. Очаги помещаются как в одном из углов жилища, так и в центре. Топография поселений, планировка и конструктивные особенности полуземлянок с небольшими глинобитными печами имеют аналогии среди древнерусских памятников XII—XIII вв.¹⁸ Жилища с открытым очагом в центре или в углу более характерны для кочевников.

Керамический комплекс в этот период изменяется. В значительном количестве появляются тонкостенные горшки конической формы с отогнутым наружу венчиком и загибом края вовнутрь, украшенные по плечикам врезным орнаментом из горизонтальных или волнистых линий; сосуды для хранения припасов, столовая посуда. Все эти формы характерны для древнерусских памятников XII—XIII вв.

Многочисленные аналогии среди древнерусских материалов имеют изделия из металла: наральники и лемехи, топоры, тесла, резцы, ножи с костяными и деревянными ручками, железные цилиндрические замки, огниво, часть оружия.

В значительной степени сходны и украшения: стеклянные браслеты, перстни, бусы, металлические витые и ложновитые перстни и браслеты, серьги, в том числе и трехбусинные киевского типа, лунницы, бубенчики, нательные крестики.

К особенностям Южного Поднепровья относятся наличие керамики

местных типов с архаическими чертами, преобладание прясел из стенок сосудов, существование, наряду с глинобитными печами, открытых очагов и печей-каменок.

Погребальный обряд в этот период стабилизируется. Судя по наиболее полно исследованным могильникам, залоронения производились по христианскому обряду. Погребенные, как правило, лежали вытянуто на спине, головой на запад. Большинство известных нам погребений безынварные. Только в немногих встречаются украшения и предметы одежды. Лишь в одном могильнике в погребениях зафиксированы орудия труда и орудия.

Безынварные или с бедным инвентарем труположения в ямах или в гробах, ориентированные головой на запад с различным положением рук, характерны для ряда древнерусских могильников XII—XIII вв.¹⁹

Таким образом, мы видим, что материальная культура, конструкция и планировка жилищ, погребальный обряд имеют много общего с памятниками XII—XIII вв., распространенными на основной территории древней Руси.

Однако известен ряд элементов материальной культуры, не имеющих аналогий среди древнерусских памятников. К ним относятся: наличие на памятниках Южного Поднепровья сабель — типичного оружия кочевников; стрел, имеющих аналогии среди кочевнических древностей; находки некоторых кочевнических украшений.

Кроме того, на этих поселениях прослеживаются некоторые черты материальной культуры, характерные для предшествующего периода — наличие керамики, по тесту и форме близкой к керамике IX—XI вв., а также пряслиц из стенок сосудов, что не характерно для древнерусских памятников этого времени.

Таким образом, исходя из данных материальной культуры, имевшей неоднородный характер, можем говорить о смешанном населении, оставившем эту культуру. Поскольку многие элементы материальной культуры не имели местной подосновы (керамика, характерная для Среднего Поднепровья, большая часть украшений), то очевидно, что эти

элементы появились в Южном Поднепровье вместе с их носителями — переселенцами из Среднего Поднепровья²⁰.

Миграция населения из Среднего Поднепровья происходила, по-видимому, из-за усиления феодального гнета в Древнерусском государстве и изменения политической обстановки в Южном Поднепровье в связи с успешными походами русских князей против половцев в XII — начале XIII в.

Известны два вида миграций — переселение больших групп населения и переселение сравнительно небольших групп, преимущественно отдельных семей²¹. В данном случае речь идет о втором виде миграции, представлявшей собой растянутый процесс.

Но переселенцы из Среднего Поднепровья пришли не на пустое место, здесь оставалась некоторая часть населения, жившего в IX—XI вв. Об этом, в частности, свидетельствуют преемственность некоторых типов местной керамики, некоторые конструктивные особенности жилищ.

Определенное влияние на этнический состав населения оказали и окружавшие их кочевники. В связи с феодализацией и обеднением часть половцев от скотоводства переходила к земледелию. Оседали кочевники обычно по берегам рек, на местах длительных ежегодных зимовок²². Оседая на берегах Днепра, кочевники вступали в контакт с местным земледельческим населением и, по-видимому, попадали под сильное влияние, перенимая от него и навыки земледелия, и более высокую материальную культуру.

Между оседавшими на землю половцами и мигрировавшими из Среднего Поднепровья переселенцами могли возникать и родственные связи. В пользу высказанного предположения говорит и тот факт, что наиболее подвижной группой при любых миграциях были мужчины, а недостаток женщин восполнялся за счет местного населения²³. Сказанное подтверждается и этнографическими данными. Так, при переселении на Терек русского населения, состоявшего в основном из мужчин, последние нередко вступали в брак с представительницами местных горских народов²⁴. Однако заметного влияния

на этнический состав местного населения половцы, очевидно, не оказали.

Подводя итог, можно сказать, что главным элементом среди населения Южного Поднепровья в XII — первой половине XIII в. были славяне — выходцы из Среднего Поднепровья, которые смешались с жившими здесь потомками славян — улчачами и аланоболгарами, часть населения, возможно, была половецкого происхождения.

Третий период охватывает вторую половину XIII—XIV в. Известно, что в первой половине XIII в. все южнорусские степи были захвачены ордами Батые. Однако часть южноднепровских поселений пережила золотоордынское нашествие и продолжала существовать во второй половине XIII—XIV в.

Главный свой удар орды Батые обрушивали на военно-административные центры, а стоящие в стороне небольшие поселения, которые не представляли для них опасности, они не трогали²⁵. В Южном Поднепровье наиболее пострадали крупные поселения. Так, на поселении Игрень 8, занимавшем, очевидно, одно из центральных мест среди надпорожских поселений по ремесленному производству и торговле, отсутствуют материалы, датируемые второй половиной XIII в. В то же время расположенное рядом небольшое поселение Игрень (Подкова) продолжало существовать. Частично разрушено и поселение Днепровское. В отдельных жилищах прослежены следы сильного пожара. Но жизнь на поселении продолжалась, хотя размеры его значительно сократились. Об этом свидетельствуют погребения XIII—XIV вв., перекрывающие жилища XII—XIII вв.

Значительно уменьшилась территория правобережного Кичкасского поселения. Из 17 раскопанных жилищ лишь в трех найдены материалы, свидетельствующие, что они бытовали во второй половине XIII в.

Во второй половине XIII—XIV в. наблюдаются изменения в материальной культуре. Увеличивается количество отопительных устройств в виде открытого очага, что свидетельствует, по нашему мнению, об увеличении кочевнического элемента среди населения.

В этот период значительно сокраща-

ется импорт из Среднего Поднепровья, главным образом изделий из стекла и шифера. Зато появляются вещи, характерные для золотоордынских памятников: изделия из кашинной керамики (посуда, пуговицы, бусы); возрастает количество серег в виде знака вопроса; появляются золотоордынские монеты XIII—XIV вв. и наконечники стрел.

Некоторые изменения наблюдаются и в погребальном обряде. По сравнению с предыдущим периодом увеличивается количество погребений с вещами. При этом, кроме личных украшений и предметов одежды, в погребениях встречаются орудия труда и оружие. Во многих погребальных сооружениях находят камни. Перечисленные особенности, по нашему мнению, связаны с изменениями в этническом составе населения Южного Поднепровья.

О неоднородности населения в этническом отношении свидетельствуют и антропологические данные, происходящие из могильников XII—XIV вв. у сел Каиры, Каменка, Благовещенка.

Изучение черепов из Каирского могильника показало, что они однородны и характерны для населения европеоидного типа. Среди женских черепов прослеживается незначительная примесь монголоидных черт. Хронологически близки к черепам Каирского могильника черепа из большого кургана возле Саркел, что особенно заметно в женской серии. В славянских могильниках этого времени антропологические параллели с Каирским могильником отсутствуют. Автор антропологических исследований считает, что вопрос об этнической принадлежности Каирского могильника еще не решен²⁶.

Антропологические материалы из Каменского могильника исследовались Т. С. Кондукторовой²⁷, которая отмечает, что в целом серия черепов Каменского могильника довольно однородна и характерна для населения европеоидной расы. Монголоидные черты прослеживаются лишь в виде незначительной примеси. Больше всего монголоидность выражена в женских черепах. Наиболее близкие аналогии — среди черепов Зливкинского могильника и Большого кургана у станицы Цимлянской. Т. С. Кондукторова отмечает так-

же близость серии к некоторым черепам из золотоордынских городов, а также к черепам из курганов Букеевской степи²⁸. В славянских могильниках этого времени антропологические параллели с типом Каменского могильника отсутствуют. По мнению Т. С. Кондукторовой, данные антропологии не позволяют отнести каменцев к славянам или половцам. Наиболее вероятными являются параллели с аварами (или болгарами).

Э. А. Сымонович считает, что население, оставившее Каменский могильник, — это «потомки древнего населения степей», ассимилированные кочевниками²⁹. По мнению С. А. Плетневой, могильник был оставлен группой яссов, продвинувшейся под давлением кочевников с Донца в Приднепровье. Основным признаком, связывающим эту группу с местным населением, С. А. Плетнева видит в антропологической близости их черепов с черепами Зливкинского могильника, а влияние кочевников отражено в инвентаре. Изменение погребального обряда исследовательница объясняет принятием этой группой населения христианства³⁰.

Антропологические материалы Благовещенского могильника также однородны, однако в женских черепах более заметны черты монголоидности*. С. И. Круз считает, что черепа Благовещенского могильника по своим признакам близки к черепам Каирского и Каменского могильников.

Как видим, антропологический анализ свидетельствует о смешанном составе населения Южного Поднепровья во второй половине XIII в.

Антропологи, изучавшие материалы из вышеописанных могильников, отмечают значительное сходство женских черепов. Так, Г. П. Зиневич подчеркивает, что женские черепа из Каменского и Каирского могильников сходны до идентичности³¹, а мужские — имеют ряд отличий.

Большой интерес для понимания изменений, происходивших в этническом составе населения южнорусских степей, имеет могильник Лимбарь, раскопан-

ный в Молдавии И. Г. Хынку. Могильник грунтовой, без следов насыпей. Всего обнаружено 96 погребений и 4 захоронения животных. Преобладала западная ориентация погребенных, несколько ориентировано на север (или северо-восток и юг). Скелеты лежали на спине, ноги вытянуты, положение рук неустойчивое. Большая часть погребений безинвентарна. Лишь в 25 % погребений обнаружены вещи. Среди них: топор, стремяна, железные ножи, пряжки, кольца, серьги, пряслица. В двух погребениях найдены керамические сосуды. Могильник датируется XII—XIV вв.³² Антропологический анализ проведен М. С. Великановой³³.

Было исследовано 40 черепов. Серия в целом европеоидная, в ее сложении участвовало два компонента — долихокранный (или мезодолихокранный) и брахикранный. Мужские черепа явно отличаются от черепов средневекового славянского населения этой области, известного по могильнику X—XI вв. возле с. Бранешты. Это отличие в равной мере относится и к славянскому населению всех других областей. Женские черепа по краниологическому типу очень близки к славянским.

Таким образом, мужские черепа из Лимбарь и Бранешты различны, а женские сходны³⁴.

В антропологическом отношении мужские черепа из Лимбаря близки к мужским черепам из Каменки. В этническом отношении пришлая часть средневекового населения местности Лимбарь, по мнению М. С. Великановой, является потомками переселившихся «болгарских» групп салтово-маяцкого населения юго-востока Европы³⁵.

Как видим, в антропологическом отношении мужской компонент на южноднепровских могильниках Каиры, Каменка, Благовещенка и на молдавском Лимбарь очень близки между собой. Все исследователи антропологического материала этих могильников отмечают их близость к потомкам салтово-маяцких племен, в частности, к их болгарской группе. Женский компонент из этих могильников различный в обоих районах. В Молдавии он имеет явно выраженные славянские черты, а на южноднепровских могильниках наблюдает-

* Анализ антропологических материалов проведен С. И. Круз в ИА АН УССР.

ся наличие монголоидных черт. Близок у этих могильников и погребальный обряд — наличие украшений, предметов одежды, изредка орудий труда, оружия, керамики, костей животных.

Появление этих могильников, по нашему мнению, связано со значительным передвижением различных племен и групп в связи с золотоордынским завоеванием южнорусских степей. О переселении ряда групп населения, в частности, в район Днепра и Днестра во время нашествия орд Батыя пишет и Г. А. Федоров-Давыдов³⁶. Как известно, орды Батыя при своем продвижении вбирали в свои ряды значительную часть покоренных народов. Собственно монголов в южнорусские степи пришло немного³⁷. Перед приходом в Поднепровье и Молдавию орды Батыя покорили Волжскую Булгарию и аланов в Предкавказье. По-видимому, какая-то часть этих покоренных народов передвинулась и в южнорусские степи. Возможно, что, осев в Южном Поднепровье и в Молдавии, именно они оставили вышеописанные могильники. Этим же может быть объяснено появление в этих могильниках мужских захоронений, антропологически близких к болгарам.

Таким образом, этнический состав населения Южного Поднепровья во второй половине XIII—XIV в., по сравнению с предыдущим периодом, стал более сложным. Здесь продолжало оставаться население, проживавшее в предыдущий период, и, по-видимому, осела часть кочевников, выбитых из привычных условий существования нашествием орд Батыя.

Косвенным свидетельством сложного этнического состава населения в Поднепровье в середине XIII в. является упоминание Плано Карпини о том, что начальником одного из селений, расположенного ниже Канева, был алан³⁸.

По-видимому, население Южного Поднепровья и после золотоордынского нашествия продолжало вести прежний образ жизни: обслуживали переправы через Днепр, занимались сельским хозяйством, ремеслом. По Южному Поднепровью проходил путь из Руси к соляным озерам, где, по наблюдению Ру-

брука, добывали соль³⁹. Интересно также замечание Рубрука о том, что «важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи»⁴⁰. Не исключено, что в этом обмене с кочевниками принимали участие в южноподнепровские поселения. Описывая поселения, расположенные в местах переправ через Дон и Волгу, Рубрук отмечал, что население поселков на Волге было смешанным и состояло из русских и сарацинов⁴¹.

Подводя итог определению состава оседлого населения Южного Поднепровья, можно отметить, что во все периоды IX—XIV вв. население в этническом плане был неоднородным. Исходя из особенностей материальной культуры, можно прийти к выводу, что значительную часть населения составляли славяне. Особенно это заметно в XII — первой половине XIII в.

В состав населения Южного Поднепровья входили и оседавшие на землю кочевники. Наиболее активно этот процесс происходил в IX—XI вв. и во второй половине XIII—XIV в., что объясняется социальными факторами — феодализацией кочевнического общества и, как следствие, обнищанием части кочевников, а также влиянием соседних земледельческих народов⁴².

Кроме социальных причин, оседанию кочевников на землю могли способствовать и политические события. Вторжение печенегов привело к частичному вытеснению алано-болгарских племен с Дона и Северского Донца. Лишенная привычных средств существования, часть этих племен могла осесть в Южном Поднепровье и заняться земледелием. Подобный процесс мог произойти и при вторжении в южнорусские степи орд Батыя. При этом осесть на землю могли как разоренные нашествием местные кочевники-половцы, так и какая-то часть представителей покоренных народов, захваченных движением орд Батыя.

Как отмечалось, все поселения Южного Поднепровья находились за укрепленными границами древней Руси. Если для древней Руси характерно наличие городищ, строительство которых вызы-

валось необходимостью защиты от кочевников и внутренней феодальной борьбой, то в Южном Поднепровье городища не известны.

По мнению ряда исследователей, во время переселения улчей в X в. с Днепра в междуречье Южного Буга и Днестра переселились племенная верхушка и дружина, а на Днестре осталась часть сельского населения, продолжавшего заниматься земледелием и скотоводством⁴³.

В последующий период основной приток населения шел со Среднего Поднепровья, что было вызвано усилением феодальной эксплуатации крестьян и ослаблением власти кочевников. Основным элементом, прибывавшим в Южное Поднепровье, были беглые крестьяне и, возможно, ремесленники.

Древнерусское государство уже с IX в. стремилось держать в своих руках днепровский торговый путь и Северное Причерноморье, что хорошо прослеживается уже в первых договорах Руси с Византией. Особенно четко это отражено в договоре 944 г. А. Н. Сахаров, подробно проанализировавший договор, считает, что в некоторых его статьях отразилось признание греками за сферой влияния Руси низовий Днепра и Северного Причерноморья⁴⁴.

О важном значении Южного Поднепровья для Древнерусского государства свидетельствует тот факт, что киевские князья всегда стремились держать в своих руках Олешье — важный в стратегическом и торговом отношении город в устье Днепра, пресекая все попытки своих противников захватить его⁴⁵. По-видимому, под контролем Киева находился и другой стратегически важный пункт — остров Хортица, служивший местом сбора русских войск перед их походами против кочевников⁴⁶.

Власть киевских князей на население Южного Поднепровья не распространялась, хотя контроль над днепровским торговым путем всегда находился в их руках⁴⁷. По-видимому, отношения жителей Южного Поднепровья с центральной властью были лояльными, так как они оказывали помощь при прохождении торговых караванов и, возможно, при передвижении русских дружин. Кроме того, из района Южного Подне-

провья в Киев могла поставляться рыба, промысел которой был широко развит среди местного населения.

Значительный интерес представляет вопрос взаимоотношения оседлого населения с кочевниками.

Прежде всего необходимо отметить, что само положение южноднепровских памятников, находившихся в окружении кочевников, относительная немногочисленность оседлого населения, отсутствие искусственных укреплений (естественными убежищами могли служить плавни, байрачные леса, а также островное расположение части поселений) свидетельствуют о мирных отношениях с кочевым миром.

Кочевники могли допустить существование этих поселений лишь при том условии, что они не только не угрожали им, а, наоборот, входили в сферу их влияния и даже приносили кочевникам известную выгоду. Прежде всего — продукты земледелия. На южноднепровских поселениях земледелие было довольно высоко развито, что позволяло получать значительное количество зерна.

Ряд данных свидетельствует о том, что кочевники получали от оседлого населения и ремесленные изделия: украшения, керамические изделия, медные котлы. О последнем, например, свидетельствуют найденные остатки производства медных клепаных котлов на трех южноднепровских поселениях. Причем интересен тот факт, что поселения Игрень 8 и Игрень (Подкова), где обнаружено их производство, расположены рядом, то есть изготавливать такие котлы для внутреннего пользования было нецелесообразно. По-видимому, большая часть котлов шла на продажу кочевникам. Отметим, что котлы подобного типа известны среди кочевнических древностей⁴⁸.

Некоторые поселения могли быть центрами посреднической торговли привозными товарами, о чем, в частности, свидетельствуют находки значительного количества амфорной керамики. Кроме того, жители поселений, расположенных в местах переправ, содействовали перевозу через Днепр как кочевников, так и купцов. Кочевникам было выгодно поддерживать торговые пути,

проходившие через их земли, поскольку, по мнению С. А. Плетневой, половецкие ханы получали от торговли значительные доходы и даже в случае войны не препятствовали проезду через их территорию купцов⁴⁹.

Таким образом, взаимоотношения оседлого населения Южного Поднепровья с кочевниками были в основном мирными и основывались на взаимных экономических интересах. Однако подобные отношения устанавливались в периоды стабилизации кочевников в южнорусских степях. Но в периоды войн и крупных перемещений кочевых племен оседлому населению угрожала опасность, что вело к его уменьшению.

Рассматривая этнический состав оседлого населения Южного Поднепровья и его взаимоотношения с кочевниками и Древнерусским государством, нельзя не коснуться отношения этого населения к бродникам.

По мнению большинства исследователей, бродники представляли собой разнотническую массу, проживавшую в землях, неподвластных древней Руси⁵⁰. В их состав входили русские, половцы, потомки алано-болгар. Этим признакам соответствует и население Южного Поднепровья. Поэтому мы, вслед за другими исследователями, считаем, что район Южного Поднепровья входил в ареал проживания бродников. В какой-то мере сказанное подтверждается и данными русских летописей, упоминающих бродников в этом районе⁵¹.

Как видим, на протяжении IX—XIV вв. в Южном Поднепровье проживало оседлое разнотническое население, ведущую роль в котором играли славяне. Оседавшие на землю кочевники воспринимали более высокую культуру славян и, в свою очередь, не могли оказывать на славян заметного влияния.

¹ Козловский А. А. Оседлое население Южного Поднепровья в IX—XIV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1982, с. 3.

² Рапопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1967, вып. Е1—32, с. 123—124.

³ Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.). — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975, с. 49.

⁴ Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142, с. 58.

⁵ Ляпушкин И. И. Памятники салтовомаяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, 1958, № 62, с. 108.

⁶ Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—VIII ст. — К., 1980, с. 135.

⁷ Гуцало К. М., Толочко П. П. Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень. — В кн.: Стародавній Київ. К., 1975, с. 73.

⁸ Седова М. В. Ярополч Залеский. — М., 1978, с. 92.

⁹ Там же, с. 69—71.

¹⁰ Артамонов М. И. Саркал — Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62, с. 79—82.

¹¹ Брайчевська А. Т. Древньоруські пам'ятники Дніпровського Надпоріжжя. — АП, 1962, т. 12, с. 172.

¹² Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'і (II—XIII ст.). — К., 1975, с. 174—175.

¹³ Лаврентьевская летопись (ПСРЛ). Спб., 1846, т. 1, с. 10.

¹⁴ Там же, с. 5.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950, с. 109.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Уличы. — КСИИМК, 1954, вып. 35, с. 17.

¹⁷ Хавлюк П. І. Древньоруські городища на Південному Бузі. — В кн.: Слов'яно-руські старожитності. К., 1969, с. 156—173.

¹⁸ Юра Р. О. Древній Колодяжн. — АП, 1962, т. 12, с. 8.

¹⁹ Седова М. В. Указ. соч., с. 67—71.

²⁰ Сміленко А. Т. Указ. соч., с. 189.

²¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973, с. 36.

²² Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, № 62, с. 188—190.

²³ Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. — М., 1975, с. 123.

²⁴ Заседателева Л. Б. Терские казаки. — М., 1974, с. 288—289.

²⁵ Довженко В. И. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 79.

²⁶ Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. — Киев, 1976, с. 153—158.

²⁷ Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника. — СА, 1957, № 1, с. 55—59.

²⁸ Там же, с. 56—57.

²⁹ Сымонович Э. А. Погребения X—XI вв. Каменского могильника. — КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 106.

³⁰ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы..., с. 185.

³¹ Зиневич Г. П. Указ. соч., с. 158.

³² Хынку И. Г. Памятники балкано-дунайской культуры X—XIV вв. лесостепной полосы Молдавии. — В кн.: Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев, 1968, с. 114, 112.

³³ Великанова М. С. Указ. соч., с. 91—113.

³⁴ Там же, с. 114—121.

³⁵ Там же, с. 131.

³⁶ Федоров-Давыдов Г. Б. Кочевники Во-

сточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966, с. 153.

³⁷ Там же, с. 157.

³⁸ *Плано Карпини. История Монголов.*— В кн.: *Плано Карпини Иоан де. История Монголов. Рубрук Вильгельм де. Путешествие в восточные страны.* Спб., 1911, с. 45.

³⁹ Там же, с. 68—69.

⁴⁰ Там же, с. 75.

⁴¹ Там же, с. 96.

⁴² *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение.*— М.; Л., 1950, с. 19.

⁴³ *Смilenko А. Т.* Указ. соч., с. 176.

⁴⁴ *Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси (IX—первая половина X в.).*— М., 1980, с. 247—248.

⁴⁵ *Лаврентьевская летопись, с. 88; Ипатьевская летопись.*— Спб., 1843, с. 2, с. 86 (ПСРЛ).

⁴⁶ *Пашуго В. Г. Внешняя политика Древней Руси.*— М., 1968, с. 85, 217.

⁴⁷ *Толочко П. П. Киевская земля.*— В кн.: *Древнерусские княжества X—XIII вв.* М., 1975, с. 15.

⁴⁸ *Шевцов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников.*— СА, 1980, № 2, с. 195.

⁴⁹ *Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы.*— с. 191.

⁵⁰ *Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время.*— КСИА АН СССР, 1964, вып. 99, с. 32; *Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии.*— М., 1966, с. 176—179; *Смilenko А. Т. Вказ. праця,* с. 90.

⁵¹ *Троїпська летопись.*— Спб., 1846, т. 1, с. 218 (ПСРЛ).

В. А. Петрашенко

ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЕК VIII—X вв. В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Городище Монастырек расположено на высоком правом берегу Днепра между с. Зарубинцы и хут. Монастырек, напротив Переяславль-Хмельницкого, и известно в литературе как многослойный памятник, представленный материалами эпохи меди — бронзы зарубинецкой культуры, VIII—X и XII—XIII вв.¹ Последний период отождествляется с летописным Зарубом, неоднократно упоминаемым в летописях в связи с военными событиями конца XI — первой половины XIII в.

Археологические раскопки, проводившиеся в 1974, 1979, 1980, 1982 и 1983 гг., значительно расширили наши знания об этом городище. В данной статье речь пойдет о славянском слое памятника, когда здесь существовало одно из крупнейших на Поднепровье поселений VIII—X вв.

Городище относится к типу сложно-мысовых. Оно расположено на двух мысах, примыкающих друг к другу почти под прямым углом, а также части плато, составляющем третью — напольную часть городища (рис. 1). В VIII—X вв. все три части были заселены. Поселение занимало площадь около 6 га. Меньшая часть городища, названная нами восточной, сейчас представляет собой овальной формы площадку размером 50×130 м (общая площадь 6,5 тыс. м²). Она почти полностью раскопана (рис. 2). С напольной стороны

на естественном возвышении, гребне мыса, сохранился вал, высотой с внутренней стороны площадки около 2 м, шириной около 10 м.

За валом с напольной стороны в естественной балке находится ров, глубиной 3 м. Внешняя сторона вала очень крутая, внутренняя — пологая. Хотя вал, хорошо сохранившийся с напольной стороны, не заметен по остальному периметру городища, проведенные рекогносцировочные работы дают основание утверждать, что мыс со всех сторон был окружен валом. Восточное городище было укреплено также с южной стороны, где по склону проходил эскарп, на котором находился ров. Датировать эти укрепления затруднительно, так как городище многослойное.

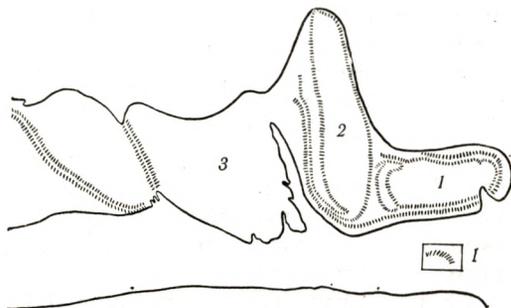

Рис. 1. Схематический план городища Монастырек:

1 — восточное городище; 2 — западное городище; 3 — селище. I — линии укреплений.

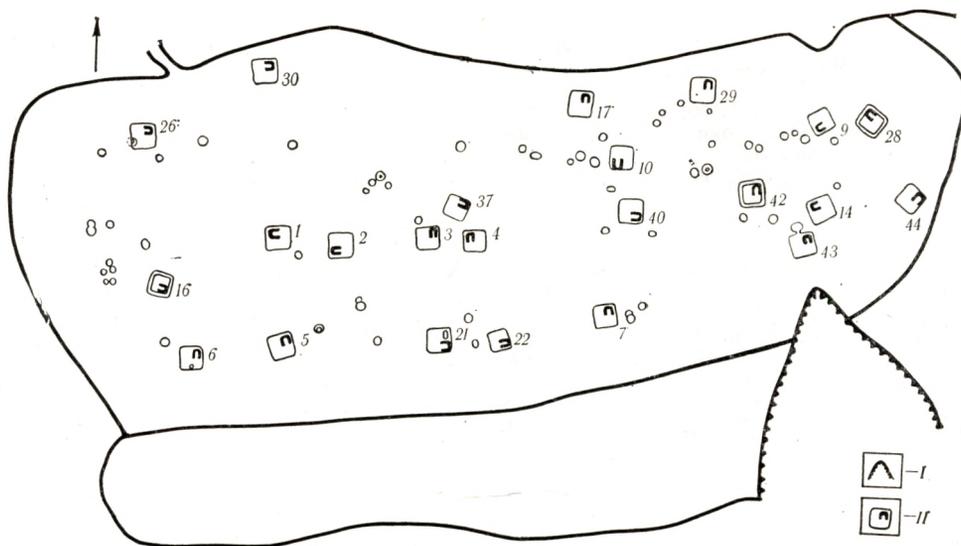

Рис. 2. План раскопок восточного городища (слой VIII—X вв.):

I — овраг; II — жилые постройки.

Однако представляется, что в VIII—X вв. оба мыса не были разделены валом и рвом, так как в этом не было необходимости. В это время обе площадки были заселены, тогда как в XII—XIII вв. жилые постройки находились только на восточной площадке, а на западной — располагался древнерусский могильник. Именно в XII—XIII вв. и был открыт ров между двумя мысами и возведен кольцевой вал по всему восточному мысу.

Работы, проведенные нами в 1983 г. на западном мысе, позволили положительно решить вопрос о наличии здесь искусственных укреплений в VIII—X вв. Мыс, размером 110×180 м, представляет собой вытянутую по оси север—юг площадку, круто обрывающуюся к Днепру северо-восточным краем и отделенную от Восточного городища глубоким рвом. Как показал поперечный разрез мыса, уровень залегания материка различен: в центре он находится на глубине 0,35—0,60 м, а у северо-восточного края достигает глубины 1,5—2,8 м, что свидетельствует о существенной перепланировке Западного городища (рис. 3).

На краю городища на глубине 0,8 м от современной поверхности встречены обуглившиеся плахи, по-видимому, остатки сгоревшего частокола (рис. 3).

Плахи лежали на белесой подсыпке, а также частично под ней. Возможно, эта подсыпка применялась для засыпки частокола. Вблизи плах обнаружены фрагменты керамики VIII—X вв. Современный склон в сторону Днепра имеет наклон около 42° . Как удалось проследить, такая крутизна была достигнута за счет подреза склона. В разрезе на склоне практически виден один слой — слабогумусированный чернозем, в котором встречаются кости животных и фрагменты лепной керамики эпохи меди — бронзы.

Вниз по склону на расстоянии 3 м от края городища наблюдалось резкое понижение материка. Таким образом выяснилось, что в древности мыс имел округлые очертания, характерные для днепровских холмов. Для увеличения крутизны склона и выравнивания жилой площадки часть земли с центра городища была перемещена на край и выравнена, а склон подрезан. Затем на выравненной и подсыпанной площадке по краю был сооружен частокол. С противоположной стороны Западного городища постепенно понижается, достигая перепада высоты между площадкой городища и его подножием примерно 10 м. В наше время городище подвергалось многолетней вспашке, в результате которой толщина пахотного слоя по кра-

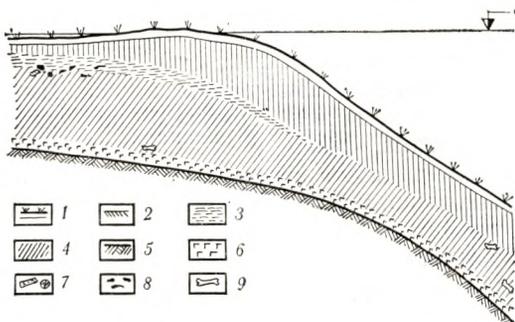

Рис. 3. Западное городище. Разрез восточного края городища:

1 — дерн; 2 — чернозем; 3 — подсыпка; 4 — чернозем — погребенная древняя поверхность; 5 — материк; 6 — предматериковый слой; 7 — горелое дерево; 8 — куски обожженной глины; 9 — кости животных.

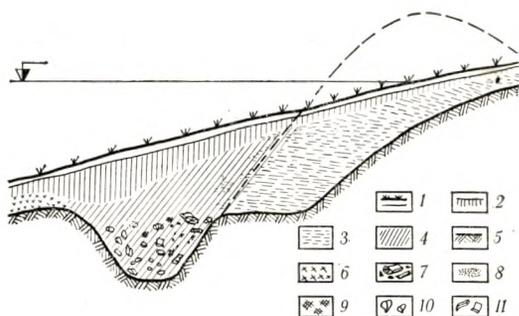

Рис. 4. Западное городище. Разрез рва и вала с напольной стороны:

1 — дерн; 2 — чернозем; 3 — засыпка вала; 4 — заполнение рва; 5 — материк; 6 — выброс лесса из рва; 7 — горелое дерево и угли; 8 — зольные пятна; 9 — куски обожженной глины; 10 — камни; 11 — фрагменты керамики.

ям постепенно увеличивалась и происходило оползание культурного слоя по напольному склону городища. В результате этого процесса вал с напольной стороны сейчас почти не заметен. Только в разрезе траншеи, пересекавшей напольный склон, удалось обнаружить ров и остатки вала (рис. 4).

Для сооружения этих укреплений в древности была осуществлена подрезка склона. На горизонтальной площадке шириной около 5 м был отрыт ров, шириной по верхней кромке 3,20—3,30 м, глубиной в центре 2,55 м, сразу за которым начинался вал. Основание вала опиралось на горизонтальную площадку (берму) шириной 1,6 м. Откос рва с внутренней стороны достигал крутизны около 50° и составлял вместе с валом препятствие в высоту более 4 м по сохранившимся данным. В действительности оно было на 2—3 м выше, учитывая высоту вала и частокола на нем.

Вал на современной поверхности полностью распахан, однако заполнение удалось проследить от его основания до современной поверхности благодаря разнице в цвете грунта и в плотности заполнения рва и вала. Грунт во рву составлял очень плотный слабогумусированный чернозем. Заполнение же вала состояло из гумуса с большим включением материкового лесса, по-видимому, выброса из рва. Этот слой менее плотный, чем во рву. Высота вала от основания до современной поверхности составляет 2,0 м (по вертикали). В заполнении рва, ближе к откосу со сторо-

ны вала, на глубине 1,55—2,0 м находились остатки обуглившихся плах, длиной до 0,8 м. Далее за этим скоплением вниз по склону тянулись включения древесного угля, камня, обломки славянской керамики VIII—X вв., часть из которой представлена фрагментами стенок с линейным орнаментом. Вблизи нижнего края рва скопление камней увеличивается. По завалу камней и горелых деревянных конструкций можно предположить, что вал имел частокол, а скос вала, обращенный в сторону рва, был укреплен камнями. Во время пожара вначале упали деревянные конструкции, а затем постепенно, в процессе естественного разрушения, сползли со склона и камни.

Характер заполнения рва дает основание считать, что гибель этих укреплений связана с пожаром, от которого пострадали и жилища VIII—X вв. Встреченная в заполнении рва керамика VIII—X вв. не вызывает сомнений в принадлежности этих укреплений славянскому населению городища.

За западным городищем находилось овальной формы селище, вытянутое по оси север—юг. Оно с двух сторон окружено глубоким оврагом, благодаря которому площадка имеет вид острова, соединяющегося с плато нешироким перешейком. В этом месте был сооружен вал, теперь почти полностью распаханный. Площадь селища около 3 га.

Всего на Монастырьке исследовано 30 жилых построек VIII—X вв.: 23 расположено на восточном городище, 6 —

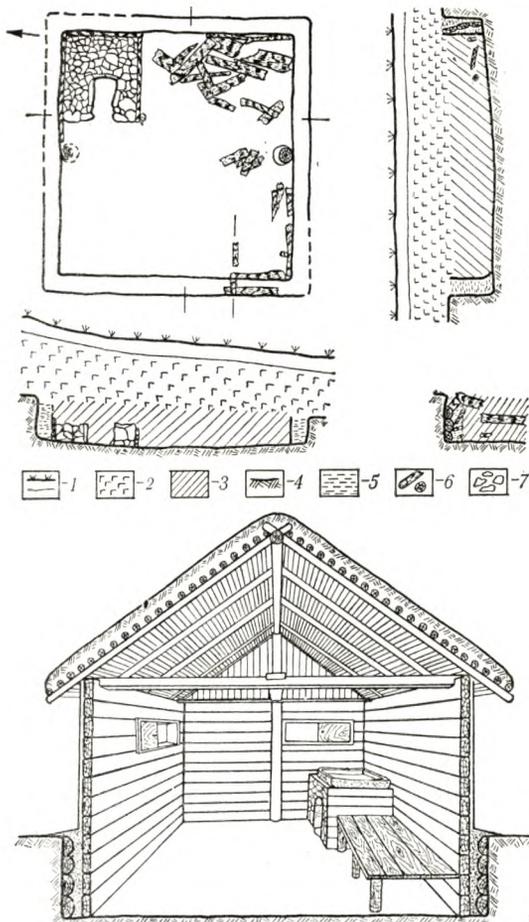

Рис. 5. План и реконструкция жилища № 26 по материалам городища Монастырек:

1 — дерн, 2 — культурный слой; 3 — гумус, заполненн е жилища; 4 — материк; 5 — лес; 6 — бревна; 7 — камни.

на западном и 1 — на селище. Жилища располагались как на детинце, так и за пределами укреплений, у подножья западного городища. По-видимому, первоначально были заселены восточный и западный мысы, а затем, с ростом населения, постепенно застраивались участки, примыкающие к городищу.

Все жилища представляли собой углубленные в материк постройки площадью от 10—12 до 14—16 м² с каркасно-столбовой или срубной конструкцией стен, с каменной или реже каменно-глиняной печью в одном из углов. Во многих из них прослежены остатки сгоревшей деревянной конструкции. Котлован облицовывался плахами, шириной 10—15 см; пространство между

деревянным каркасом и котлованом забивалось землей, чаще всего лесом, иногда с включением камней. Плахи прижимались столбами по углам котлована, реже и посередине стен. В жилище № 26 деревянный каркас, находившийся в углубленной части постройки, состоял из двойного ряда расколотых пополам бревен (рис. 5). Такая конструкция встречается впервые. Двойной ряд деревянной обшивки вполне оправдан, если постройка имела значительную высоту над поверхностью, так как при этом сооружение требовало более надежного основания.

В среднем четыре-пять полубревен находились в углубленной части постройки и, видимо, не менее шести-восьми снаружи. Наружная часть постройки, возможно, обмазывалась толстым слоем глины. Скопление глиняной обмазки от кровли и стен встречалось при разборке многих жилищ Монастырька. Они представляют собой завалы докрасна обожженной глины, сконцентрированные в углах и вдоль стен котлована. Крыша сверху также обмазывалась толстым слоем глины.

Имеются некоторые данные, характеризующие внутреннее устройство жилища. В жилище № 26 обнаружены остатки обуглившихся досок, размещавшихся между печкой и короткой стеной постройки. Ширина их 0,30 м, толщина 5—6 см. Здесь находился и деревянный настил — полати. Длина их около 2 м. В одном из углов стояла массивная печь. Чаще всего печь сооружалась прямо на полу или на невысокой подсыпке. Топка выкладывалась крупными камнями, поставленными на ребро; тыльная часть чаще всего сооружалась из мелкого песчаника, который скреплялся глиной или просто землей. Такая печь с внутренней части жилища обкладывалась деревом: обуглившиеся плахи, прижатые к стенкам печи, неоднократно фиксировались во время раскопок. Сверху на печи находились глиняная жаровня для подсушивания зерна, а также большой сосуд для его хранения. Кроме каенок, на городище бытовали вырезанные в углубленном глиняном массиве прямоугольные печи со сводом из вальков и хорошо обожженным глиняным подом.

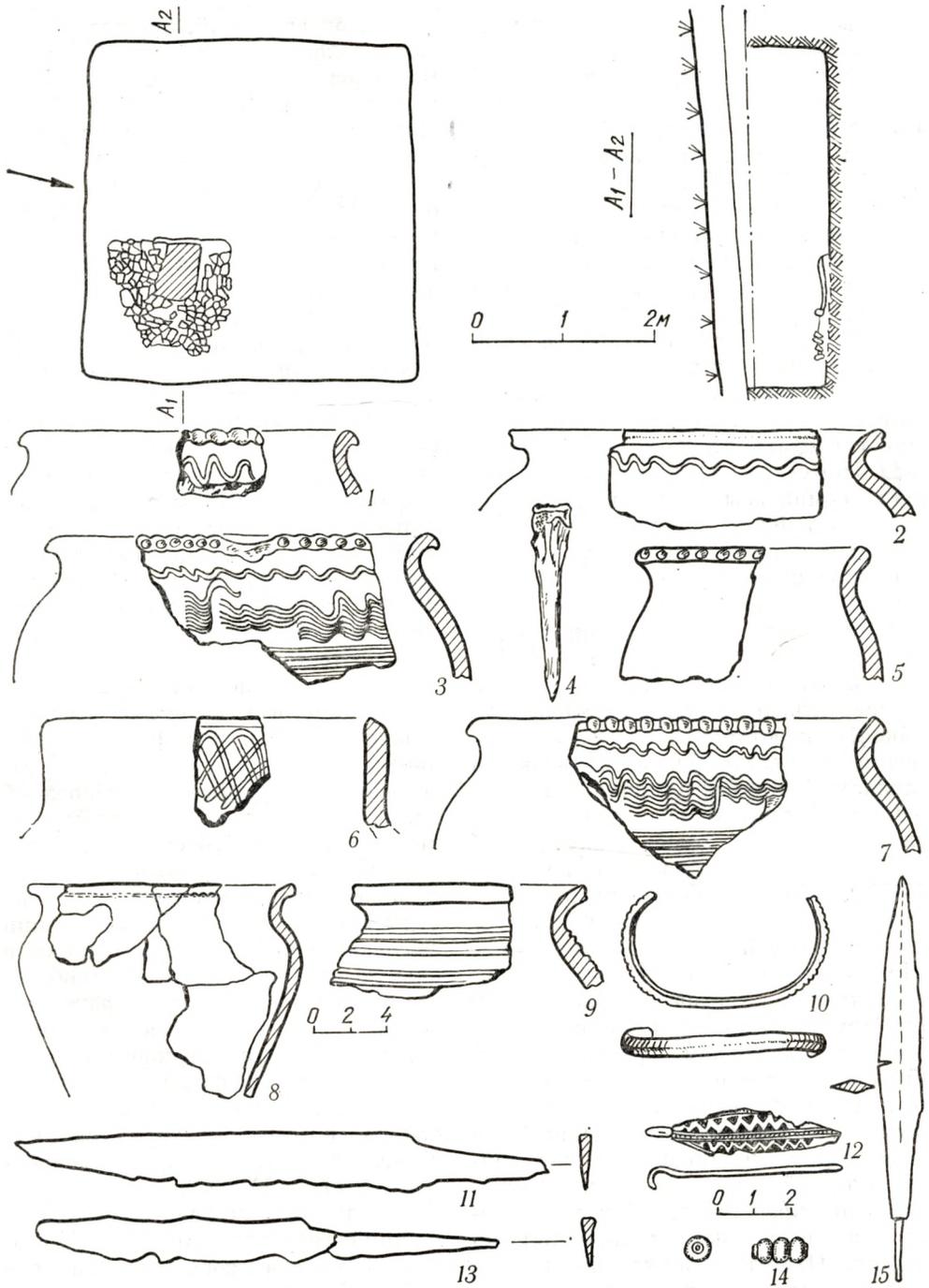

Рис. 6. Монастырек. План-разрез жилища № 1 (селища):

1—15 — находки из заполнения жилища

Топка в этих печах укреплялась камнями; сверху, как и в каменках, находилась глиняная жаровня, которая, скорее всего, была не съемной, а входила в конструкцию печи.

Чтобы решить вопрос о возможной дате возведения укреплений, необходимо обратиться к хронологии памятника. В целом по находкам вещей памятник датируется VIII—X вв., но материалы его позволяют выделить здесь два периода. Важным является выяснение нижней даты. В этом могут помочь находки монет в жилищах. Всего в них обнаружено три дирхема (741—742 гг., 761—762 гг., 814 г.). Жилища, в которых найдены монеты, не могли прекратить функционирование ранее второй половины VIII в. Именно это время и следует считать нижней датой памятника. Этому соответствуют и наиболее ранние комплексы. Так, жилище № 9, в котором найден дирхем 761—762 гг., содержало в заполнении исключительно лепную керамику, близкую по форме посуде из поселения Сахновка на Роси (поселение между горами Девица и Дегтярная), датируемое VII—VIII вв.² Это горшки с невысокой горловиной, слабо и среднеотклоненной шейкой, коротким средневыпуклым плечом, с насечками и пальцевыми вмятинами по краю венчика (рис. 6, 1—4, 8). Примечательно, что жилище было перекрыто ямой, заполненной шлаками и обломками круговой посуды IX—X вв. Следовательно, жизнь в жилище прекратилась в то время, как городище продолжало функционировать.

На Западном городище два славянских жилища частично перекрывали друг друга. Более ранняя постройка содержит в основном фрагменты лепной посуды и один фрагмент стенки примитивно-кругового горшка с волнистым орнаментом. В то же время в более позднем жилище наряду с лепной посудой представлены горшки с развитой профилировкой и характерным манжетовидным утолщением по венчику. Отметим также различие в печных сооружениях этих объектов. В позднем жилище находилась печка-каменка, в раннем — глиняная прямоугольная печь. Топка вырезана в плотном глиняном массиве и укреплена с

внутренней стороны камнями, свод сооружен из глиняных вальков, сверху которых находился глиняный противень. Под глиняный, хорошо обожжен. Печи такого типа характерны для памятников VII—IX вв. как Левобережья, так и Правобережья Среднего Поднепровья. Они бытовали в уже упомянутой Сахновке, Ходосовке, Кieve³.

По характеру заполнения к ранним относятся жилища № 4, 14, 16, 21, 22 и ямы № 70, 79. Все эти постройки не имеют следов пожара. В них преобладали лепные горшки. Круговая посуда представлена единичными экземплярами, а также фрагментами стенок таких же горшков, богато орнаментированных многорядной волной, выполненной гребенкой, и врезными линиями. Они принадлежат тонкостенным круговым сосудам, изготовленным из хорошо отмученной глины с тщательно заглаженной поверхностью. В глиняное тесто не примешивали шамот, что существенно отличает эту посуду от круговых горшков более поздних комплексов, где глиняная масса полностью повторяет тесто лепных сосудов.

По технике исполнения эта посуда близка круговой керамике салтово-маяцкой культуры, хотя форма у нее славянская. В культурном слое также встречается керамика подобного облика. В частности, на Восточном городище обнаружен обломок салтовского горшка (рис. 6, 7). Очевидно, распространение подобного типа круговой посуды в VIII—X вв. связано с влиянием салтово-маяцких древностей на материальную культуру славян Правобережья Среднего Поднепровья. Из датируемых вещей в этих комплексах найдены височное кольцо из медной проволоки с несомкнутыми концами и костяной гребень (рис. 6, 9—10). Такие височные кольца и гребни датируются VIII—X вв., но наиболее широко распространены в VIII—IX вв.⁴

Исходя из приведенных данных, нижний горизонт городища Монастырек можно датировать второй половиной VIII — серединой IX в.

Больше всего датируемых вещей связано с поздним горизонтом этого памятника, что вполне закономерно, если учесть то обстоятельство, что по-

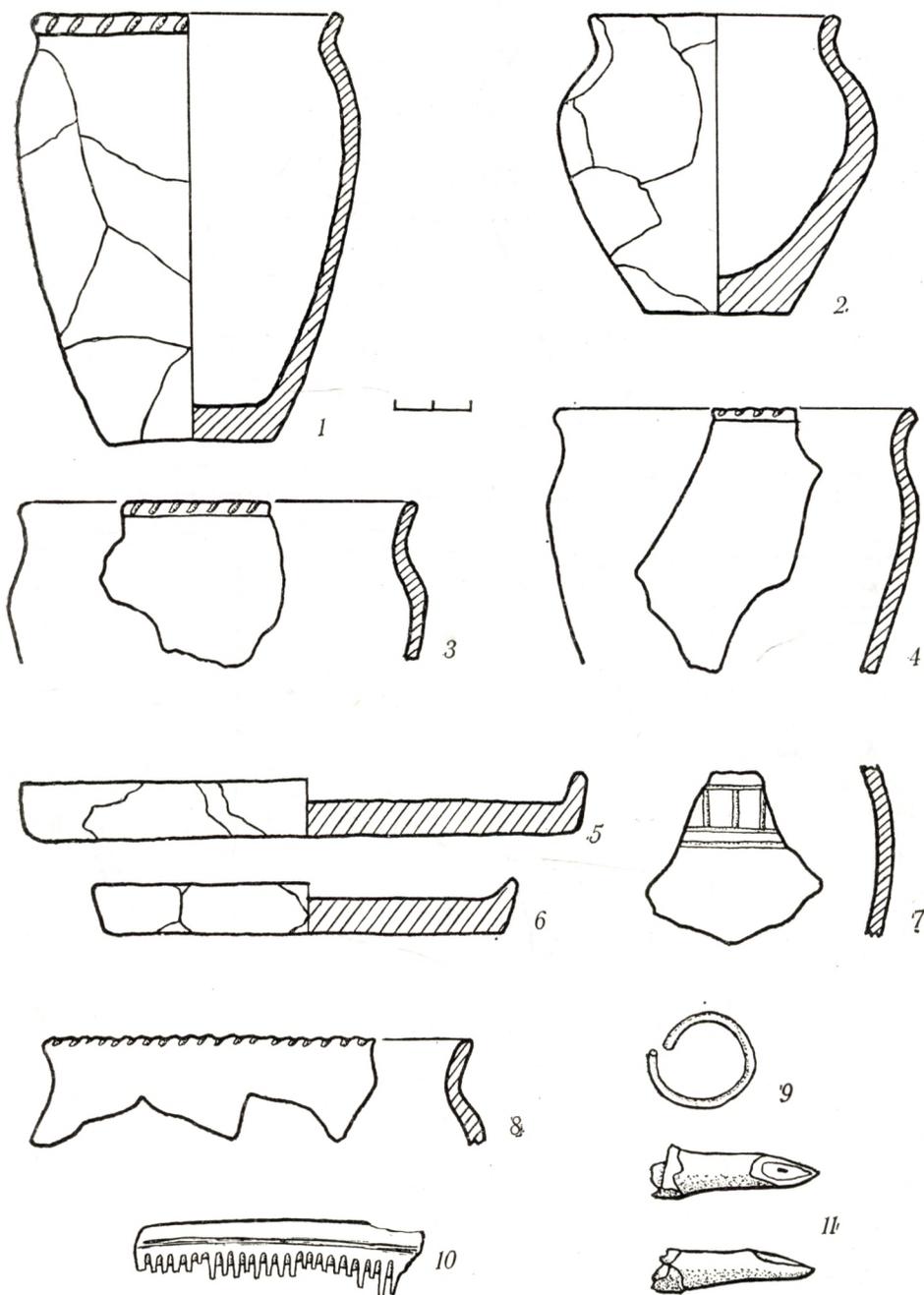

Рис. 7. Городище Монастырек. Керамика и другие находки из жилищ второй половины VIII — середины IX в.

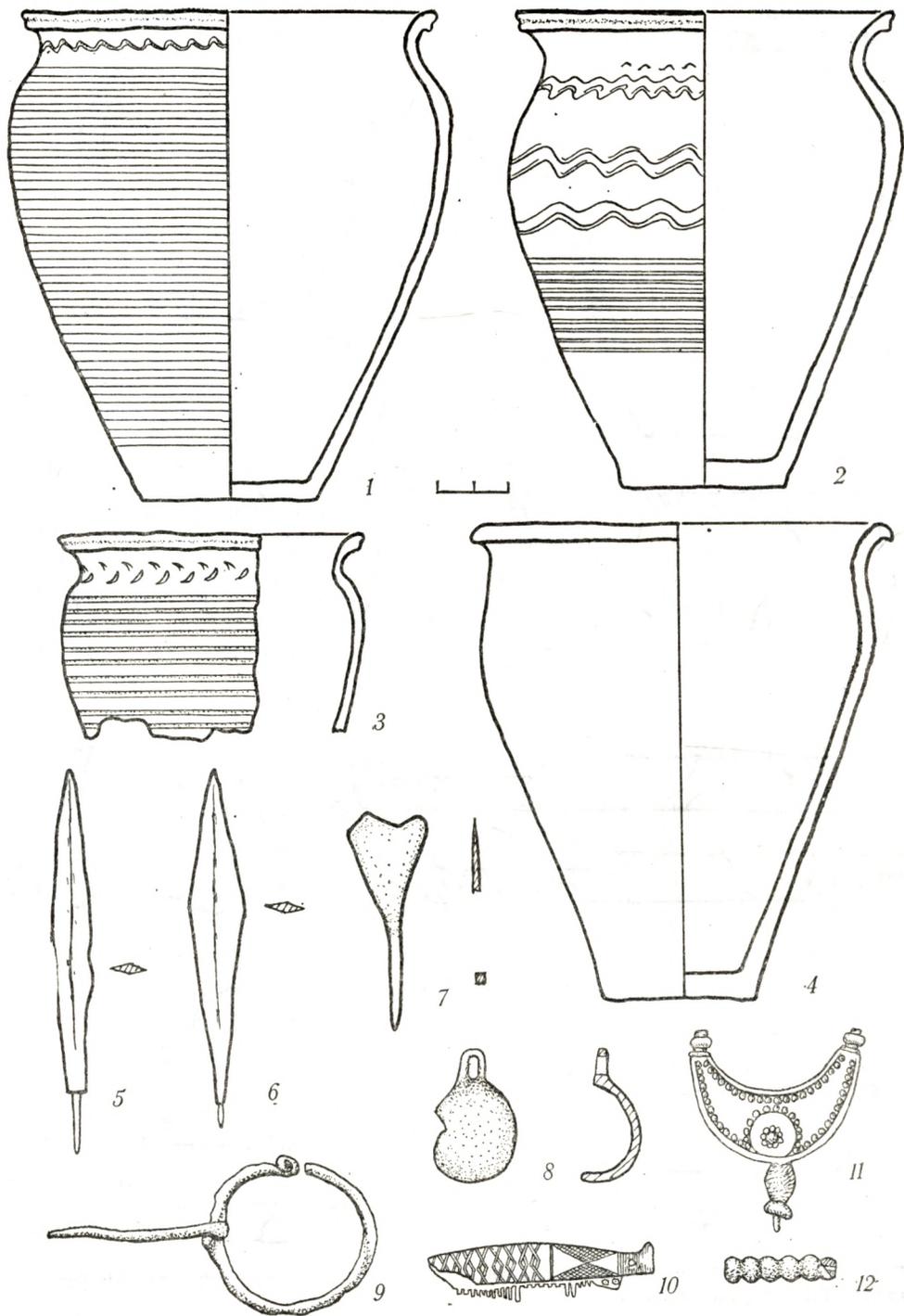

Рис. 8. Городище Монастырек. Керамика и датировочные вещи из жилищ IX—X вв.

селение погибло буквально в один день в результате какого-то нападения. Почти все постройки сгорели в огне, был сожжен также частокол и другие деревянные части укреплений.

В жилище № 2, где преобладала круговая посуда, найден дирхем 814 г., позволивший датировать весь комплекс не ранее второй четверти IX в. В жилище № 1 на селище вместе с лепной и круговой керамикой обнаружен дирхем 741—742 гг. В данном случае монета встречена с целой группой вещей, датированных VIII — началом XI в. Это браслет, стеклянные бусы — пронизки, фрагмент перстня, железный наконечник стрелы (рис. 7, 10—13). Некоторые из найденных предметов датируются более узко, в пределах IX — начала XI в., например, ланцетовидный наконечник стрелы⁵, X—XI вв. — фрагмент перстня⁶. Корреляция вещей этого комплекса показывает, что весь материал можно датировать X в.; по-видимому, эту дату следует считать временем гибели жилища.

В целом, в комплексах, относящихся к этому горизонту, встречается как лепная посуда, так и круговая. Из датированных вещей (рис. 7, 1—9; рис. 8, 1—4), кроме перечисленных, в них найдены: половинка бубенчиковидной подвески с прорезью вверху, подковообразная фибула, односторонний составной гребень с орнаментированной накладкой, бронзовые сережки луновидной формы с подвеской, одноцветные бусы из вытянутых стеклянных палочек, трехчастные пронизки (рис. 8, 8—12). Набор этих вещей характерен для слоя IX—X вв. Примечательно, что названные вещи встречаются, как правило, в памятниках IX—XI в. (Шестовицы, Киев, Гнездово). Подковообразные железные фибулы характерны для слоя X в. Новгорода⁷. Вместе с тем часть материала из этих комплексов относится к VIII—X вв. В частности, стеклянные бусы, встречающиеся в этих комплексах, бытовали в VIII—X вв.⁸

В жилище № 1 на селище, а также в хозяйственной яме № 87 обнаружено по одному фрагменту керамики с пролощенными линиями (рис. 7, б). Это, несомненно, привозная посуда, происходящая из районов волынцевской

культуры. Керамика с пролощенными линиями, как известно, бытовала на Пастырском городище, Волынцевском поселении, Ходосовке, отдельные ее экземпляры встречаются в Киеве. Она датируется VII—IX вв.

Принимая во внимание наличие в этих жилищах как лепной, так и круговой посуды (в процентном отношении они равны), дирхемов VIII—IX вв., а также остальных датированных вещей, верхний слой городища следует относить ко второй половине IX — середине X в. Возвращаясь к вопросу о дате возведения укреплений, отметим, что построение их было возможно лишь при большом количестве населения, которое можно было привлечь для их сооружения. Как показывает материал, расцвет поселения приходится на IX в. Именно к этому времени относится и преобладающая часть построек. Видимо, тогда и возводились укрепления.

Установление даты памятника вплотную подводит к вопросу о причине его гибели. Чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо рассмотреть историческую ситуацию, сложившуюся в Среднем Поднепровье в середине X в. На это время приходится формирование Древнерусского государства, заключавшееся в объединении всех славянских земель под власть киевского князя. Централизаторская политика киевских князей наталкивалась на сопротивление племенных княжений, стремившихся сохранить самостоятельность. Такая ситуация на Руси характерна для всего X в.⁹ Эти обстоятельства необходимо учитывать, выясняя причины гибели крупных населенных пунктов, к которым относится и рассматриваемый памятник.

Все же, как нам представляется, Монастырек погиб не от рук дружинников киевского князя. Ведь поселение находилось на южном пограничье Древнерусского государства и, несомненно, уже тогда занимало значительное место в оборонительной поднепровской линии. Уничтожить его, сжечь его до тла, так, чтобы жизнь в нем замерла на столетие, значило бы ослабить оборону южнорусского пограничья. Такие действия со стороны киевских князей представляются нелогичными.

В то же время имеется ряд свидетельств об активизации на рубеже IX—X вв. на территории южной части Восточной Европы кочевников — печенегов. К середине X в. печенеги занимали огромные степные пространства. Их продвижение по Степи и в Лесостепь отмечено гибелью многих поселений, замков и даже городов (на Таманском п-ове)¹⁰. Первое появление печенегов на Руси «Повесть временных лет» относит к 915 г., когда, натолкнувшись на сопротивление русской дружины, они заключили мир с Русью и откочевали к границам Болгарии и Венгрии¹¹.

Один из последующих эпизодов (968 г.) связан с осадой печенегами Киева¹². Исследователи не раз отмечали, что летопись отражает наиболее яркие и значительные эпизоды русско-печенежских столкновений. Несомненно, их было гораздо больше, особенно в X в. В результате активизации половцев южная граница Киевской Руси в конце X в. была перенесена в район Стугны, поближе к Киеву¹³.

Именно в ответ на деятельность печенегов Владимир Святославович в конце X в. «нача ставити города по Десне и по Устри, по Трубешеву, и по Суле, и по Стугне»¹⁴. Но это уже была следующая эпоха, связанная с укреплением и постепенным расширением территории молодого Древнерусского государства. Начиная со второй половины X в. набеги печенегов тяжелым бременем легли на плечи мирного населения Южнорусской Лесостепи, пожарища и гибель многих поселений — яркое тому свидетельство.

В археологических материалах имеются некоторые данные, подтверждающие изложенное выше. В жилище, расположенном за рвом и валом на Западном городище, с несомненными следами пожара, обнаружены наконечник стрелы — срезень тупоугольный (рис. 8, 7). Подобные наконечники, типичные для кочевников южных степей (печенегов, половцев и торков), найдены в Саркеле в слое IX—XI вв. На территории Южной Руси распространение таких наконечников стрел относится к IX—XIII вв. и связано с постоянными столкновениями с кочевниками¹⁵.

Городище Монастырек расположено

у брода, через который в XI—XIII вв. нередко переправлялись как русские, так и кочевники. Об этом имеются неоднократные упоминания в летописях, когда речь идет о Зарубе XI—XIII вв. Несомненно, этот брод функционировал и в VIII—X вв., когда здесь находился крупный населенный пункт. Печенежские орды для переправы на правый берег должны были проходить мимо Монастырька.

Археологический материал и полевые наблюдения позволяют достаточно полно восстановить картину нападения кочевников. Это произошло в конце лета или ранней осенью, когда урожай был собран, о чем свидетельствуют хозяйственные ямы-погребя, заполненные обуглившимся зерном, а также неоднократно зафиксированные остатки сот с частями обуглившихся пчел. Нападение произошло внезапно. Во многих жилищах в развалах печей найдены раздавленные сосуды с остатками обуглившейся пищи. По-видимому, враг подошел со стороны плато, так как городище с Днепра практически было неприступным. Жилище, исследованное на селище, было разрушено до основания (даже от печи-каменки осталось только небольшое количество камней на полу), а затем сожжено. При разборке этого объекта обнаружено сравнительно много вещей (дирхемы, украшения, бытовой инвентарь — см. рис. 7), свидетельствующих о том, что жители не успели вовремя уйти. О судьбе населения, оставшегося в живых, можно лишь догадываться. После разгрома оно уже не вернулось на прежнее место. Жизнь на городище возобновилась лишь в конце XI в., когда здесь вырос летописный Заруб.

К какому же типу поселений следует отнести рассматриваемый памятник, какова его экономическая база и социально-экономическая структура? Изучение остатков обуглившихся злаков из комплексов VIII—X вв. Монастырька дает полное представление о выращиваемых культурах, системе земледелия и технике обработки грунта¹⁶. Анализ фауны позволяет судить о характере животноводства¹⁷. Земледелие на Монастырьке выступает как высокоразвитая отрасль с широким ассортиментом

выращиваемых культур, состоящих из зерновых, бобовых и технических растений. В хозяйстве ведущее место принадлежало земледелию с преобладанием культивирования пшеницы-двузернянки (полбы) и животноводству, которое основное внимание уделяло разведению крупного и мелкого рогатого скота. Наряду с этим весомое место в хозяйстве принадлежало рыболовству, охоте, собирательству.

Археологические материалы позволяют также судить о достижениях в области добычи и обработки железа, гончарства, косторезного дела. Хотя на поселении горнов для выплавки железа не выявлено, однако неоднократно фиксируемые скопления металлургического шлака и обломки глиняных стенок сыродутных горнов свидетельствуют о существовании местного металлургического производства. Коллекция железных изделий из Монастырька состоит более чем из 50 предметов. Их технологическое исследование проведено В. Д. Гопаком¹⁸. Более 70 % предметов целиком отковано из кричного железа или низкосортной неравномерно науглероженной стали. Это простейшая схема: кузнечные операции при такой технологии ограничивались приемами свободнойковки. Наряду с кричным железом широко использовалась сталь и применялась технология цементации и наваривания лезвия. Такой уровень железообрабатывающего ремесла, несомненно, требовал значительной специализации.

Вместе с тем исследование технологических схем в кузнечной продукции VIII—X вв. свидетельствует об отсутствии стандартизации, что характерно для общинного кузнечного ремесла¹⁹.

Для характеристики изделий из цветных металлов мы располагаем данными химического состава изделий, представленных украшениями (браслет, перстень, серьги, височное кольцо, подвеска-бубенчик). Они изготовлены из сплавов меди, цинка и свинца — латунь, меди, олова и свинца — оловянистая бронза, меди, цинка, олова и свинца — многокомпонентный сплав. Основными легирующими материалами были олово, свинец, цинк. Как и при изготовлении продукции из черных металлов,

применялись различные технологические схемы. Обусловлен ли данный факт состоянием литейного ремесла этого времени или связан с ввозом некоторых изделий из других территорий, на современном этапе исследования сказать трудно.

Характерной чертой гончарства VIII—X вв. является сочетание лепной и изготовленной при помощи круга керамики. Массовое освоение навыков профилирования керамики на гончарном круге приходится на IX—X вв. В это время круг применялся для заглаживания (РФК-2), по А. А. Бобринскому, и профилирования (РФК-3, РФК-3₂) сосудов. Эти же функции круга использованы при изготовлении посуды на других памятниках Правобережного Поднепровья — Лука-Райковецкая, Каневское поселение, Киев²⁰. Для выяснения технологических особенностей изготовления керамики важным является способ конструирования полого тела. По визуальным наблюдениям в керамике Монастырька преобладает спиральный и спирально-зональный способы конструирования.

Проведенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы о характере гончарного ремесла. Примерно половиной всей керамики представлена лепными сосудами довольно грубой выработки. Они могли изготавливаться в каждом доме и обжигаться в обычных печах или на костре. Вместе с тем на Монастырьке среди кружалной посуды около 20 % экземпляров обладает признаками третьего этапа развития функций гончарного круга. Сосуды отличаются симметричной формой, тщательно выполненной орнаментацией, равномерным обжигом. Характерно, что большинство имеет утолщенный край в виде «манжетки». Не вызывает сомнений, что при изготовлении этой посуды при помощи круга профилировали емкость и венчик. Такая керамика должна была производиться уже специалистами — гончарами, существовавшими задолго до выделения гончарства как ремесла в экономическом смысле этого слова. Отметим, что такая керамика по форме и технологии довольно однотипна, что, очевидно, может свидетельствовать о концентрации изготовления этой

группы посуды в руках отдельных мастеров.

На поселении не обнаружено гончарных горнов, однако совершенно очевидно, что подобного типа посуда должна была обжигаться в специально сооруженных для этого печах, а не в каменках. Многие сосуды этой группы имеют столь значительные размеры, что они просто не поместились бы в топочной камере печи-каменки. В то же время в двух жилищах на городище, кроме печей-каменок в углу, обнаружено еще по одной печке с глиняным подом, устроенной по середине стены за пределами котлована. Диаметр глиняного пода — 1,5—1,7 м, характер свода не ясен. Возможно, это была ниша в лесе с обожженной внутренней поверхностью. Такие дополнительные печи могли иметь производственное назначение, в частности применяться для обжига керамики.

Нишеобразные печи встречаются и на других территориях, например на Добрыневском поселении в Северной Буковине и Рашкове на Днестре²¹. Исследователи связывают их с ремесленной деятельностью населения. Этому не противоречит и обнаруженный в постройках с нишеобразными печами материал. Так, в жилище № 4 на Западном городище, где было две печи, обнаружена в основном круглая посуда описанного выше типа, богато орнаментированная различными сочетаниями волн, врезных линий и штампа. Вблизи печи-каменки обнаружено скопление глиняной массы, не отличавшейся от глиняного теста горшков, что, несомненно, свидетельствует об изготовлении в этом жилище глиняной посуды.

По своей социальной организации ремесло Монастырька было общинным. Ремесленники работали для удовлетворения нужд прежде всего населения поселка. Продукция ремесленников достаточно проста, она не требовала редких дорогостоящих материалов. Это прежде всего орудия труда и предметы быта. Незначительный процент в изученной коллекции предметов из железа, изготовленных при помощи многослойной или же трудоемкой и непродуцательной цементации, что характер-

но для вотчинного ремесла²², также свидетельствует в пользу общинного характера ремесла на рассматриваемом памятнике.

Несмотря на общинный характер ремесленной деятельности, торговые связи населения поселка были достаточно широкие. Археологические материалы свидетельствуют о контактах со странами Востока — Хазарией, Болгарией, Средней Азией, Ираном, а также западными государствами — Моравией. Такие разносторонние и далекие торговые пути объясняются, по-видимому, тем, что Монастырек находился на днепровском торговом пути, который активно функционировал в это время, что подтверждается находками восточных монет и сирийского стекла.

Естественно возникает вопрос, кто же занимался торговлей, были ли это иностранные купцы или славяне? Исследователи отмечают, что на Руси в IX—X вв. появилось сословие купцов, занимавшихся исключительно обменом товаров²³. Механизм торговых отношений такого населенного пункта, как Монастырек, можно предположительно реконструировать. По водному пути купцы достигали поселка в определенное, известное местному населению время. Скорее всего, это была осень или конец лета, когда собран урожай, закончен сбор меда, накоплен запас меха и воска. Одним словом, приобретен товар, взамен которого можно было получить предметы, изготавливаемые в городах. Разумеется, подобный характер отношений требовал излишка тех продуктов, в которых был заинтересован внешний рынок. Такой крупный населенный пункт, каким был Монастырек в VIII—X вв., при благоприятных условиях мог накапливать определенное количество излишков в виде сельскохозяйственных продуктов промыслов. Хотя последние являлись побочными занятиями древнерусского населения, они тем не менее играли важную роль в экономике Руси. Как отмечает В. А. Мальм, такие продукты промыслов, как мех, воск и мед, являлись важными статьями русского вывоза в доордынский период²⁴.

Наиболее сложно воссоздать общественный строй населения изучаемого

поселка, так как исследование генезиса и структуры феодального общества, особенно его раннего периода, остается до сих пор актуальной научной задачей. В общем плане историками воссоздана картина общественного строя Руси VIII—X вв. На это время приходится интенсивное разложение родового строя и завершение формирования соседской общины, выражением которой явились крупные поселки, где происходил выдел парцелл из распадающихся родовых и большесемейных коллективов²⁵.

По-видимому, исследуемый нами памятник представлял собой одну из таких крестьянских общин с индивидуальным землевладением. Каждая отдельно взятая семья владела собственным наделом, который обрабатывала индивидуальными орудиями труда. Небольшая площадь домов, хозяйственный инвентарь, находимый в них, отсутствие заметных следов производства, небольшие запасы продовольствия в ямах-погребках подтверждают сказанное. Значительная, в несколько гектаров, площадь поселка с параллельным расположением домов с хозяйственными постройками также свидетельствует о распаде хозяйственных связей больших семей и об образовании соседской общины — элемента классового общества.

Археологический материал и, прежде всего, характер построек, а также найденный в них инвентарь не несут следов выраженной имущественной дифференциации. Но о начале этого процесса свидетельствуют находки серебряных предметов и изделий из цветного металла. При этом следует иметь в виду, что мы располагаем лишь незначительной частью инвентаря и предметов роскоши, которыми в действительности пользовалось население, так как большая их часть была уничтожена или унесена грабителями.

К какому же типу поселений следует отнести рассматриваемый памятник? Монастырек относится к числу крупнейших поселений VIII—X вв., к таким, как городища Титчиха на Дону, Червоная Диброва на Днестре, Ревное на Пруте. Общая площадь этих поселений 5—10 га. Население занималось

земледелием и ремеслами, а также торговлей, о чем свидетельствуют привозные вещи, монеты, денежные клады. Исследователи видят в этих памятниках племенные центры малых племен, входивших в один из крупных восточнославянских племенных союзов²⁶, или рассматривают их как общинные центры²⁷. К последней категории, по-видимому, следует отнести и Монастырек.

¹ Максимов Г. В., Петрашенко В. О. Городище Монастырек VIII—XIII ст. на Середньому Дніпрі.— Археологія, 1980, 33, с. 3—18.

² Приходнюк О. М. Ранньосередньовічне слов'янське поселення на р. Рось.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 101—119.

³ Орлов Р. С. Розвідки ранньослов'янських пам'яток волинцького типу поблизу Києва.— Археологія, 1972, 5, с. 96—106; Сухобок О. В. До питання про пам'ятки волинцького типу.— Там же, 1977, 21, с. 50—67; Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва.— К., 1970, с. 49.

⁴ Ляпушкин И. И. Городище Новотроїцьке.— МИА, 1958, № 74, с. 31; Давидан О. И. Гребни Старой Ладogi.— АСГЭ, 1962, вып. 4, с. 98.

⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие VIII—XIV вв.— САИ, 1966, вып. Е1—36, с. 73, рис. 30, 59.

⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы.— ИАК, 1905, вып. 17, с. 69.

⁷ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 111, рис. 96, 1—3.

⁸ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi.— АСГЭ, 1968, вып. 10, с. 82—84.

⁹ Брайчевский М. Ю. Походження Русі.— К., 1968, с. 18.

¹⁰ Плетнева С. А. Исчезнувшие народы: Печенеги.— Природа, 1983, № 7, с. 27.

¹¹ ПВЛ, ч. 1, с. 31.

¹² Там же, с. 47.

¹³ Толочко П. П. Киевская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 13.

¹⁴ ПВЛ, ч. 1, с. 83.

¹⁵ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65, с. 166.

¹⁶ Пашкевич Г. О., Петрашенко В. О. Землеробство і тваринництво в Середньому Подніпр'ї в VIII—X ст.— Археологія, 1982, 41, с. 46—62.

¹⁷ Белан Н. Г. Фауна городища Монастырек на Среднем Днепре.— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978, с. 98.

¹⁸ Голак В. Д. Залізни виробы VIII—X ст. з городища Монастырек на Середньому Дніпрі.— Археологія, 1982, 39, с. 100—107.

¹⁹ Вознесенская Г. А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII—X вв.— СА, 1979, № 2, с. 76.

²⁰ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы.— М., 1978, с. 192.

²¹ Тимощук Б. О. Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.— К., 1976, с. 118; Баран В. Д. Раскопки славянского поселения у села Рашков на Днестре.— АО 1970 г. М., 1971, с. 291—292.

²² Толочко П. П. Вопросы развития и социальной организации киевского ремесла.— В кн.: Новое в археологии Киева. Киев, 1981, с. 350—351.

²³ Толочко П. П. Торговые связи Киева VIII—X вв.— Там же, с. 365.

²⁴ Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1956, с. 129—138 (Тр. Гос. ист. музея; Вып. 32).

²⁵ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 255—256.

²⁶ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.— В кн.: Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Воронеж, 1983, с. 39.

²⁷ Тимощук Б. О. Указ. соч., с. 118.

О. В. Пархоменко

ПОСЕЛЕНИЕ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. ЖОВТНЕВОЕ

В середине 50-х годов, в связи со строительством Оскольского водохранилища (бассейн р. Северский Донец), было проведено обследование и изучение археологических памятников по р. Оскол, входящих в зону затопления. В результате разведок Д. Я. Телегина¹ и П. Д. Либерова² открыто большое количество памятников различных эпох, в том числе около 40 салтовских поселений.

В составе Оскольской экспедиции Института археологии АН УССР в 1956—1957 гг. Д. Т. Березовцом был организован средневековый отряд, в задачи которого входило исследование поселения салтово-маяцкой культуры у с. Жовтневое, разведочные работы на могильниках у сел Шейковка и Рубцы³. Предварительные результаты работ отряда опубликованы Д. Т. Березовцом⁴.

Поселение Жовтневое находится на левом берегу р. Оскол, на территории современного с. Жовтневое Боровского района Харьковской области. Оно занимает пологие склоны большого останца второй террасы, возвышающейся над поймой на 6,5—7,5 м. Площадь поселения шириной около 0,3 км вытянута с восточного мыса останца по его склонам к западу до 2 км.

В связи с тем что территория поселения занята сельскими усадьбами, при исследовании памятника был применен метод разведочных траншей, закладывавшихся на свободных участках. В основном исследования проводились в восточной части поселения, где вскрыты около 1000 м², на остальной территории проведен поверхностный осмотр,

собран подъемный материал и заложено несколько шурфов. На всех участках культурный слой составлял около 0,6 м, наибольшее количество находок сосредоточивалось на глубине 0,25—0,35 м, что, видимо, соответствовало уровню древнего горизонта.

В процессе проведенных работ исследовано девять полуземляночных жилищ, одна полуземляночная постройка производственного назначения, частично изучен гончарный горн и десять хозяйственных ям.

Жилища, изученные на поселении Жовтневое, представлены полуземлянками, которые по особенностям конструкции стен и перекрытия можно разделить на две группы: двухстолбные и бесстолбные⁵. К двухстолбным жилищам относятся постройки № 1, 2, 4—6, 9 и, возможно, остатки постройки № 3 (рис. 1, 1—6). Эти жилища представляют собой углубленные в землю на 0,8—1,2 м прямоугольные в плане помещения площадью 9—14 м². Возле коротких сторон находились столбовые ямки (в жилищах № 2 и 6 ямки обнаружены у одной из стен, противоположные — в ходе раскопок не выявлены). Ориентированы жилища углами по странам света (№ 1, 5, 9) или длинными сторонами по линии восток—запад (№ 4, 6), жилище № 2 ориентировано юго-восток — восток — северо-запад — запад, печь сооружали в одном из углов, чаще в северной части помещения (№ 2, 4, 6, 9).

Столбовые ямки расположены у середины стен и представляют собой углубления от крупных (диаметром до 0,5 м) столбов, расколотых пополам и

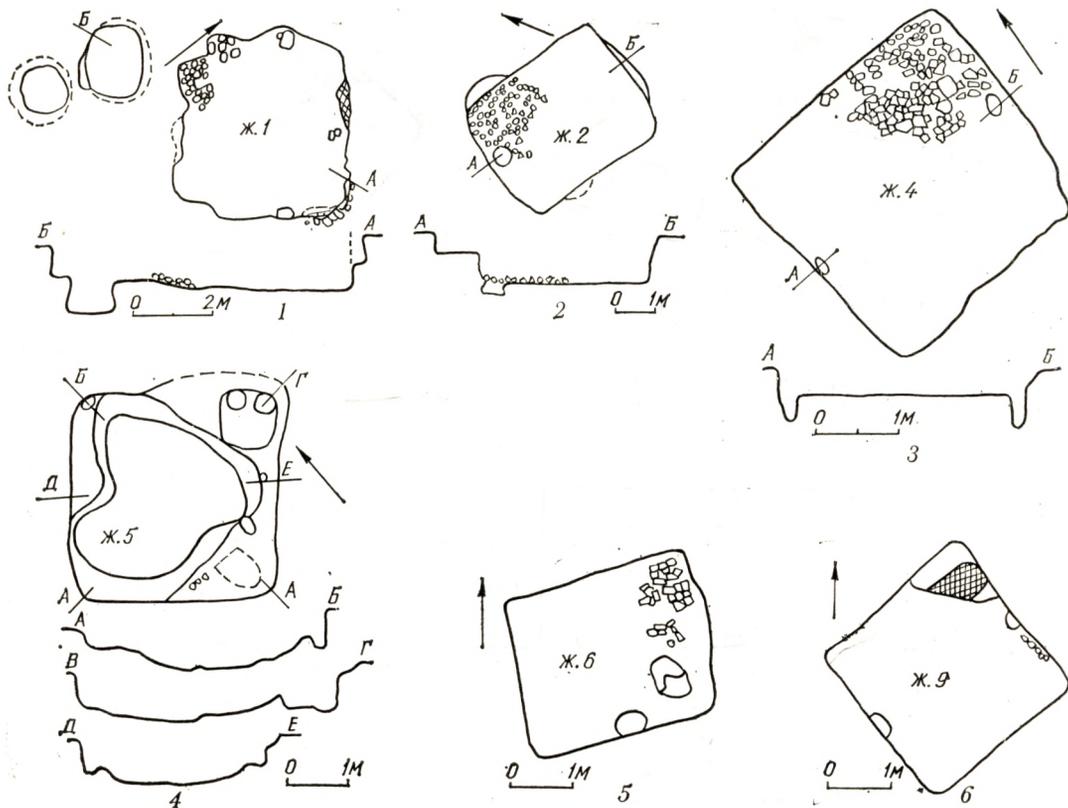

Рис. 1. Планы жилищ, исследованных на поселении Жовтневое.

вбитых в пол плоской стороной к стене на глубину до 0,4 м. Возможно, столбы не только поддерживали конек крыши, но и служили для крепления обшивки стен. В жилище № 5, кроме боковых, прослежены угловые столбовые ямки.

Интересны некоторые конструктивные особенности внутреннего устройства жилища. Так, в жилище № 2 в юго-западной стенке находилась небольшая ниша-подбой, служившая, видимо, для хранения продуктов. Подбой вдоль стен салтовских жилищ встречается довольно редко, аналогии известны только на Дмитриевском городище⁶. Кроме того, в жилище № 5 у северо-западной стены сохранился небольшой выступ — остатки земляной лежанки.

Пол жилищ представлял собой материковую глину, покрытую слоем (3—7 см) угольно-пепельной земли с вкраплениями мелких угольков, костей рыб и животных.

Данные, полученные при исследовании двухстолбных жилищ на поселении Жовтневое, дают общее представление об их конструкции. Можно предположить, что крыша была двухскатной, опиралась на конек, поддерживаемый столбами, и на стены. В конструкцию последних, кроме дерева, входила также глина — остатки ее найдены при расчистке жилища № 1, где глиняные прослойки толщиной 0,03—0,25 м прослеживались не только в заполнении жилища, но и за его пределами. Жилища двухстолбной конструкции широко распространены на памятниках салтовской культуры, известны в Саркеле, на Карнауховском поселении, в Верхнем Салтове, на Среднем Донце⁷.

Бесстолбные жилища-полуземлянки (№ 7, 8) (рис. 2, 1), прямоугольные в плане, имели небольшую площадь — 9—13 м², углублены на 0,8—0,9 м,

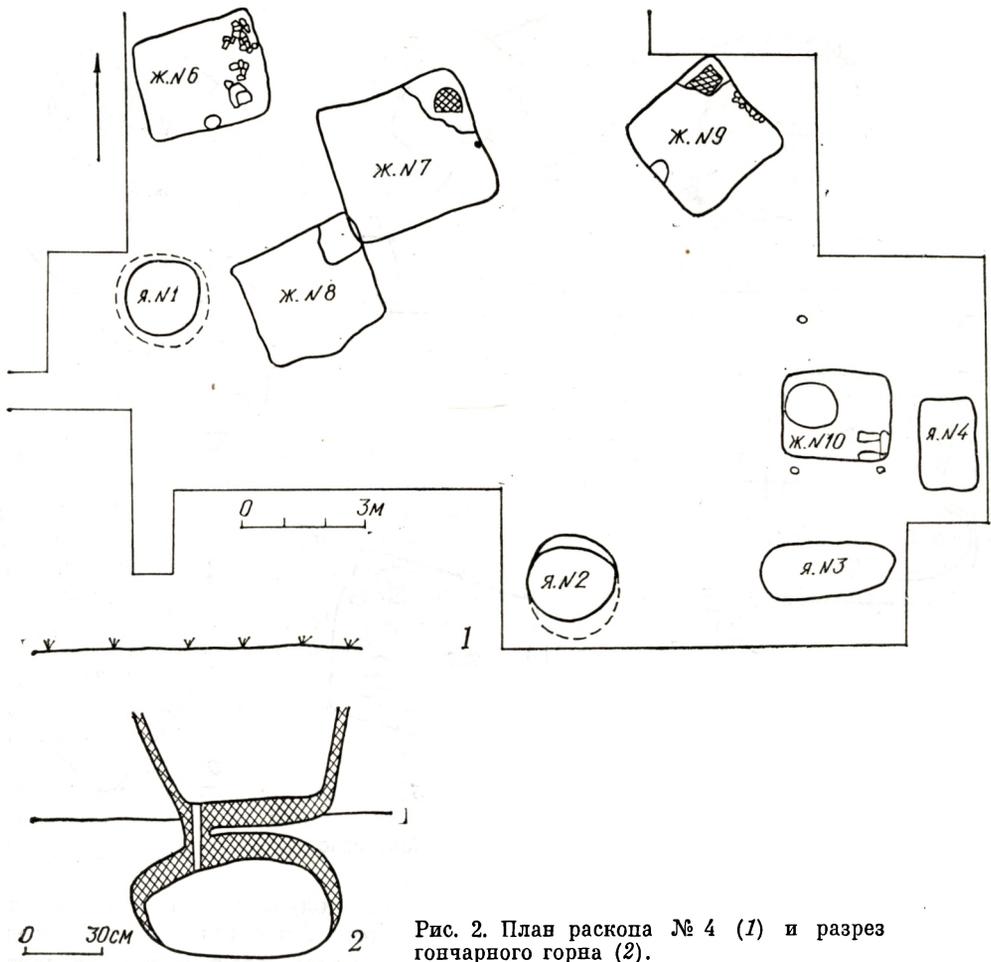

Рис. 2. План раскопа № 4 (1) и разрез говчарного горна (2).

ориентированы почти правильно по странам света. Печь-каменка размещалась в северо-восточном углу, пол жилищ глиняный, ровный. Стены бесстолбных жилищ были, по-видимому, глинобитные, сложены из вальков или самана, без деревянного каркаса. Исходя из того что печи двумя стенами вплотную прилегали к стенам жилища, можно предположить, что углубленная часть стен имела очень легкую обшивку. О высоте стен можно судить лишь предположительно, видимо, они не возвышались над уровнем земли выше, чем на 1,0—1,5 м.

Несколько бесстолбных жилищ исследовано в Саркеле⁸. В отличие от жилищ Жовтневого они обогревались очагами. Лишь в одном из жилищ была исследована глинобитная печь, распо-

ложенная аналогично жовтневским в северо-восточном углу. Кроме того, в заполнении саркелских жилищ найдены остатки дерева. По предположению С. А. Плетневой, данный вид построек являлся наиболее совершенным по технике деревянных сооружений — срубными⁹.

В жилищах обеих групп исследованы печи-каменки (кроме жилища № 5, где находилась глинобитная печь). Печи сложены из небольших кусков известняка или песчаника насухо. Под прямоугольной формы находился на уровне пола или на возвышении (жилище № 7). В жилище № 2 стенки печи плотно прилегали к северо-восточной и северо-западной стенам жилища. Под прямоугольной формы представлял собой 1,5 см слой глиняной обмазки

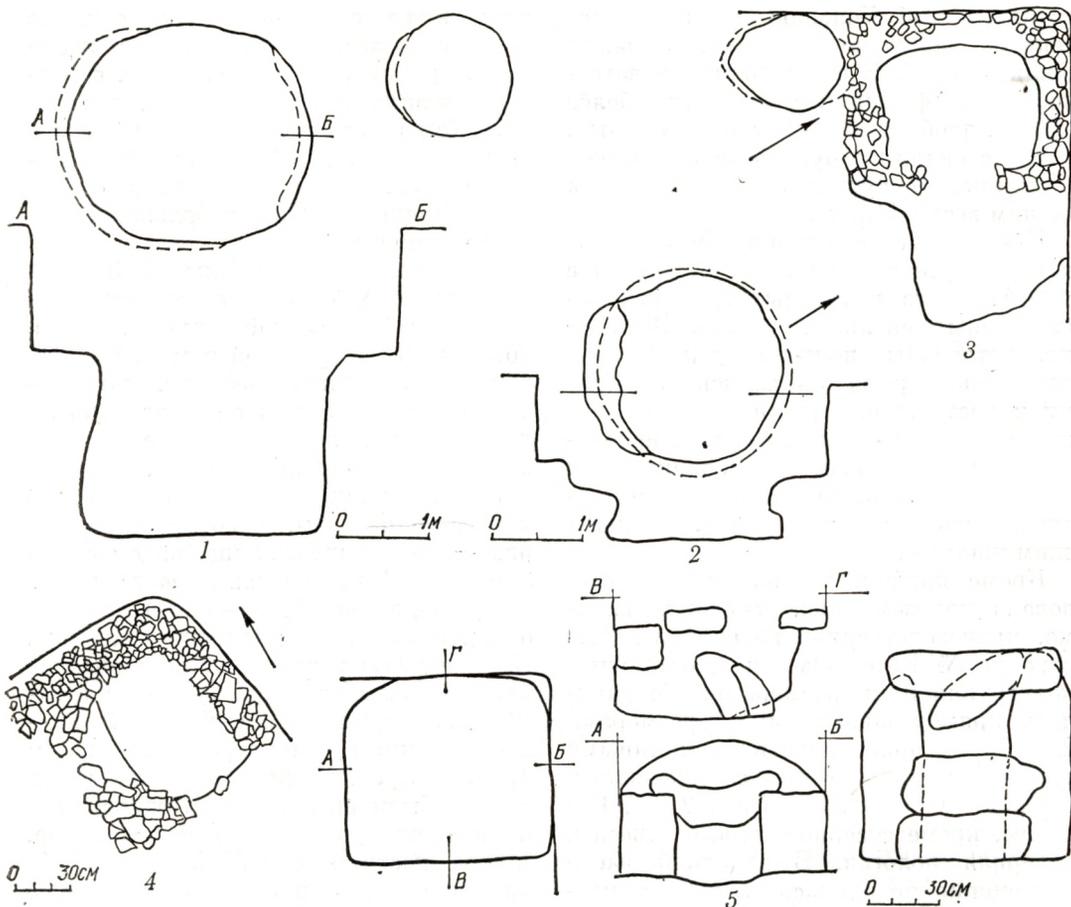

Рис. 3. Планы хозяйственных ям и печей:

1 — ямы № 1, 2 (раскоп 1); 2 — яма № 5 (раскоп 1); 3 — печь жилища № 2; 4 — печь жилища № 4; 5 — печь жилища № 8.

(рис. 3, 3). В жилище № 4 стенки печи сохранились на высоту 0,25—0,40 м, внешние размеры печи — 1,14×0,95 м (рис. 3, 4).

Об устройстве и размерах печей-каменок можно судить по хорошо сохранившейся печи из жилища № 8. Она находилась в северо-восточном углу и обращена устьем к югу (рис. 3, 5). Боковыми стенками печи служили две большие плиты (0,25×0,35×0,70 м), вытесанные из известняка и поставленные на ребро. Тыльной стороной печи служила такая же плита, поставленная с некоторым наклоном вовнутрь печи. Плиты были перекрыты плоскими камнями несколько меньшей толщины. Внутренние размеры печи: 0,35×0,40×0,50 м. Поверх плит перекрытия сло-

жены горкой небольшие камни, по-видимому, для лучшего сохранения тепла. Щели между плитами каменного ящика заложены мелкими камнями.

В жилище № 5 исследована глинобитная печь. Она сооружена в южном углу на глинобитном останце высотой 0,35—0,40 м над уровнем пола. Сохранились боковые стенки на высоту до 0,1 м и прямоугольный с закругленными углами под размерами 0,70×0,40 м. По месторасположению печей — в углу жилища — полуземлянки, исследованные в Жовтневом, относятся ко второму типу (по типологии жилищ С. А. Плетневой)¹⁰

В заполнении большинства жилищ найдено небольшое количество находок: фрагменты керамики, кости жи-

вотных и рыб. Большое количество материала получено при исследовании жилища № 7. В его заполнении встречено 1128 фрагментов керамики, более 400 раздробленных костей животных, синяя стеклянная бусина, керамическое пряслице, 37 кусков железного шлака общим весом 14,3 кг.

При расчистке жилища № 5 также найдено большое количество обломков керамики; на различных глубинах обнаружены пепельные линзы. Возможно, котлованы полуземлянок № 5, 7 длительное время оставались открытыми и постепенно заполнялись различными бытовыми отходами, т. е. использовались жителями поселения для сброса мусора. Ямы других жилищ затягивались постепенно слоем, окружавшим жилище.

Кроме жилищ, на поселении исследована полуземлянка, имевшая, видимо, производственное назначение. Постройка № 10 отличается от остальных конструкцией и размерами. Сохранилась прямоугольная яма, размерами 2,2×2,8 м, ориентированная длинными сторонами по линии восток—запад, глубиной 0,20—0,25 м (рис. 2, 1). Все стены, кроме северной, строго отвесны, северная пологая. В западной части помещения находилась круглая в плане яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,4 м. В разрезе яма имела воронкообразную форму с диаметрами дна 0,9×1,0 м.

В юго-восточном углу размещалась печь-каменка размерами 0,8×0,9 м. Полностью сохранились ее боковые и тыльная стенки.

За пределами помещения на защищенной поверхности четко прослеживались четыре ямки от столбов, располагавшихся попарно с северной и южной сторон полуземлянки, параллельно стенам (рис. 2, 1). Яма постройки № 10 была заполнена темной почвой с небольшим количеством культурных остатков. В непосредственной близости от постройки обнаружено две хозяйственные ямы. Одна из них — прямоугольная, размерами 1,2×2,0 м и глубиной 0,85 м, находилась с восточной стороны полуземлянки. В заполнении ее встречено небольшое количество культурных остатков. Однако на дне

ямы, в ее северной части, открыто 34,6 кг железного шлака. Два куска имели форму усеченного конуса, сохранив, видимо, контуры формы, в которую были отлиты. В 1,8 м южнее постройки находилась вторая яма размерами 3,2×1,5 м, глубиной 0,7 м. В заполнении имелось небольшое количество керамики.

Возможно, полуземлянка № 10 имела производственное назначение, связанное с обработкой железа. Ямки, обнаруженные с южной и северной сторон полуземлянки, очевидно, сохранились от опорных столбов, поддерживавших навесы, которые также входили в производственный комплекс.

На поселении исследовано восемь хозяйственных ям, некоторые из них находились возле жилищ (рядом с жилищем № 1 исследовано две пары ям, возле жилища № 8 — одна), другие обнаружены в разведочных траншеях. Ямы круглые в плане, цилиндрические или колоколовидные в разрезе с верхним диаметром 1—2 м, глубиной 0,9—2,10, нижним диаметром 1,6—2,3 м (рис. 3, 1, 2). Стенки в нижней части иногда были обожжены. В заполнении ям найдены фрагменты керамики, зола, мелкие кости. В яме № 2 (раскоп II) на дне обнаружен слой пережженного проса толщиной 5—8 см. Хозяйственные ямы, возможно, имели перекрытия в виде навесов или шалашей.

На основании проведенных на поселении работ можно предположительно восстановить его планировку. В нижней части берегового склона жилища размещались на значительном расстоянии друг от друга. Несколько выше по склону они образовывали группы из трех — пяти расположенных рядом жилищ. На этих же жилых массивах или вблизи от них располагались какие-то производственные помещения типа постройки № 10. Возможно, и гончарный горн, частично исследованный на одной из усадеб села, также входил в такой комплекс. К сожалению, проследить это не было возможности.

Д. Т. Березовцом зафиксированы остатки горна, разрушенного погребом. В разрезе были видны две полусферы из обожженной глины, обращенные друг к другу своими выпуклыми сторо-

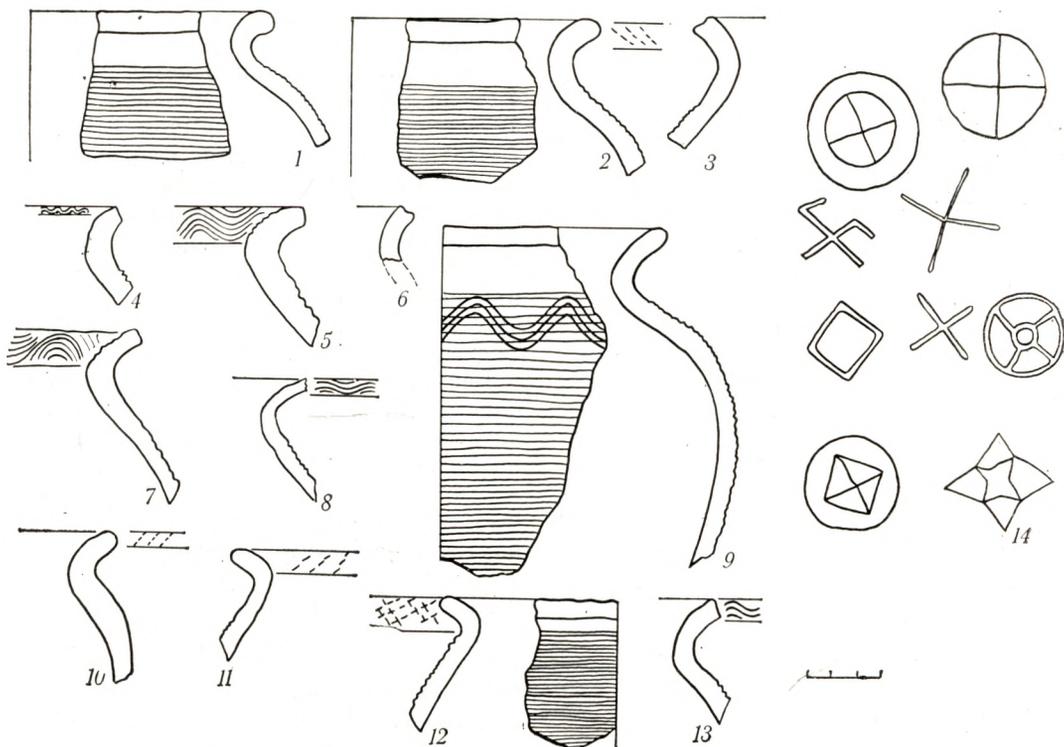

Рис. 4. Кухонная керамика:

1—13 — фрагменты горшков; 14 — типы клейм.

нами (рис. 2, 2). Нижняя сфера являлась топочной частью печи (ширина 0,8 м, высота 0,4 м), у нее был сильно прожжен свод (примерно на 0,2 м) и немного меньше дно. Верхняя часть печи, отстоявшая от свода топки на 0,2—0,3 м, была выкопана в подпочве и частично в черноземе. Стенки верхней части обожжены гораздо слабее, на толщину около 0,03—0,05 м.

Обе части — топочная и камера — соединялись пробитыми или просверленными в материковой глине отверстиями-каналами, диаметром 5—6 см, стенки которых были прожжены на 0,1—0,12 м. Располагались каналы на расстоянии 6—8 см друг от друга. Над обжигательной камерой возводился, вероятно, глиняный купол. Сохранившаяся часть камеры имела расширяющиеся вверх стенки, обмазанные глиной. Основание топки печи находилось на глубине 1,5 см от современной поверхности. Возможно, горн, частично исследованный на поселении Жовтневоє, аналогичен другим горнам салтово-ма-

яцкой культуры, известным на поселении у ст. Суворовской¹¹ или на Среднем Донце¹², и имел такое же устройство.

При исследовании жилищ и других объектов получен значительный вещевой материал, основную массу которого составляет керамика.

Преобладающая часть керамики поселения — гончарная. Лепных фрагментов за два года раскопок встречено очень мало, в основном это горшки с небольшим отогнутым венчиком и слегка округлым корпусом, некоторые венчики имеют пальцевые защипы по краю.

По своему назначению гончарная керамика делится на несколько групп: кухонную, столовую лощеную и тарную¹³.

Для керамики первой группы — горшков серого или бурого цвета — характерна хорошая технология изготовления. Они сделаны из тщательно вымешанной глины с большой примесью шамота или песка. Форма кухонных

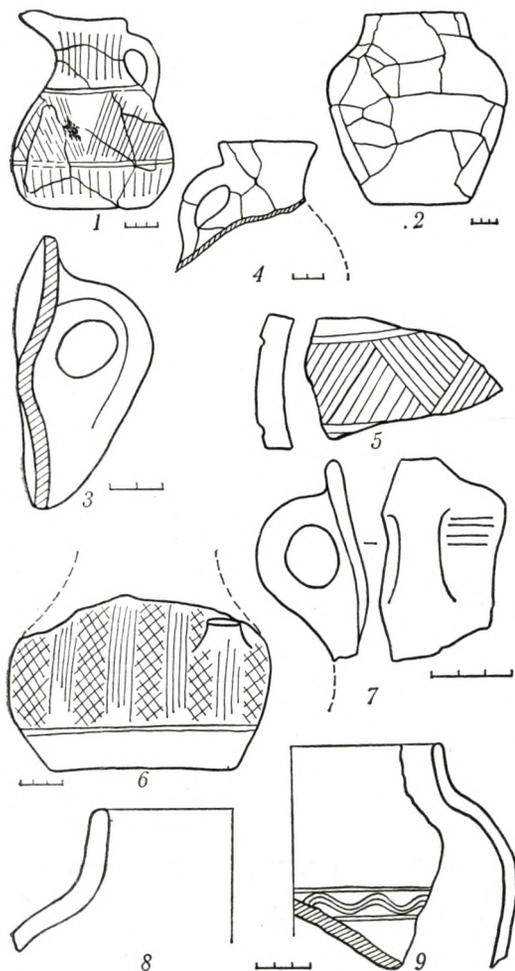

Рис. 5. Лощеная керамика:

1, 3—7 — фрагменты кувшинов; 2, 8, 9 — фрагменты горшков.

горшков довольно стандартна. Найденные фрагменты и целые сосуды свидетельствуют о том, что горшки имели средние размеры: высота 20—25 см, диаметр венчика 15—18 см. По форме они округлобокие, с ровным широким дном. Венчики всегда простые без сложной профилировки. Нередко венчик представляет собой просто отогнутый край сосуда, плоский, кососрезанный или закругленный. Отличительной чертой горшков этой группы является своеобразный линейный орнамент, покрывающий почти всю их поверхность. Горизонтальные полосы прочерчены очень часто и глубоко и придают по-

верхности сосуда вид рифленой. Рифление на большинстве сосудов начинается возле шейки и заканчивается на 3—4 см до дна. Орнамент выполнен многозубым гребенчатым штампом (рис. 4, 1—13). Кроме линейного, многие горшки имеют волнистый орнамент, который был нанесен по основанию шейки и плечикам, реже по корпусу. Почти всегда волна наносилась по рифлению или выше него тем же шести-, семизубым штампом, которым выполнялось и рифление.

Венчики, в большинстве случаев, орнаментированы насечками или отпечатками гребенчатого штампа, иногда по краю прочерчивалась волна или желобок. Сравнительно редко наколами штампа или волной орнаментировалась внутренняя поверхность венчика.

Керамика первой группы известна по всей территории распространения салтовской культуры. Горшки данного типа изготавливались в лесостепных районах, на поселениях в Степи, на Нижнем Дону, в Крыму, Болгарии.

Для второй группы керамики — столовой — характерно большое разнообразие форм. Глиняное тесто с примесью очень мелкого шамота или песка, поверхность лощеная, серого, черного, изредка желтого или красного цвета. В Жовтневом найдены лощеные горшки, кувшины и их фрагменты. Горшки имеют вертикальные венчики, выпуклые плечики, небольшие донья. Все они орнаментированы пролощенными полосами, идущими вертикально от венчика ко дну. Иногда они украшены дополнительным орнаментом из прочерченных линий-желобков, между которыми мелким зубчатым штампом нанесена волна (рис. 5, 2, 8, 9).

Кувшины, найденные на Жовтневом, одноручные, имеют сферический приземистый корпус, широкое дно, высокое горло, носик-слив. Украшены также пролощенным орнаментом (рис. 5, 1, 3—7).

К тарной керамике относятся фрагменты амфор. Найдено большое количество стенок и ручек. Амфорная керамика отличается от предыдущих групп цветом, изменяющимся от ярко-оранжевого до палевого, высоким техническим качеством. Она изготовлена из хорошо

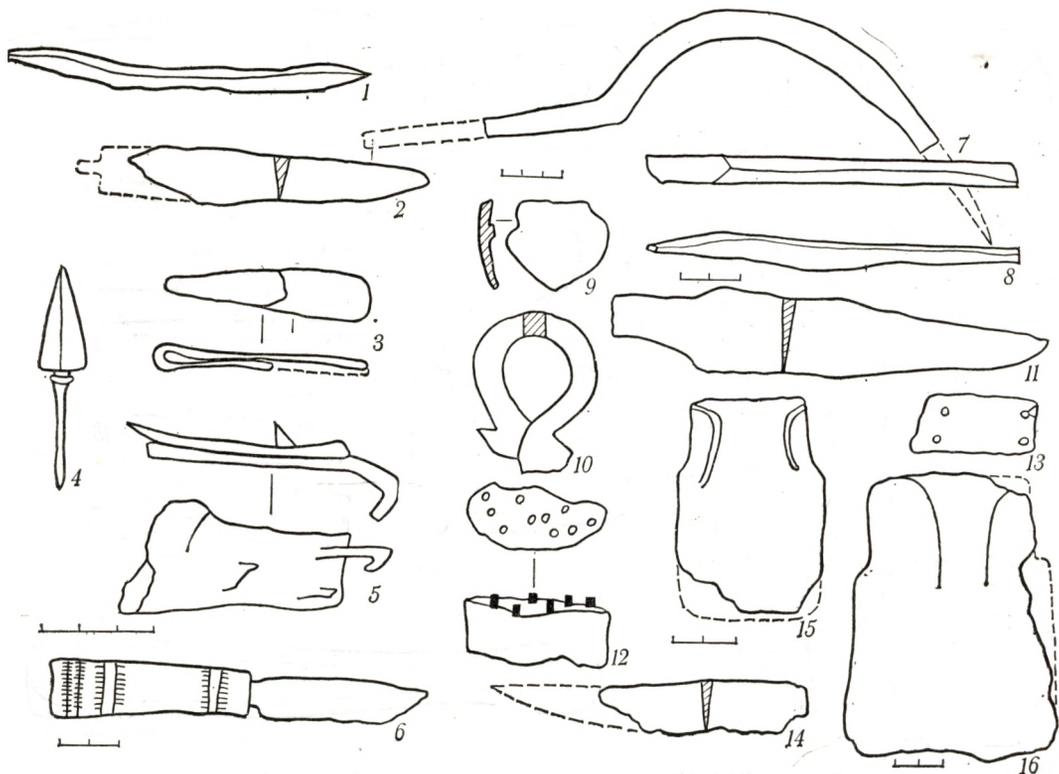

Рис. 6. Изделия из металла:

1, 8 — резцы; 2, 6, 11, 14 — ножи; 3 — щипцы-пинцет; 7 — серп; 4 — наконечник стрелы; 5 — предметы неизвестного назначения; 9, 13 — бляшки; 10 — кольцо от дужки ведра; 12 — щетка; 15, 16 — тесла-мотыжки.

отмученной глины, хорошо обожжена. Некоторые стенки амфор имеют орнамент в виде узких поясков из ряда полос, прочерченных мелкозубой густой гребенкой. Амфорная керамика привозилась из Крыма и Приазовья и известна на всех исследованных поселениях салтово-маяцкой культуры.

Кроме керамики, на поселении найдены предметы из металла. Среди них орудия труда, оружие и предметы быта. Интересными находками являются две железные мотыжки. Одна из них найдена в жилище № 3. Она хорошей сохранности, с несколько выпщербленной верхней частью. Стороны в верхней части загнуты, образуют втулку. Длина мотыжки 6,80 см, ширина лезвия — 4,6, ширина втулки 3,5 см, толщина около 4 мм (рис. 6, 15).

Вторая мотыжка найдена в заполнении жилища № 1. Длина ее 12 см, ширина рабочей части 8,8, ширина втулки

5,5 см (рис. 6, 16). Аналогичные тесла-мотыжки широко распространены на салтовских памятниках и известны в Саркеле, Верхнем Салтове, Дмитриевке и на многих других.

В жилище № 3 найден железный стержень, напоминающий токарный резец. Рабочая часть реза узкая с соответствующими углами заточки. Его размеры: длина 11 см, толщина 0,8, длина рабочей части 1,5, ширина 0,3 см (рис. 6, 8). В яме № 2 (раскоп II) найден четырехгранный железный стержень длиной 9,6 см и толщиной 0,6 см с заостренными концами (рис. 6, 1). Возможно, данный инструмент также служил для работы по дереву, кости и т. п.

На различных участках поселения найдены четыре ножа (рис. 6, 2, 6, 11, 14). Все они имеют прямую спинку, более широкую у черенка, относятся к группе универсальных ножей второго

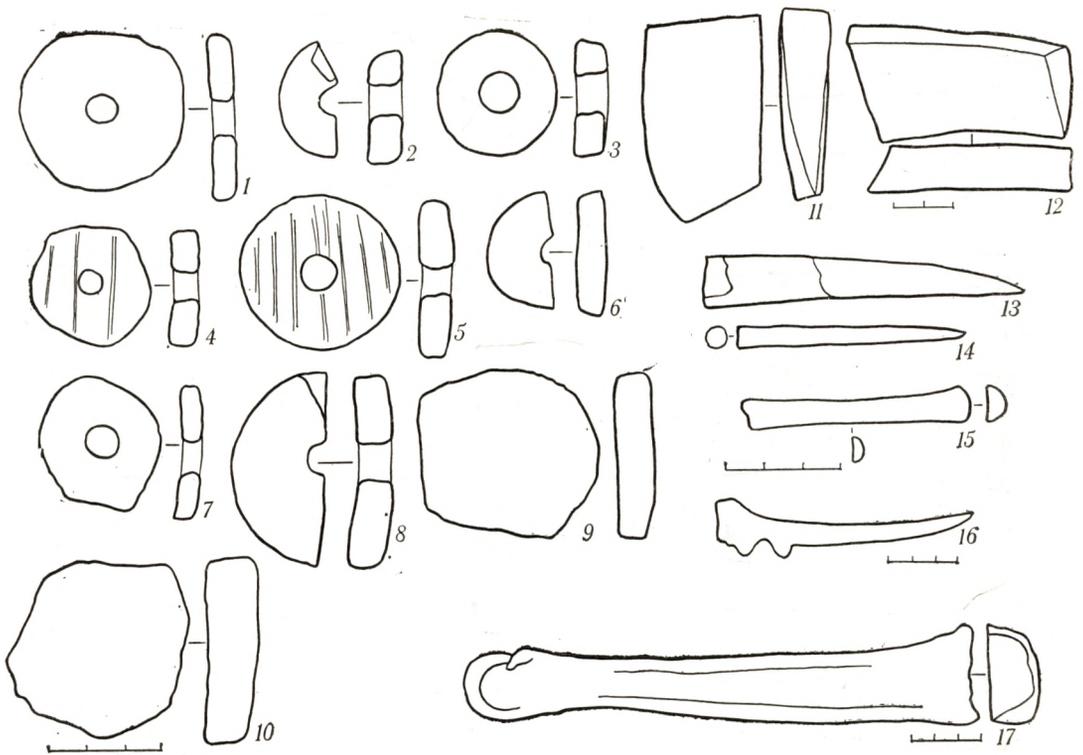

Рис. 7. Изделия из кости и камня:

1—8 — пряслица из стенок сосудов; 9—10 — заготовки для пряслиц; 11, 12 — точильные бруски; 13—16 — проколки; 14 — стиль; 17 — «коонец».

типа ¹⁴. Известны на всех памятниках салтовской культуры.

Кроме того, на поселении найден серп. Концы лезвия и черенка обломаны. Лезвие серпа состоит из узкой тонкой пластинки, почти прямой у острого конца и круто изогнутой у черенка. Черенок расположен к лезвию под углом. Длина лезвия от острия до места перехода в черенок (по хорде) около 22 см, ширина лезвия 1,5 см (рис. 6, 7). Аналогии известны на многих памятниках салтовской культуры ¹⁵.

К орудиям труда относится железная «щетка», от которой сохранился небольшой фрагмент (рис. 6, 12). Судя по фрагменту, можно предположить, что основа щетки и иглы были сделаны из металла. Она предназначалась, скорее всего, для вычесывания шерсти.

Кроме орудий труда, на поселении найдены также предметы вооружения. Наконечник стрелы принадлежит к типу трехперых черенковых наконечников с боевой частью треугольной фор-

мы (рис. 6, 4). Общая длина стрелы 6,0 см, длина боевой части 3,0 см.

Трехперые наконечники стрел широко известны на памятниках Средней Азии и Нижнего Поволжья в первых веках нашей эры. В IX—X вв. они встречаются реже, в основном на памятниках салтовской культуры ¹⁶.

Кроме наконечника стрелы, найден фрагмент кинжала. Сохранился обломок узкого лезвия с заостренным концом, длиной 9,3 см, шириной 1,6 см.

Ряд изделий из металла относится к предметам быта: железная петля от ведра (рис. 6, 10), возможно, какое-то бытовое назначение имел предмет с железным шипом на пластине (рис. 6, 5). Бляшки сердцевидной и прямоугольной формы являлись, видимо, украшениями-накладками (рис. 6, 9, 13).

Небольшие щипцы-пинцет относятся к предметам туалета (рис. 6, 3). Щипцы-пинцет изготовлены из тонкой пружинящей полоски железа, согнутой пополам. Длина пинцета 5,5 см, ширина

рабочей части около 1,0 см. Такие же пинцеты, но несколько больших размеров, известны в Саркеле¹⁷.

При раскопках поселения найдено большое количество изделий из кости, камня, керамические пряслица из стенок сосудов.

Изделия из камня представлены фрагментами жерновых камней, обнаруженных в жилищах № 3, 7. Они имели диаметр около 0,40 м, толщину 0,07—0,10 м. Кроме жерновов обнаружены точильные бруски (целые и фрагменты), изготовленные из мелкозернистого песчаника (рис. 7, 11, 12). На поселении найдены также ложила, изготовленные из гранита, овальной в сечении формы. Их поверхность хорошо отполирована.

Изделия из кости представлены проколками (рис. 7, 13, 16), ручками для ножей (рис. 6, 6, рис. 7, 15). К числу изделий из кости следует отнести орудие из трубчатой кости, расколотой пополам вдоль (рис. 7, 17). Возможно, данное орудие представляло собой «конок», аналогии которому широко известны в Саркеле, и предназначалось для дополнительной обработки тканей и кож¹⁸.

Особый интерес представляет хорошо отполированное тонкое костяное острие длиной 6,6 см. По предположению Д. Т. Березовца, этот инструмент служил в качестве стила для письма¹⁹ (рис. 7, 14).

На поселении найдено большое количество пряслиц, изготовленных из стенок сосудов или амфор (рис. 7, 1—8). Наряду с готовыми пряслицами встречены и заготовки для них (рис. 7, 9, 10). Керамические пряслица широко распространены на исследованных памятниках культуры²⁰.

Кроме вещественных находок на поселении собран большой остеологический материал. Широко представлены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади. Известно также несколько особей диких животных.

При исследовании поселения обнаружено шесть погребений. Три из них (№ 1, 4, 5) совершены на глубине 0,45—0,60 м. Погребение № 2 совершенно на глубине 1,5 м. Умершие ориенти-

рованы головой на юго-запад (№ 1, 4) и юг (№ 2, 5), лежат на спине, руки вытянуты. Погребения № 1, 2, 4 — безы Inventарные; в погребении № 5 обнаружен кремневый скол.

Погребение № 3 существенно отличается от вышеописанных. Возможно, оно более позднее и относится ко времени исследуемого поселения. Погребение совершено в узкой яме, длиной 1,95 м, шириной 0,6 и глубиной 1,50 м. Яма ориентирована с северо-востока на юго-запад. В яме находилась долбленная колода размерами 0,40×0,45×1,7 м, перекрытая плахой такой же ширины, но на 0,15 м длиннее. В колоде лежал скелет очень плохой сохранности головой к северо-востоку на спине, руки вытянуты.

На погребенном был оригинальный головной убор, от которого сохранились два рога козы, каждый из которых перевит четырьмя оборотами выпуклой бронзовой пластины, шириной около 1,0 см. Ниже основания рогов с обеих сторон черепа лежали бронзовые серги из толстой проволоки, обрубленной по концам и свернутой в кольцо. Против лицевых костей — большой железный нож, возможно, кинжал; в области грудной клетки найдена небольшая сферическая пуговица с петелькой; выше коленного сустава правой ноги находилась совершенно распавшаяся бронзовая бляшка (рис. 8, 3).

На могильнике в с. Шейковка Боровского района Харьковской области также проведены разведочные работы. Могильник расположен в 5 км к востоку от с. Боровая, на западной окраине с. Шейковка, на левом берегу р. Боровая (левый приток Оскола). Во время строительства моста через реку в 30-е годы было разрушено большое количество погребений. При зачистке обнажений с западной стороны дороги в 25 м от берегового обрыва были обнаружены остатки черепа, локтевая кость и часть стопы. Исходя из этого можно предположить, что скелет лежал головой к северо-западу вытянуто на спине. Погребение было совершено на глубине 0,8—0,9 м. Около костей черепа лежало разбитое зеркальце, за черепом стоял небольшой горшок, поверхность которого была покрыта линейным и в

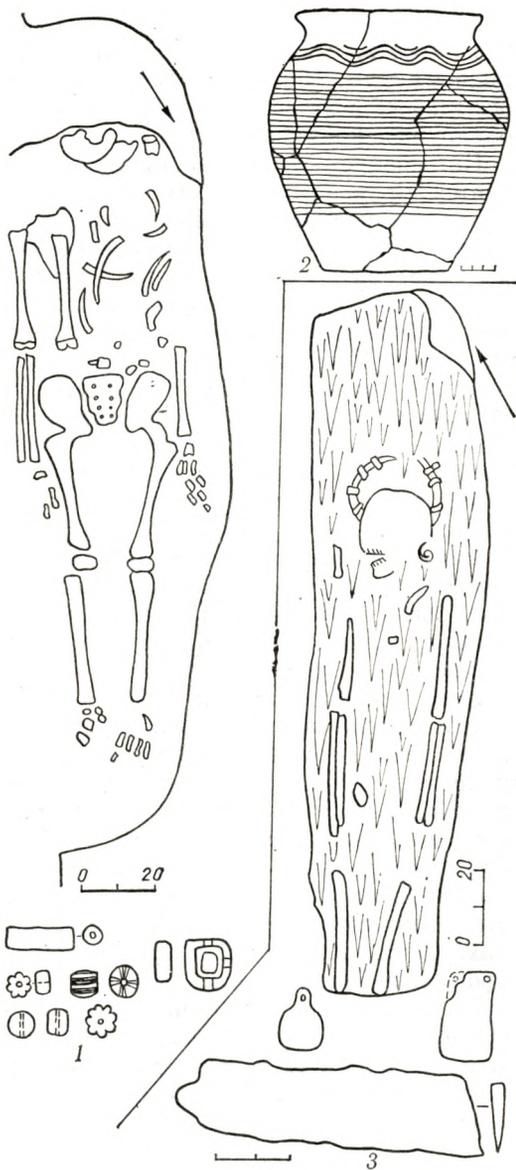

Рис. 8. Планы погребений:

1 — погребение № 2, Шейковка; 2 — горшок из погребения № 1, Шейковка; 3 — погребение № 3, Жовтневое.

верхней части волнистым орнаментом (рис. 8, 2).

В 7,5 м выше по склону расчищено второе погребение. Яма овальной формы, длиной 1,75, глубиной 0,9—1,0 м. На дне ямы обнаружен скелет молодой женщины, ориентированный головой на юг с небольшим отклонением к западу. Череп и кости грудной клетки разрушены более поздней ямой (рис. 8, 1).

Возле тазовых костей лежало большое количество пастовых бусин, часть которых совершенно распалась. За черепом найдены части украшения в виде тонкой бронзовой пластины.

В траншеях, проложенных восточнее дороги, погребения не обнаружены. Очевидно, могильник занимал сравнительно небольшую площадь и был почти полностью уничтожен при строительстве.

За годы, прошедшие со времени открытия и исследования поселения у с. Жовтневое, изучены значительные территории распространения памятников салтово-маяцкой культуры, выявлено и раскопано значительное количество поселений и могильников²¹. Однако материалы, полученные при исследовании поселения Жовтневое, могильника у с. Шейковка, также имеют большое значение, так как дополняют данные о характере домостроительства, планировке поселений, об уровне развития ремесел, о хозяйстве, об этническом составе населения, оставившего салтово-маяцкие памятники.

Материал поселения Жовтневое свидетельствует, что обитатели его вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством; это подтверждается характером и устройством жилищ, находками зерновых ям, остатками злаков, орудий обработки земли, сбора и переработки урожая, анализом остеологического материала.

Кроме того, судя по находкам большого количества железного шлака (более 50 кг), а также различных инструментов, можно считать, что на поселении жили мастера по обработке железа. Гончарный горн, разнообразные типы клейм (рис. 4, 14), огромный керамический материал свидетельствуют о развитии гончарного ремесла.

Поселение было оставлено, скорее всего, болгарами, переселившимися из Приазовья или Предкавказья в VIII в. в бассейн Северского Донца. Высказанное предположение подтверждается погребальным обрядом могильника Шейковка, аналогичным обряду других исследованных болгарских могильников²². Возможно, в погребении № 3, исследованном на территории поселения,

также была похоронена женщина-болгарка (подобные захоронения в колодах известны на древнеболгарском Волоконовском могильнике)²³. Своеобразие головного убора погребенной может свидетельствовать о ее причастности к шаманству. Однако никаких других подтверждений такого предположения нет, и конкретные аналогии на памятниках салтовской культуры не известны.

Несколько слов о датировке поселения. Монет или хорошо датированных вещей раскопки не дали. Вместе с тем на поселении Жовтневое, могильнике Шейковка, а также при разведках найдены изделия, имеющие аналогии в Саркеле, в Верхнем Салтове и на других памятниках салтовской культуры. Исходя из этого, поселение в с. Жовтневое можно датировать VIII—X вв. Такую же датировку имеют, очевидно, и другие памятники салтовской культуры, расположенные в бассейне р. Оскол.

¹ Телегин Д. Я. Отчет о разведках и раскопках в долине р. Оскола и Северского Донца в 1955 г.— НА ИА АН УССР, № 2463.

² Либеров П. Д. Отчет о работе Донецкого отряда Донской экспедиции в 1955 г.— НА ИА АН УССР, № 2407.

³ Березовец Д. Т. Отчет о раскопках салтовского поселения на р. Оскол, 1956 г.— НА ИА АН УССР, № 2598; Березовец Д. Т. Отчет средневекового отряда Северо-Донецкой экспедиции за 1957 г.— НА ИА АН УССР, № 3091.

⁴ Березовец Д. Т. Салтівська культура.— В кн.: Археологія УРСР. К., 1975, т. 3, с. 429—431.

⁵ Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 41—42.

⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, 1967, № 142, с. 59.

⁷ Белецкий В. Д. Указ. соч., с. 47—53; Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение.— МИА, 1958, № 62, с. 297; Березовец Д. Т. Салтівська культура, с. 425; Краси́льни-ков К. І. Житло салтівської культури на Донецчині.— Археологія, 1974, 13, с. 84—86.

⁸ Белецкий В. Д. Указ. соч., с. 53—56.

⁹ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 59.

¹⁰ Там же, с. 59—61.

¹¹ Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской.— МИА, 1958, № 62, с. 331—334.

¹² Краси́льников К. И. Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры.— СА, 1976, № 3, с. 267—278.

¹³ Плетнева С. А. Указ. соч., с. 103.

¹⁴ Мізєва В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво.— Археологія, 1973, 9, с. 91.

¹⁵ Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 146; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 147.

¹⁶ Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры.— КСИИМК, 1951, вып. 35, с. 24; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела-Белой Вежи, рис. 6, 15.

¹⁷ Там же, с. 151, рис. 6, 2.

¹⁸ Семенов С. А. О назначении «ковьков» и костей с парезками из Саркела-Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75, с. 358.

¹⁹ Березовец Д. Т. Отчет о раскопках салтовского поселения на р. Оскол, с. 26.

²⁰ Левенок В. П. Пряслица городища Саркел-Белая вежа.— МИА, 1959, № 75, табл. I, 1—16; II, 8—12; Плетнева С. А. Указ. соч., с. 153.

²¹ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 62—75.

²² Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев.— В кн.: Древности Среднего Поднепровья. Киев, 1981, с. 93—96.

²³ Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник.— СА, 1976, № 3, рис. 4.

Г. А. Вознесенская, В. П. Коваленко

О ТЕХНИКЕ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОРОДАХ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ

Изучение техники и технологии древнего кузнечного производства на основе металлографического анализа — одно из направлений, прочно утвердившихся в археологических исследованиях. Аналитические материалы, особенно в области средневековой кузнечной технологии, помогают раскрыть социально-экономическую характеристику важ-

нейшего ремесленного производства и все более расширяют возможности интерпретации историко-технических данных для решения вопроса о сложении производственных традиций населения Восточной Европы. Именно с этой целью были выполнены исследования 150 кузнечных изделий, собранных благодаря археологическим разведкам и

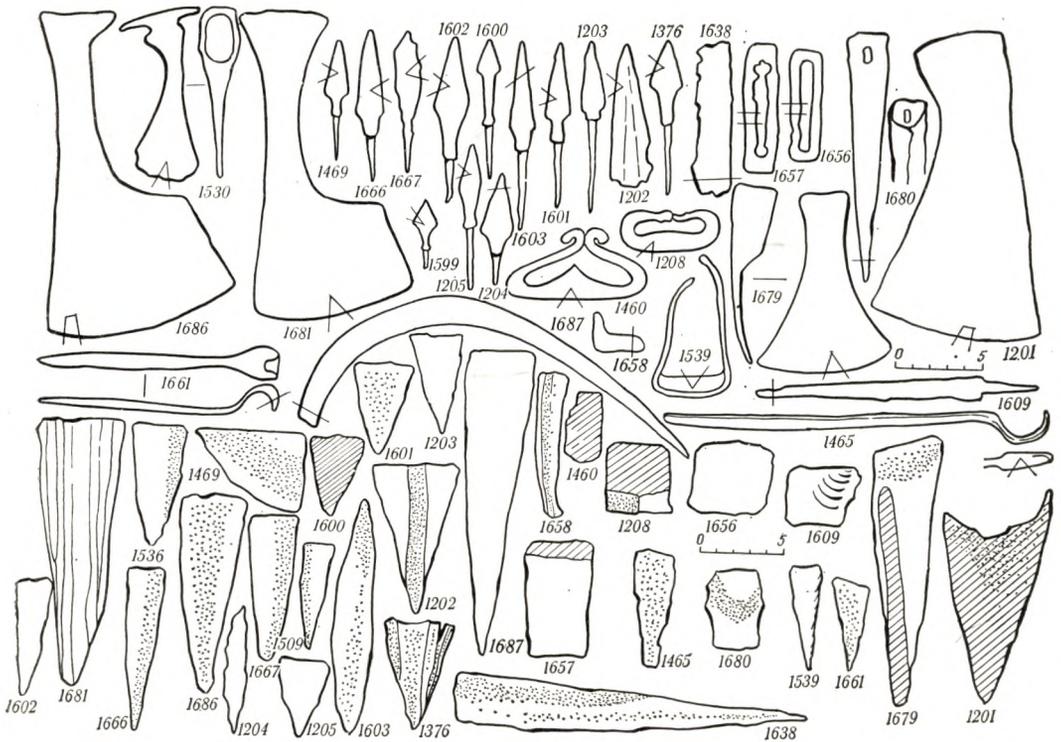

Рис. 1. Технологические схемы кузнечных изделий. Номера схем соответствуют номерам анализа.

раскопкам на территории летописных городов Чернигово-Северской земли, которые проводили Новгород-Северская и Черниговская экспедиции ИА АН УССР, ИА АН СССР и Черниговского исторического музея в 1979—1983 гг.

Археологически исследованные укрепленные поселения условно можно разделить на две группы. Первую из них составляют значительные социально-экономические и политические центры Чернигово-Северской земли: Чернигов (столичный город)¹, Новгород-Северский (столица удельного княжества), Сновск (центр летописной Сновской тысячи), Любеч (главный порт княжества на Днепре). Данные как летописных, так и археологических источников свидетельствуют о значительном проценте торгово-ремесленного контингента в составе населения, высоком уровне развития различных ремесел, о широких экономических связях.

Другая группа памятников представлена, главным образом, небольшими замками и крепостями: Всеволож, Мо-

ровийск, Оргоц, Гуричев, Листвен, Лутава, Блестовит, Стародуб. Первые четыре из них летописная статья 1159 г. характеризует как вотчинные города черниговских князей².

В настоящей работе наиболее значительную коллекцию кузнечных изделий (39 экз.) составляют предметы из раскопок в Новгороде-Северском. Здесь в ходе работ 1979—1983 гг. на детинце вскрыта часть территории княжеского двора XI—XIII вв., где собраны многочисленные предметы быта, украшения, орудия труда, оружие. Отметим группу предметов с инкрустацией (нож, шпора, подпружная пряжка), подтверждающих высокий социальный статус жителей этого района города. Здесь же найдены ножи, наконечники стрел, пряжки, напильник.

К детинцу (около 2 га) примыкал значительный (30 га) посад, где раскопаны жилища X—XIII вв. В 1982 г. исследовано наземное жилище с подклетом второй половины XII в., в котором найдены ножи, пряжка, наконеч-

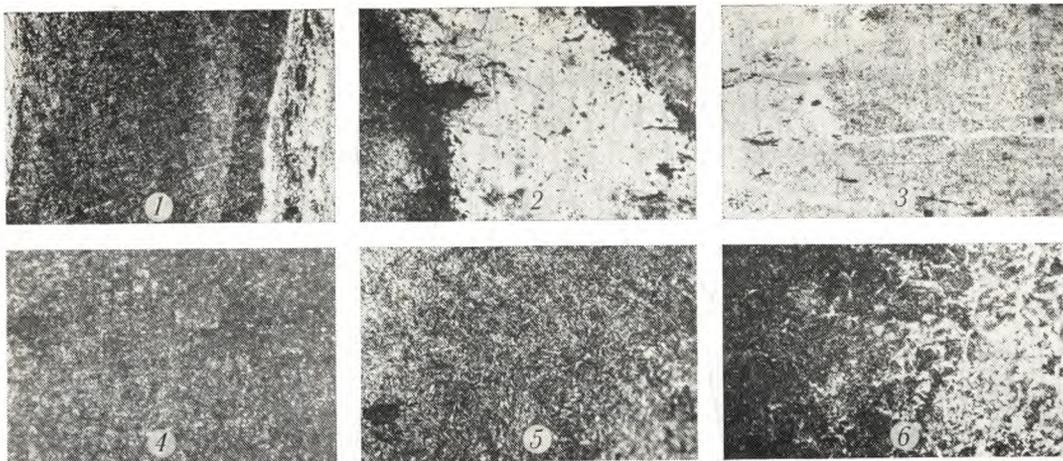

Рис. 3. Микроструктуры клинков ножей:

1 — ан. 1640, трехслойный нож, городище Рябево, $\times 200$; 2—3 — ан. 1675, многослойный нож, городище Малый Листвен, $\times 70$; 4 — ан. 1458, нож из Седнева, $\times 200$; 5 — ан. 1682, цементированный и закаленный клинок ножа из Новгород-Северского, $\times 200$; 6 — ан. 1606, цементированный клинок ножа из Новгород-Северского, $\times 70$.

дованных топоров (ан. 1201), найденных на посаде в жилище № 2, также имеет насквозь цементированное лезвие. После цементации произведен отжиг, и затем лезвие было закалено в мягкой закалочной среде.

Перо ромбовидной стрелы, найденной в жилище XII — начала XIII в. на посаде, было подвергнуто односторонней цементации (ан. 1599).

Технологию классического трехслойного ножа (в центре клинка — стальная полоса, выходящая на лезвие, по бокам полосы железа), можно представить по скальпелю (ан. 1597), клинок которого был закален, а также наколочнику копья (ан. 1202), у которого стальная полоса идет в центре пера с выходом на режущие грани.

Из многослойной (пакетной) стальной заготовки-полуфабриката откован нож (ан. 1604). Клинок его закален.

Наварка стального лезвия на железную основу клинка отмечена у трех ножей (ан. 1284, 1610, 1612); все ножи закалены. Обращает на себя внимание нож (ан. 1610), у которого стальная наварка в форме буквы V идет почти до спинки клинка (рис. 4, б).

Калачевидное кресало (ан. 1208), найденное в слое X в., изготовлено путем наварки высокоуглеродистой стальной полосы на ударную часть. Изделие, судя по микроструктуре (мелкодисперсный сорбитообразный перлит и следы фер-

рита), подвергалось тепловой обработке. Скорее всего, кресало не сохранило первоначального вида микроструктуры после термообработки: как правило, кресала калились на мартенсит.

Сновск, первое летописное упоминание под 1068 г.⁴, ныне поселок Седнев Черниговского района. В X—XIII вв. — центр огромной волости, так называемой Сновской тысячи, которая по решению Любечского съезда 1097 г. была переведена в состав вотчины Олега Святославича. Из контекста летописной статьи 1155 г. ясно, что Сновск входил в состав удела Святослава Всеволодовича⁵. Городище летописного Сновска расположено в центре Седнева в уроч. Коронный замок (200 \times 180 м) и состоит из детинца, окольного города и неукрепленных посадов. Как показали археологические исследования, проведенные на могильнике в конце XIX в. Д. Я. Самоквасовым и в 1981—1982 гг. на детинце и посадах, Сновск был основан в X в.⁶ При раскопках найдены ножи, блесна, калачевидное кресало с язычком X—XII вв.⁷, черешковая ромбовидная стрела с упором и расширением в нижней трети длины пера — X—XIV вв. (тип 40)⁸ и др.

Второе седневское городище (уроч. Орешня) находится на юго-восточной окраине Седнева, на мысу правобережной террасы р. Снов (120 \times 70 м). Как свидетельствуют археологические дан-

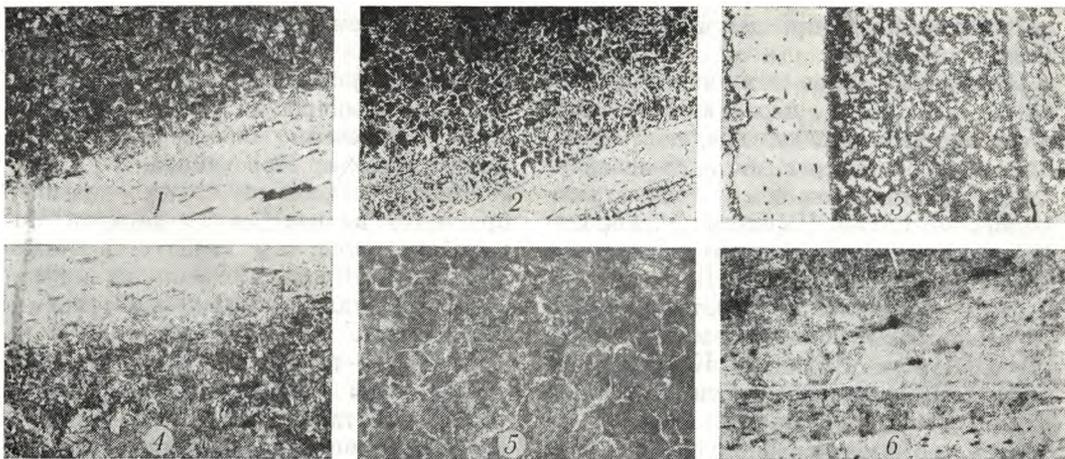

Рис. 4. Микроструктура кузнечных изделий:

1 — ан. 1666, цементированная стрела, Малый Листвен, $\times 70$; 2 — ан. 1661, резец по дереву с наварным стальным лезвием, Малый Листвен, $\times 70$; 3 — ан. 1681, топор из пакетного металла, Сиволож. $\times 70$; 4 — ан. 1667, цементированная стрела, Малый Листвен, $\times 70$; 5 — ан. 1469, высокоуглеродистая сталь, стрела, Рогоща, $\times 70$; 6 — ан. 1610, нож с наварным лезвием, Новгород-Северский. $\times 70$.

ные, городище Орешня (роменской культуры) погибло в конце IX — начале X в. В полуземляночном жилище найдены два спекшихся наральника, наконечник стрелы VIII—IX вв. (тип 39)⁹, нож и пр. Жизнь на городище возобновилась только в XII в.

Металлографически исследованы шесть предметов, найденных на посаде летописного Сновска. Из них наиболее интересно калачевидное кресало, найденное в слое XI—XIII вв. Выпил пробы оказался затруднен из-за высокой твердости металла. Микроскопическое изучение шлифа показало, что рабочая часть кресала откована из высокоуглеродистой стали и закалена (структура мелкоигльчатого мартенсита). Так как взятая проба была небольшого размера, то мы можем только предположить, принимая во внимание характерную для такого типа кресал технологию изготовления, что на ударное ребро кресала была наварена полоса высокоуглеродистой стали. Изделие закалено (мелкоигльчатый мартенсит). Остальные исследованные предметы: два ножа, наконечник стрелы, блесна, пластина откованы из кричного железа или сырцовый мягкой стали. Один нож откован из заготовки разнородного металла (металлолом?) и закален, стальная зона, воспринявшая закалку (мартенсит), находится на самой спинке ножа.

Вошедшие в исследуемую коллекцию три предмета из раскопок городища роменской культуры в г. Седнев (нож и два наральника) оказались откованы из мягкой, равномерно науглероженной сырцовой стали. Металл, из которого откованы оба наральника, идентичен.

Интересную серию изделий дали раскопки на детинце древнего Любеча. Любечский замок — резиденция черниговских князей, богатый феодальный двор XI—XII вв.¹⁰ Основные потребности княжеского двора в хозяйственном инструментарии удовлетворялись, по-видимому, на месте: при въезде в замок раскопками вскрыты остатки кузницы.

Исследованию подверглись 40 хозяйственных ножей. Технологические схемы изготовления их клинков распределялись следующим образом: 20 экземпляров имеют наварное стальное лезвие (в основном, торцовая наварка); 3 — откованы в технике трехслойного пакета; 3 — представляют собой переходный тип от трехслойного пакета к вварке стального лезвия; 1 — имеет цементированное лезвие (двусторонняя поверхностная цементация) и 13 — откованы целиком из кричного железа или сырцовой стали. Большинство клинков закалено¹¹.

Как упоминалось, остальные изученные для данной работы кузнечные изделия происходят из раскопок древне-

русских замков и крепостей Чернигово-Северской земли.

Всеволож, первое летописное упоминание под 1147 г., играл важную роль в составе черниговских владений: находясь между остерскими и придеснянскими болотами, он контролировал юго-восточный путь к Чернигову¹². Городище летописного Всеволожа расположено в центре с. Сиволож Борзнянского района Черниговской области, на мысу, образованном реками Борзенка и Грановка (уроч. Городок). Как показывают данные археологических исследований, город был основан в XI в., вероятно, во второй его половине¹³. Из кузнечных изделий, найденных на территории посада Всеволожа, отметим рабочий топор XII—XIII вв. (типа IV А, по А. Н. Кирпичникову¹⁴), ножи, обломок наконечника стрелы, подпружную пряжку X—XI вв. (тип II, по А. Н. Кирпичникову¹⁵), ключ XIII—XV вв. (тип Г, по Б. А. Колчину¹⁶). Исследовано пять предметов: рабочий топор и четыре хозяйственных ножа.

Топор (ан. 1681) откован из заготовки многослойного пакетного металла. Микроскопическое исследование поперечного сечения лезвия топора позволило насчитать восемь слоев железа и мягкой стали, чередующихся между собой. Микроструктура стальных полос мелкодисперсная, перлит имеет сорбидомобразный характер, возможно, была тепловая обработка лезвия (рис. 4, 3).

Два ножа были откованы целиком из железа, два — из сырцово-неравномерно науглероженной стали и закалены на мартенсит.

Моровийск, первое летописное упоминание под 1139 г.¹⁷, как и Всеволож, входил в состав вотчины Черниговских князей. Городище летописного Моровийска расположено в южной части с. Моревск Козелецкого района Черниговской области, на высоком мысу правобережной террасы р. Десна. Судя по данным археологических исследований, Моровийск возник в X в. При разведочных работах 1983 г. на его детинце обнаружены скобель, ножи, фрагмент шпоры первой половины XIII в. с точечной инкрустацией медью (тип III, по А. Н. Кирпичникову)¹⁸.

Находка шпоры, представлявшей со-

бой в то время, по образному выражению А. Н. Кирпичникова, «атрибут феодально-организованных конных воинов, знак рыцарского ранга и достоинства»¹⁹, косвенно подтверждает вотчинный характер Моровийска.

Металлографически исследованы пять предметов из находок на детинце Моровийска: шпора и скобель, а также три ножа. Шпора откована из мягкой сырцово-стали (содержание углерода — 0,1—0,3 %).

Скобель — из стали с более высоким содержанием углерода. Изделие было термообработано: закалка с высоким отпусканием (мелкодисперсная ферритоперлитная смесь со следами мартенситовой ориентировки).

Из трех ножей, найденных на городище, два откованы целиком из стали и закалены; один клинок (ан. 1540) имеет наварное стальное лезвие. Микроструктура лезвия — мартенсит; нож закален.

Летописный **Оргош**, впервые упомянутый в летописи под 1159 годом²⁰, также назван в составе княжеской вотчины. Городище расположено в западной части с. Рогоща Черниговского района на пониженном участке левого берега р. Белоус. Как показали археологические данные, возведение здесь валов с деревянными конструкциями внутри относится к X в.

Из кузнечных изделий отметим найденные в жилище X в. токарный резец по дереву; в насыпи вала — нож и обломок сапожного ножа; во внешнем слое вала — два наконечника стрел, характерных для середины XIII в. и обычно связываемых с нашествием хана Батая (тип. 38, вариант 4, по А. Ф. Медведеву)²¹.

Микроскопическое исследование токарного резца (ан. 1465) показало, что он откован из неравномерно науглероженной сырцово-стали (содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,4 %). Металл хорошо прокован, чистый, мелкозернистый.

Сапожный нож (ан. 1271) откован из заготовки разнородного металла (металлом?), затем клинок был закален.

Нож (ан. 1466) откован из сырцово-неравномерно науглероженной стали и

закален. Другой нож (ан. 1468) откован целиком из кричного железа, сильно загрязненного шлаковыми включениями.

Два хозяйственных ножа (ан. 1467, 1655), найденные на посадке, имеют стальное наварное лезвие (торцовая наварка), клинки их закалены на мартенсит.

Два наконечника стрел (ан. 1469, 1470), однотипных, найденных в насыпи вала с внешней его стороны, откованы из сырцово-стали, очень неравномерно науглероженной (от чистого феррита до зон, содержащих 0,6—0,7 % углерода, с большим содержанием шлаковых включений).

Город Листвен впервые упомянут в летописи под 1024 годом²². Комплекс археологических памятников Листвена (ныне село Малый Листвен Репкин-ского района Черниговской области) состоит из двух городищ, двух поселений-посадок и курганных могильников.

Городище I расположено на мысу первой надпойменной террасы, образованной реками Белоус и Глинянка, на западной окраине с. Малый Листвен. Судя по данным археологических исследований 1980 г., городище основано в конце X в.²³ Из находок в жилище X в. на городище I назовем нож и черешковый наконечник стрелы с пером вытянутых пропорций, который, по мнению А. Ф. Медведева, может быть датирован временем, не позднее начала XI в.

Микроскопическое исследование этих изделий дало следующие результаты. Полное поперечное сечение клинка ножа (ан. 1675) показало его слоистую структуру: на острие клинка — мелкодисперсная феррито-перлитная структура, микротвердость 221 кг/мм². Далее — зона чистого феррита с высокой микротвердостью ферритного зерна — 254 кг/мм², и остальная часть до спинки ножа — зона феррита со следами перлита, микротвердость 160 кг/мм² (рис. 3, 2, 3). Расположение зон поперечное по отношению к высоте клинка; они разделены четкими сварочными швами. В настоящий момент трудно технологически интерпретировать эту картину. Возможно, что это наварное стальное лезвие или заготовка было

сделано из неоднородного металла (металлолом?). Во всяком случае более определенное суждение еще впереди, и помочь в этом могут только аналогичные структуры клинков.

Наконечник стрелы (ан. 1666) откован с использованием односторонней цементации пера. У поверхности цементированного слоя содержание углерода эвтектоидное, микротвердость 350—383 кг/мм². Следов перегрева микроструктура не имеет — возможно, после цементации изделие отожжено. Не исключена также предварительная цементация заготовки (рис. 4, 1).

Городище II расположено на противоположном правом берегу р. Белоус, напротив городища I. Городище возведено в конце XI в. Его небольшие размеры и округлая форма, характерная, по мнению П. А. Раппопорта, главным образом, для феодальных замков, расположение Листвена в центре княжеской вотчины позволяют считать его княжеским городком или замком.

На прилегающем к валу городища II участке раскопаны остатки производственной мастерской. Здесь исследованы два железоплавильных горна, собрано значительное количество криц и шлаков, обломки глиняных сопел, найдены медная ювелирная наковаленка и обломок медного котла (запас сырья). Судя по составу находок, мастерская принадлежала ремесленнику, занятому кузнечными работами по черному и цветному металлу; какая-то часть необходимого сырья — железа производилась на месте. Рядом находилось небольшое жилище с печью каркасно-глинобитной конструкции, погибшее, как и весь комплекс, от пожара в середине XII в. Археологическую датировку гибели памятника подтверждают и летописные материалы: в 1147 и 1152 гг. древнерусские поселения бассейна р. Белоус подверглись разгрому.

Исследованный производственный комплекс может быть интерпретирован как мастерская вотчинного ремесленника, возможно, обслуживавшая обитателей княжеского двора.

Из находок на участке следует назвать токарные резцы, овальные короткие кресала, замочную личину XI — середины XIV в.²⁴, ключи и замки типа

В²⁵, ромбовидный наконечник стрелы XIII—XIV вв. типа 41²⁶.

Металлографическому изучению было подвергнуто 19 предметов, найденных при раскопках на городище II: несколько хозяйственных ножей, обломки двух кос, деревообрабатывающие инструменты, два овальных кресала, шило, различные мелкие железные изделия, два наконечника стрел.

Целиком из кричного железа или сырцовый, преимущественно мягкой стали отковано два ножа, одно кресало (ан. 1656), шильце, одна из стрел (ан. 1665), долото (?) (ан. 1670), обе косы (ан. 1662, 1663), четыре предмета неопределенного назначения (всего 12 вещей). Наконечник стрелы (ан. 1667), как и найденный на городище I, изготовлен с использованием односторонней и поверхностной цементации пера стрелы. Содержание углерода в поверхностном слое до 0,8 %, микротвердость 350—322 кг/мм², следов перегрева структура не имеет (возможен отжиг после цементации).

Технологию трехслойного пакетного клинка — в центре стальная полоса с выходом на лезвие — имеет рабочая часть деревообрабатывающего инструмента (ан. 1658). Содержание углерода в стальной полосе 0,6—0,7 %, структура феррито-перлитная, отожженная. Из многослойной пакетной стальной заготовки отковано нож (ан. 1678), клинок закален.

Наварное стальное лезвие имеет токарный резец по дереву (ан. 1661), микроструктура его феррито-перлитная, содержание углерода 0,3—0,6 % (рис. 4, 2). Нож (ан. 1677) имеет наварное стальное лезвие, закаленное на мартенсит. Нож с кольцом на рукояти (ан. 1672) изготовлен путем сварки стального лезвия в железный клинок (переходная технологическая форма от трехслойного пакета к торцовой наварке). Микроструктура лезвия мелкодисперсная феррито-перлитная, микротвердость 197—322 кг/мм², возможна термообработка клинка.

Овальное кресало (ан. 1657) имеет наварную высокоуглеродистую полосу на ударном ребре. Изделие закалено на мартенсит.

Лутава, первое летописное упомина-

ние под 1155 годом²⁷, ныне с. Лутава Козелецкого района Черниговской области. Детинец летописной Лутавы расположен на сильно выдающемся в пойму мысу коренной правобережной террасы р. Десна, в 800 м к югу от с. Лутава. С юга к городищу примыкает обширное (300×75—100 м) поселение-посад IX—XIII вв. На посаде у подножия городища исследовано полужемляночное жилище IX—X вв. Собраны керамика раннегончарных типов, железная медорезка, боевой топор X—XI вв. (тип III)²⁸.

В XII—XIII вв. Лутава входила, вероятно, в состав вотчины черниговских князей. Косвенно в пользу этого свидетельствует проведение в Лутаве в 1155 и 1159 гг. съездов князей Черниговской земли.

Из раскопанного на посаде жилища структурно изучено три предмета: отличной сохранности боевой топорик и два хозяйственных ножа. Микроскопическое исследование поперечного сечения лезвия топора (ан. 1536) позволило заключить, что для его упрочнения была использована односторонняя цементация. Науглероженный слой у поверхности содержит 0,8—0,7 % углерода, к середине толщины лезвия его содержание убывает до чистого феррита. Металл чистый мелкозернистый. Возможно, после цементации проведен отжиг (рис. 5, 4). Оба ножа откованы из кричного железа со следами небольшой науглероженности. Один из них (ан. 1538) в науглероженных зонах имеет мартенситную структуру — следствие закалки клинка. Из трех ножей, найденных на городище, два откованы целиком из стали и закалены; один клинок (ан. 1540) имеет наварное стальное лезвие. Микроструктура лезвия — мартенсит, нож был закален.

Гуричев, первое летописное упоминание под 1152 г.²⁹ Судя по контексту летописи, это был небольшой укрепленный пункт, что в целом подтверждает и его описание XIX в. Название города производно от антропонима Гюргий (Юрий), что, по мнению специалистов по топонимике, может свидетельствовать о его вотчинном характере. Городище летописного Гуричева находилось на месте с. Бобровица (ныне в черте

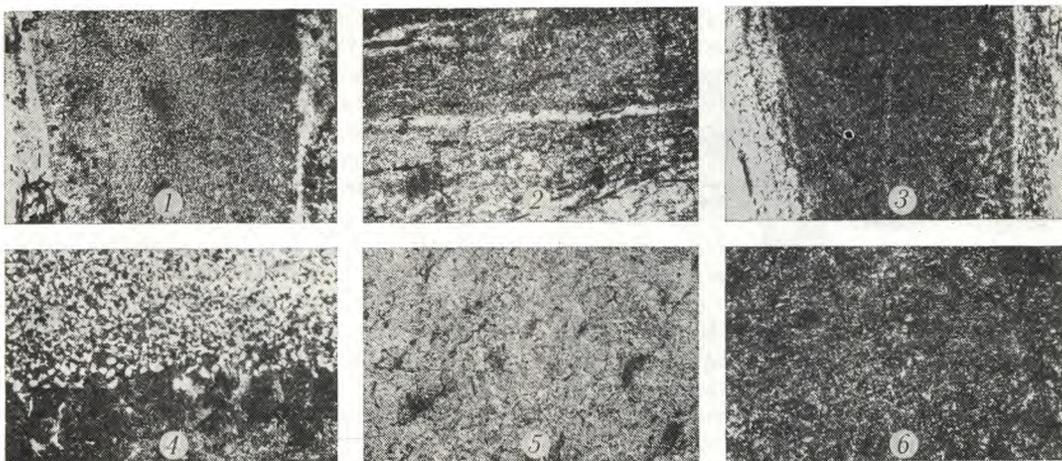

Рис. 5. Микроструктура кузнечных изделий:

1 — ан. 1597, скальпель с трехслойным клинком, Новгород-Северский, $\times 70$; 2 — ан. 1395, меч с наварными стальными лезвиями, Блестовит, $\times 70$; 3 — ан. 1679, тесло с сварным лезвием, Гуричев, $\times 70$; 4 — ан. 1536, топорик с цементированным лезвием, Лутава, $\times 200$; 5 — ан. 1395, структура наварных лезвий меча, Блестовит, $\times 200$; 6 — ан. 1679, структура сварного лезвия тесла, Гуричев, $\times 200$.

г. Чернигов), на высоком мысу правого берега р. Десна. Оно полностью уничтожено Десной и перепланировкой местности. К городищу примыкает обширный неукрепленный посад, на котором найдены обломок железной косы, ножи и их фрагменты, полукруглая ременная пряжка, тесло, лавролистный черешковый наконечник стрелы IX—XIII вв. (тип 63) ³⁰.

Наиболее замечательной находкой из Гуричева является втульчатое тесло. Этот обычный инструмент для грубых работ по дереву имеет прекрасную декоративную отделку: его втулка и спинка рабочей части инкрустированы серебряной проволокой. В технологическом отношении изделие также достаточно сложное: имеет сварное стальное лезвие, микроструктура которого (мелкодисперсный сорбитообразный перлит, микротвердость 297—322 кг/мм²) свидетельствует о том, что лезвие тесла было термообработано (ан. 1679) (рис. 5, 6). Прекрасный инструмент, несомненно, изготовленный по индивидуальному заказу богатого владельца, не случаен на месте феодальной вотчины, принадлежавшей лицу княжеско-боярского круга.

Технология изготовления остальных найденных на посаде Гуричева кузнечных изделий обычна: два хозяйственных ножа откованы целиком из стали,

оба термообработаны; пешня, серп и наконечник стрелы откованы целиком из кричного железа.

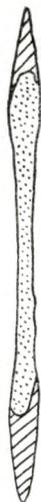
Блестовит, первое летописное упоминание под 1151 г. ³¹, ныне с. Блистова Менского района Черниговской области. Из контекста летописной статьи видно, что Блестовит входил в состав удела новгород-северского князя Святослава Ольговича: последний был здесь проездом: «велик день дея» ³². Детинец летописного Блестовита расположен на мысу высокой правобережной надпойменной террасы р. Десна. К его площадке округлой формы (40×30 м) с запада и севера примыкает окольный город (площадь 1,5 га), за которым расположены обширные неукрепленные посады.

В 1979 г. на детинце Блестовита исследовано наземное жилище с подклетом XII в. и три углубленных жилища XI в. При раскопках (в жилище XII в.) найдены: ножи; замки, их фрагменты и ключи типов Б (XII — середина XIV в.) и Г (XIII—XV вв.) ³³; вердерные скобы; шарнирные ножницы; ложкорез; токарные резцы; наконечники стрел (тип 40, X—XIV вв.; тип 43, IX — середина XIII в.; тип 63, IX—XIII вв.) ³⁴; подпружная пряжка с инкрустацией медью (тип 8) ³⁵; овальное длинное кресало XIII—XV вв. ³⁶; фрагмент удил IX—XIII вв. (тип IV) ³⁷;

Рис. 6. Меч из Блисовита. Микроструктура лезвия.

зубило. В окрестностях с. Блисова найден меч XI в. (тип S) с рукоятью, богато украшенной инкрустацией серебром, позолотой, чеканкой и чернью (рис. 6).

0 1 2 см

Рис. 7. Меч из Блисовита. Технологическая схема.

Естественно, что среди исследованных предметов из древнерусского Блисовита (15 изделий) наибольший интерес для технологического изучения представляет меч (ан. 1395). Так как меч не сохранился на всю длину, то была взята проба, представляющая полное поперечное сечение клинка (рис. 7). В результате микроскопического исследования выяснено, что технологическая схема изготовления клинка меча состоит в наварке стальных лезвий на железную основу с последующей его закалкой. Качество исполнения кузнечной наварки стальных лезвий высокое: сварочные швы тонкие, чистые, прочно соединившие железо со сталью. Микроструктура стальных наварок — мартенсит с участками феррита и сорбитообразным перлитом. Микротвердость мартенсита — 383—420 кг/мм² (рис. 5, 2). Изготовление клинка меча с наварными лезвиями из высокоуглеродистой стали — типичная технология для мечей каролингского типа. Среди 12 исследованных Б. А. Колчиным мечей, происходящих в основном из древнерусских курганов IX — начала XI в., девять имели наварное лезвие³⁸.

Среди остальных кузнечных изделий из Блисовита преобладают конструктивно несложные изделия. Целиком из

железа откованы: четыре ножа, резец по дереву, инструмент (?), два накопечника стрел, железная пластинка. Из мягкой сырцової стали откован пробойник (содержание углерода около 0,3 %). Целиком из стальной заготовки откованы овальное кресало (ан. 1368) и лезвие сабли (?) (ан. 1369); оба изделия закалены на мартенсит. Наконечник стрелы (ан. 1376), откованный из заготовки пакетного металла, где чередуются полосы мягкой стали с содержанием углерода 0,1—0,2 и 0,3—0,4 %, отличается высоким качествомковки и изяществом внешней отделки. Два хозяйственных ножа (ан. 1375, 1379) имеют наварное лезвие: оба клинка закалены на мартенсит.

Стародуб, первое летописное упоминание под 1096 г.³⁹ Древнерусское городище на территории современного Стародуба долгое время не было известно. Это дало основание О. Н. Мельниковской высказать предположение о тождественности с летописным Стародубом городища у с. Рябцево Стародубского района Брянской области⁴⁰, расположенного в 19 км от современного Стародуба.

Городище подовальной формы (106 × 60 м) расположено на северо-западной окраине с. Рябцево на мысу левого берега безымянного ручья (правый приток р. Титва). К востоку и юго-западу от городища находились его неукрепленные посады. В 1981 г. на городище проведены разведочные раскопки, показавшие, что оно было заселено в конце XI в. Последнее обстоятельство по ряду причин не позволяет отождествлять его с остатками летописного Стародуба. На городище и его посадах собрана значительная коллекция материалов XI—XIII вв.: ножи, зубила, пинцеты, наконечники, стрел, резцы и пр.

В 1982 г. работами Стародубского отряда Новгород-Северской экспедиции на территории г. Стародуб открыты слои X—XIII вв. Городище летописного Стародуба размещалось на левом берегу р. Бабинец, правого притока р. Вабла (бассейн р. Судость). В ходе работ 1982 г. найдены: железная подковообразная фибула ромбического сечения со спиральными концами X —

начала XI в.⁴¹; ключ середины XIII—XIV в. (тип Г)⁴²; ножи; пряжки; обломок панцирной пластины; наконечник стрелы X—XIV вв. (тип 40)⁴³.

Письменные источники характеризуют средневековый Стародуб как один из княжеских городов. Уже в 1906 г. он был одним из важнейших опорных пунктов Олега Святославича, способным выдержать 33-дневную осаду⁴⁴. В 1147 г. он назывался в составе владений князя Изяслава Давидовича⁴⁵.

Итак, из раскопок на городище летописного Стародуба происходят семь исследованных нами изделий. Пять из них: ключ от наружного висячего замка, фибула, ручка от ларца, ведерное ушко и обломок панцирной пластины — откованы из кричного железа. Шило — из мягкой сырцової стали, а небольшой хозяйственный нож, спинка которого украшена орнаментальными насечками, — из железа, местами науглероженного (ан. 1547). Науглероженные зоны клинка имеют мартенситную структуру, что свидетельствует о закалке ножа.

Материалы из древнерусского слоя городища **Рябцево**. Исследовано 24 предмета. Более половины из них откованы из кричного железа, иногда слабо и неравномерно науглероженного: к этой группе предметов относятся три ножа и различные мелкие кузнечные поковки: пластины, накладки, стержни и т. п.

Из хорошей высокоуглеродистой стали откованы скоба (ан. 1627); целиком из неравномерно науглероженной стали откован нож (ан. 1639), клинок которого закален на мартенсит. С использованием операции цементации откованы серп (ан. 1639) и нож (ан. 1644).

Микроскопическое исследование поперечного сечения клинка серпа позволило установить его одностороннюю цементацию — возможно, использовалась односторонняя цементация полос-заготовок. Клинок ножа (ан. 1644) имеет цементированное и закаленное лезвие, причем само острое лезвие цементировано насквозь, а ближе к спинке цементационный слой до середины толщины клинка не доходит.

Один из ножей (ан. 1640) представляет технологию трехслойного пакета

с выходом стальной полосы, расположенной в центре клинка, на лезвие. Клинок ножа закален на мартенсит. Нож (ан. 1624) откован из заготовки, сваренной из двух полос металла: железной и стальной, где содержание углерода достигает 0,6 %. Два ножа (ан. 1622, 1641) имеют наварные стальные лезвия; клинки закалены на мартенсит. Следует обратить внимание на тот факт, что у ножа (ан. 1622) прослеживается слоистая конструкция клинка, а полосы металла расположены поперек его высоты. Структура этого клинка похожа на структуру ножа (ан. 1675) из городища I в с. Малый Листвен.

Результаты проделанной работы позволяют дать общую характеристику технологическим особенностям кузнечного производства данного региона. Задача затрудняется тем, что археологическое изучение городов Чернигово-Северской земли только начинается, и собранная коллекция отражает не весь ассортимент кузнечной продукции. Кроме того, материал неравномерно распределен по памятникам. Все же имеются основания рассматривать полученные аналитические данные в совокупности, так как они характеризуют кузнечное ремесло богатых феодальных вотчин.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что технологические схемы изготовления качественных кузнечных изделий* можно свести к шести вариантам. Простейшая технология изготовления —ковка предмета целиком из кричного железа или сырцового малоуглеродистой стали, которая для кузнеца была, в сущности, тем же железом. Дополнительных технологических операций и приемов, которые могли бы улучшить рабочие качества орудий труда, у этих изделий не отмечено. Так изготовлено в рассматриваемой коллекции 65 предметов, что составляет 42 % общего количества исследованных качественных изделий.

Целиком из стали с повышенным со-

* Количественные подсчеты использования разных технологических схем произведены только среди качественных кузнечных изделий, которые в ходе их эксплуатации требуют твердых и острых лезвий или поверхностей.

держанием углерода отковано 24 изделия — 16 %. Все эти изделия подвергались термообработке.

С использованием операции цементации —поверхностного и сквозного науглероживания лезвий орудий труда или предметов вооружения — отковано 11 изделий, то есть 7 % исследованных.

Классическая схема древнерусского трехслойного пакета (в центре с выходом на лезвие или режущую грань идет стальная полоса, по бокам ее — полосы железа) обнаружена на семи изделиях — 4,5 % исследованных.

Из пакетированного сырья или вторично использованного металла также семь изделий — 4,5 % исследованных.

Один из основных технологических приемов в древнерусском кузнечном ремесле — наварка стального лезвия на железный клинок. Среди исследованных нами изделий технологическую схему наварки и вварки в нижнюю часть клинка стальных лезвий имеет 41 изделие, то есть 26 % исследованных. Как правило, все эти изделия термообработаны.

Полученные данные согласуются с выводами Б. А. Колчина, что в южнорусских землях, как и на севере Руси, существовали одни и те же технические приемы и технологические операции⁴⁶. Но об относительно одинаковой закономерности их применения, по-видимому, говорить уже нельзя. Постепенное накопление аналитического материала позволяет ставить вопрос о некотором своеобразии производственных традиций в кузнечном ремесле северо- и южнорусских городов.

Район	Цементация (%)	Трехслойный пакет (%)	Наварка и вварка стальных лезвий (%)
Новгородские земли	4	11	65
Киевщина	9	6	59
Киев	12	9	13
Чернигово-Северская земля	7	4,5	26

В таблице представлена закономерность использования технологических

приемов кузнечного ремесла в различных регионах Древней Руси (использованы данные Б. А. Колчина⁴⁷ и полученные нами).

Отметим, что значительное падение количества изделий с наварными лезвиями в исследованных нами коллекциях связано с наличием значительной доли цельносталых и, особенно, цельножелезных изделий. Возможно также, что некоторая часть найденных изделий не сохранила наварки — сохранность металла из раскопок южнорусских городов намного хуже, чем северных. Но вот более устойчивые показатели: в Новгородской земле цементированных кузнечных изделий в два раза меньше, а трехслойных или пятислойных пакетов — в два раза больше, чем в Киевской земле.

Еще более впечатляющие данные приводит Л. С. Хомутова в статье о технологическом изучении кузнечных изделий из раскопок древнекорельских городищ Тиверска и Паасо⁴⁸. Железообработывающее ремесло древних корел, как считает С. И. Кочкуркина, развивалось под прямым воздействием древнерусского и, прежде всего, новгородского⁴⁹.

Среди древнекорельских кузнечных изделий цементированные составляют 4 %, изготовленные в технике трехслойного пакета — 27 %, а с наварным или сварным лезвиями — 50 %. На основании проведенных исследований Л. С. Хомутова отмечает, что технология трехслойного пакета была основной в древнейших слоях Старой Ладogi, в Гнездове и доминировала (80 %) на поселении веси у с. Городище Белозерского края⁵⁰. Интересно, что технология трехслойного пакета, которая в новгородском ремесле исчезает к началу XII в., в древнекорельских городках процветает в XII—XIV вв. Это свидетельствует об устойчивости технологических традиций, которые не были так подвержены изменениям, как в Новгороде с его постоянно растущими требованиями массовой продукции. По мнению Б. А. Колчина, в Новгороде с 20—30-х годов XII в. наряду с вотчинным ремеслом, работающим на заказ, резко возрастает роль мелкотоварного ремесленного производства с упрощен-

ной технологией, серийностью продукции, рассчитанной на широкий сбыт не только в городе, но и в Новгородской земле⁵¹.

Благодаря исследованиям Й. Станкуса известно, что технология трехслойного пакета широко употреблялась в кузнечном производстве древней Литвы IX—XIII вв. (14 %), особенно в ее западных и центральных районах⁵².

Таким образом, вполне определенно выступает своеобразие технологических традиций в кузнечном производстве северо-западных земель древней Руси. Оно выражается в широком освоении сварных конструкций изделий из железа и стали и, прежде всего, в значительной доле среди них технологии трехслойного пакета.

В условиях культурной многоэтничности русского Севера, археологическая культура которого во многих чертах близка западнославянскому, балтскому, финно-угорскому миру, в условиях широких контактов северо-западных городов Руси со Скандинавией и другими странами Запада⁵³ трудно определить, как складывались производственные традиции в интересующей нас области человеческой деятельности. Необходимы широкие технологические исследования для более обоснованного предположения.

Что касается лесостепной зоны Восточной Европы, то планомерное технологическое изучение кузнечной продукции археологических культур I тыс. н. э. помогает наметить пути решения подобной задачи для южнорусских земель. Как показали исследования, в кузнечном ремесле племен Украинской Лесостепи в I тыс. н. э. цементация изделий и их закалка были одним из основных технологических приемов, улучшающих рабочие качества орудий труда и оружия. Мы предполагаем, что эту технологическую традицию можно связать с кельтским наследием, оказавшим глубокое влияние на развитие производства и обработки железа в Средней Европе и Лесостепи Восточной Европы⁵⁴.

Последние исследования показывают, что такая древняя технологическая традиция сохраняется в кузнечном ремесле южнорусских земель вплоть до наше-

ствия хана Батыя. Причем кузнецы Киевщины цементируют рабочую часть таких изделий, как пожницы, долота, топоры, зубила⁵⁵, которые кузнецы древнего Новгорода с X по XV в. изготавливают, почти всегда используя паварку высокоуглеродистых стальных лезвий на железную основу. Более половинны кузнечной продукции ремесленники киевских земель изготавливали целиком из железа или стали. Цельножелезных изделий так много, что теперь уже не приходится сомневаться, что они составляют значительную часть продукции, причем самую дешевую. Несколько удивляет в связи с этим небольшой процент изделий с наварными стальными лезвиями в изученной нами группе предметов. Примерно такую же технологическую характеристику имеет и кузнечная продукция из древнего Белгорода, исследованная В. Д. Гопакон⁵⁶, а также кузнечные изделия из поднепровских городищ Ржищева и Шученки, исследованные Д. П. Недопако⁵⁷.

Интересные результаты дало исследование 50 кузнечных изделий (орудий труда, инструментов, предметов вооружения) домонгольского поселения Очеретяная гора у с. Сибереж Черниговской области*. Среди них оказалось цементированных (6 ножей, коса, пожницы) — 15 %; откованных в технике трехслойного пакета (нож) — 2 %; с наварным стальным лезвием (3 ножа) — 6 % всех исследованных. Остальные изделия откованы целиком из стали, затем закалены, и из железа. Эти данные еще более подчеркнули технологические особенности металлообработки этого региона.

Итак, полученные результаты свидетельствуют о том, что основная часть продукции кузнечных мастерских княжеско-боярских феодальных вотчин Чернигово-Северской земли представляет собой конструктивно несложные изделия. Основные приемы, направленные на улучшение рабочих качеств орудий труда, — наварка стальных лезвий, цементация рабочей части и термообработка стальных изделий. Предметы, выполненные в технике трехслой-

ного пакета, встречаются редко. При общей тенденции к простоте технологических решений и сохранению старых технологических традиций среди кузнечных изделий встречаются первоклассные экземпляры. Примером могут служить тесло из Гуричева, скальпель и наконечник копыя из Новгород-Северского, выполненные высококвалифицированными мастерами по индивидуальному заказу.

Возможно, что кузнечное ремесло феодальных вотчин в технологическом плане отличалось от мелкотоварного свободного производства, связанного с постоянной рационализацией технологии и серийностью изготовления продукции. Установить такое различие — задача будущих исследований.

¹ Коллекция кузнечных изделий из Чернигова наиболее обширна и является темой самостоятельного исследования, которое авторы готовят к публикации.

² ПСРЛ, т. 2, стб. 500.

³ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси.— МИА, 1953, № 32; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, № 65.

⁴ ПСРЛ, т. 5, стб. 161.

⁵ Там же, стб. 479.

⁶ Коваленко В. П. Исследования летописного Сновска.— АО 1982 г., М., 1983.

⁷ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей.— В кн.: Новгородский сборник. М., 1982, с. 163.

⁸ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие.— М., 1966, с. 64—65.

⁹ Там же, с. 64.

¹⁰ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мопомаха и Ольговичей.— КСИА АН СССР, 1964, № 99.

¹¹ Вознесенская Г. А. Стальные ножи древнего Любеча.— Там же, 1965, № 104.

¹² Зайцев А. К. Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 79.

¹³ Коваленко В. П. Исследования летописных городов на Черниговщине.— АО 1981 г., М., 1982, с. 263—269.

¹⁴ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— САИ, 1966, Е1—36, вып. 2, с. 37.

¹⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, Е1—36, с. 77.

¹⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 162.

¹⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 302.

¹⁸ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника..., с. 65—66.

¹⁹ Там же, с. 57.

²⁰ ПСРЛ, т. 2, стб. 500.

²¹ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 64.

²² ПСРЛ, т. 2, стб. 134—136.

* Раскопки А. В. Шекуна, которого авторы благодарят за предоставленные для исследований материалы.

²³ Коваленко В. П. Исследование летописного Листвена.—АО 1980 г., М., 1981, с. 257—258.

²⁴ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 161.

²⁵ Там же, с. 160, 162.

²⁶ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 65.

²⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 473.

²⁸ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, с. 35—36.

²⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 456.

³⁰ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 74—76.

³¹ ПСРЛ, т. 2, стб. 422.

³² Там же.

³³ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 162.

³⁴ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 64—67, 74—75.

³⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника..., с. 77.

³⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 163.

³⁷ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника..., с. 16—17.

³⁸ Колчин Б. А. Черная металлургия... ПСРЛ, т. 2, стб. 220.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 173.

⁴² Там же, с. 162.

⁴³ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 64—65.

⁴⁴ ПСРЛ, т. 5, стб. 220—221.

⁴⁵ Там же, стб. 342.

⁴⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей, с. 184.

⁴⁷ Там же, с. 186.

⁴⁸ Хомутова Л. С. Технологическая характеристика кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо.—В кн.: Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л., 1982, с. 188—208.

⁴⁹ Там же, с. 77—78.

⁵⁰ Хомутова Л. С. Указ. соч., с. 206.

⁵¹ Колчин Б. А. Становление ремесла древнего Новгорода.—В кн.: Тез. докл. сов. дел. на III Междунар. конгр. славян. археологии. М., 1975, с. 54—55.

⁵² Станкус И. История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.—Вильнюс, 1974.

⁵³ Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения / А. Н. Кирпичников, Г. С. Лебедев, В. А. Булкин и др.—КСИА АН СССР, 1980, № 160; Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В. Северная Русь.—Там же, № 164.

⁵⁴ Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П. Черная металлургия и металлообработка на территории Украины рубежа нашей эры (III в. до н. э.—III в. н. э.)—Киев, 1983.

⁵⁵ Новое в археологии Киева.—Киев, 1981, с. 282—283.

⁵⁶ Гопак В. Д. Залізні вироби з стародавнього Белгорода.—Археологія, 1974, 14, с. 78—81.

⁵⁷ Любезное сообщение Д. П. Недопако.

*Н. В. Блажевич, Д. П. Недопако,
Я. Н. Пролеева*

К ВОПРОСУ О КУЗНЕЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА ГОРОДИЩАХ ИВАН И ЧУЧИН

Одним из наиболее развитых в древней Руси ремесел является кузнечное, остатки которого в виде шлаков, кусков криц, металлических полуфабрикатов нередко находят при раскопках городов XII—XIII вв. Хуже исследовано кузнечное ремесло небольших населенных пунктов, в частности южнорусских пограничных крепостей, хотя на каждом памятнике второй после керамики группой находок являются металлические изделия.

В связи со строительством Каневского водохранилища и угрозой разрушения археологических памятников в 60-е годы были проведены исследования двух древнерусских городищ — у пгт Ржищев (летописный город Иван) и у с. Балыко-Щучинка (ле-

тописный город Чучин) Кагарлыкского района Киевской области.

Городище у с. Балыко-Щучинка расположено на правом берегу Днепра и возвышается над уровнем поймы реки на 70 м. Площадь его 4,7 га, в том числе детинца — около 1 га, посада 3,7 га. Обе части были опоясаны валами и рвами. Раскопки велись в основном на площади детинца, исследовался также посад¹.

Городище, расположенное в уроч. Иван-гора на южной окраине Ржищева, возвышается над Днепром на 65—70 м. Северная часть памятника разрушена, и в настоящее время площадь детинца насчитывает 0,97 га. Южный, более пологий склон горы был усилен двумя эскарпами, на которых были выкопаны рвы. Ров и вал проходили так-

же по краю площадки городища. На южном склоне балки, ограничивающей возвышенность с юга, размещалось открытое поселение. За годы исследования памятника вскрытая площадь составила 0,5 га*.

Исследования показали, что в начальный период своего существования Иван и Чучин представляли собой военные крепости. Они, а также городища у сел Триполье, Витачев, Ходоров, Зарубинцы, г. Канева составляли в конце XI в. днепровскую оборонительную линию, имевшую большое значение в обороне Руси от кочевников². Крепости нередко осаждались половцами, а в 1223 г., в период первого похода орд Чингиз-хана на Южную Русь, они были разгромлены и сожжены. Процесс восстановления городов был прерван новым, страшным по своей силе, вторжением орд хана Батыя. Жители, забрав имущество, покинули город и отступили в более безопасные районы, чем и объясняется более слабая насыщенность материалами культурного слоя и объектов памятников (по сравнению с Воинем, Райковецким городищем). Найденный здесь разнообразный инвентарь встречен либо в жилищах, погибших от пожара, либо был утерян или выброшен на площади поселений. К сожалению, большая часть найденного материала сохранилась плохо; около 20% находок изделий из черного металла из-за сильной коррозии не поддается определению. Для технологического изучения кузнечных изделий было отобрано 76 предметов хорошей сохранности: ремесленные инструменты, сельскохозяйственный инвентарь, оружие, конская сбруя, предметы быта.

При исследовании железных изделий небольших днепровских крепостей существует опасность спутать предметы, изготовленные на месте, с привозными. Ниже рассматриваются только те находки, которые, вероятнее всего, были изготовлены местными кузнецами. Исключением является шпора, инкрустированная серебром, изготовленная, скорее всего, киевскими мастерами.

Находки на детинцах городищ в

* Авторы благодарят В. К. Гончарова за предоставленные им материалы из раскопок городища Иван.

культурном слое обломков криц, шлаков, болотной руды, некоторых ремесленных инструментов свидетельствуют о наличии кузнечных мастерских на площади поселений. Что же касается вопроса об источниках металлургического сырья, то результаты наших исследований показывают, что кузнецы Чучина и Ивана использовали кричное железо разнообразного качества. Поскольку физико-географическое окружение городищ заключало в себе все необходимые для производства железа компоненты (болотные руды, лес, река), можно с уверенностью предположить, что в непосредственной близости от городищ, в сельской округе, находился железорудобывающий центр.

Учитывая относительно небольшое расстояние между городищами в данном районе (сюда же включено древнерусское городище у с. Уляники), можно предположить наличие крупного центра по добыче железа, который обслуживал несколько поселений. Однако этот вопрос пока остается открытым: археологическими разведками в пойме р. Тетерев зафиксировано несколько небольших поселений XII—XIII вв. Раскопки двух из них у с. Лапутьки Чернобыльского района Киевской области выявили остатки сезонных металлургических мастерских, где производилась выплавка железа из болотных руд³.

Мы не располагаем данными о том, где находились металлургии центры, поставлявшие железо кузнецам Ивана и Чучина. Известно, что во избежание пожара горны удалялись от стационарных поселков. Показательны опыты, проведенные в отделе физико-химических методов Института археологии АН УССР. При моделировании сыродутного процесса, даже при естественной тяге, пламя поднималось над горном на высоту 2—3 м, а горящие частицы угля разносились ветром на значительное расстояние. Если учесть использование в сыродутном процессе мехов для нагнетания воздуха в домницу, опасность пожара еще больше возрастает. Столь же пожароопасными являлись и кузнечные горны.

Как уже говорилось, в коллекциях городищ представлены материалы, позволяющие выделить те же группы, по

Количество изделий из черного металла

Наименование изделий	Поселение	
	Чучин	Иван
I. Орудия труда, сельского хозяйства и промыслов		
Ножи	24	25
Ножницы	3	3
Косы	2	1
Серпы	7	6
Топоры	3	
Рыболовные крючки	2	5
Наральники	1	1
Лемехи	2	
Чересла	2	
II. Ремесленный инструмент		
Долота	3	1
Ложжари	2	5
Струги	3	
Пилы	1	2
Пяницы	1	
Шилья	2	
Зубила	1	
Стамески		1
III. Оружие		
Стрелы	6	10
Копья		1
Кольца кольчужные	1	
Карабин от ножен		
Кистень	1	
Перекрестье кинжала	1	
IV. Конская сбруя		
Стремена	3	5
Путы	1	
Удила	6	3
Поводные кольца	5	
Подковы	1	
Ледоходные шипы	1	
Псалии	1	
V. Домашняя утварь		
Пружины замочные	3	
Замки	6	5
Ключи	14	11
Скобы	7	
Щеколды дверные	3	
Кресала	3	
Дужки ведерные	6	6
Ушки	3	
Обручи	14	
Гвозди	43	27
Ручки от ларцов	2	1
Туалетные щипчики	1	

которым распределил кузнечные изделия Руси Б. А. Колчин⁴. Исключение составляют лишь принадлежности ко-

стюма и украшения. Набор железных изделий по городищам приведен в таблице.

Одной из наиболее частых находок на древнерусских поселениях и в городах являются ножи. На Иване их найдено 25, в Чучине — 24 экз. Для их изготовления использовался металл невысокого качества, загрязненный шлаками и недостаточно прокованный. Только в двух случаях из семи описанных анализов металл довольно чистый и плотный. Технология изготовления ножей представлена двумя вариантами: 1) простейшая схема изготовления ножа из цельножелезной или цельно-стальной заготовки: два ножа изготовлены из чистого железа (ан. 84, 97), два — из среднеуглеродистой стали (ан. 102, 132); 2) изготовление ножа путем наварки углеродистого лезвия на ферритную или низкоуглеродистую основу (ан. 130, 135, 164) известно в раннеславянское время⁵ и является наиболее распространенным у древнерусских кузнецов второй половины XIII в.⁶

В микроструктуре одного из ножей (ан. 135) отмечено наличие мартенсита. Однако в данном случае нельзя с полной уверенностью констатировать сознательное применение упрочняющей термообработки, так как мартенситная зона расположена в центре образца. Такая структура, вероятно, возникла в результате повышенного содержания углерода в центре образца, а ускоренное охлаждение привело к образованию закалочной структуры. Содержание же углерода у рабочей поверхности составляет всего 0,15—0,2%, и поэтому мартенсит здесь не образовался. Создается впечатление, что при наварке мастер перепутал концы рабочей части и науглероженную сторону приварил вовнутрь. Таким образом, на рабочей части оказалась низкоуглеродистая часть заготовки.

В микроструктуре еще одного ножа (ан. 132) также обнаружен мартенсит, но в данном случае он находится у рабочей поверхности, что позволяет считать такую технологию оправданной. Термообработка в этом случае проведена весьма умело, твердость лезвия составляет 362 кг/мм², что является оптимальным для изделий подобного вида.

Из довольно чистого кричного железа изготовлены ножницы. Лезвие формировалось путем сгибания вдвое железной полосы пакетированного металла с последующей цементацией режущей кромки и ее термообработкой (ан. 129). Данный экземпляр мы относим к древнерусскому времени условно, так как известно, что в XII—XIII вв. в основном бытовали шарнирные ножницы с разомкнутыми кольцами. Замыкаются же и свариваются (как в данном экземпляре) кольца позже, в XIV в.⁷

Следует отметить отсутствие перегретых структур, что свидетельствует о поддержании правильного температурного режима при обработке металла. Таким образом, кузнец обладал достаточно высоким уровнем профессионального мастерства, так как избежать перегрева таких тонких изделий, как ножи с максимальной толщиной металла 2—3 мм, очень трудно.

При раскопках городищ у Ржищева и Щучинки найдено 22 сельскохозяйственных орудия: 14 — на Чучине, 8 — на Иване. Из них подавляющее большинство составляют косы и серпы — 16 экз.

Схема изготовления кос одна — использование железной заготовки и последующая ее цементация. При этом термообработка производилась либо в мягкую закалочную среду, либо сочеталась с отпуском, что определяло получение оптимальной твердости рабочих поверхностей. Наральник (ан. 154) изготовлен из одной железной заготовки, без применения упрочняющей термообработки, что, видимо, характерно для изделий подобного рода. В. Д. Гопак, исследуя аналогичные предметы второй половины I тыс. н. э. из Днепровско-Днестровского междуречья, в трех экземплярах из четырех обнаружил аналогичную структуру⁸.

Многие орудия изготовлены из металла довольно низкого качества, содержащего большое количество неметаллических включений. Очевидно, относительно большие объемы металла, требуемые для изготовления сельскохозяйственных орудий, не позволяли произвести тщательную проковку, необходимую для удаления шлаковых вклю-

чений. Орудия изготовлены как из чистого железа, так и из углеродистой стали, причем количество тех и других одинаково. Следует отметить, что качество используемого материала в основном соответствует его назначению. При изготовлении таких металлоемких предметов, как серпы и наральники, не применялся прием пакетирования. Кузнец имел в своем распоряжении достаточные объемы металла.

Инструмент на городищах представлен 22 предметами, однако для исследования пригодны только 8. Исследование показало, что большинство изделий изготовлено из чистого металла. Кузнецы применяли различные виды обработки металла с целью получения необходимых свойств. Например, два ложкаря изготовлены практически по одной технологии: цементация рабочей части инструмента, что обеспечивало упрочнение режущей кромки. Аналогично изготовлена и проковка (ан. 118), но ее дополнительно подвергли закалке и отпуску. Пинцет и булавка откованы из кричного железа без применения дополнительных видов обработки изделий.

Оружие представлено наконечниками стрел, копья, а также перекрестием кинжала и обоймой от ножен. Наконечники стрел имеют различную форму. Первый — срезень с упором на прямоугольном черенке бытовал на протяжении X—XIII вв. Второй срезень, в виде узкой удлиненной лопаточки, характерен для монгольских стрел XIII в. (ан. 150). И наконеч, последний из исследованных экземпляров ромбовидной формы с наибольшим расширением в верхней части пера относится ко второй половине XI в. (ан. 159)⁹. Делать какие-либо выводы на основе столь малого количества анализов затруднительно. Как видим, для изготовления наконечников применялась в основном среднеуглеродистая сталь различного качества. Очевидно, для их изготовления использовались и отходы кузнечного производства, о чем, кроме различного качества металла, свидетельствует и наличие пакетирования в образце 150. Выделяется образец 159, изготовленный из чистого металла с последующей термообработкой.

Перекрестье кинжала (ан. 96) изготовлено из тонкой стальной неравномерно науглероженной заготовки. При ее изготовлении применялся прием пакетирования металла.

На обоих городищах найдено 26 предметов снаряжения всадника и верхового коня. Эти изделия, благодаря своей конструктивной сложности, очень хорошо показывают уровень мастерства местных кузнецов. Сказанное подтверждается удилами (ан. 93, 113, 163), изготовленными из довольно чистого металла. В данном случае мы встречаемся с материалом разнообразного сечения — круглого, квадратного, прямоугольного, причем предпочтение отдается последнему. Кузнец в достаточной мере владел и приемами перехода от одной формы к другой. Владея инструментом соответствующего назначения, мастер мог в горячую прошивать отверстия различной конфигурации и в материале различной толщины. В конструкции удила имеются отверстия круглой формы в довольно толстом стержне, а также прямоугольные отверстия в тонких пластинах.

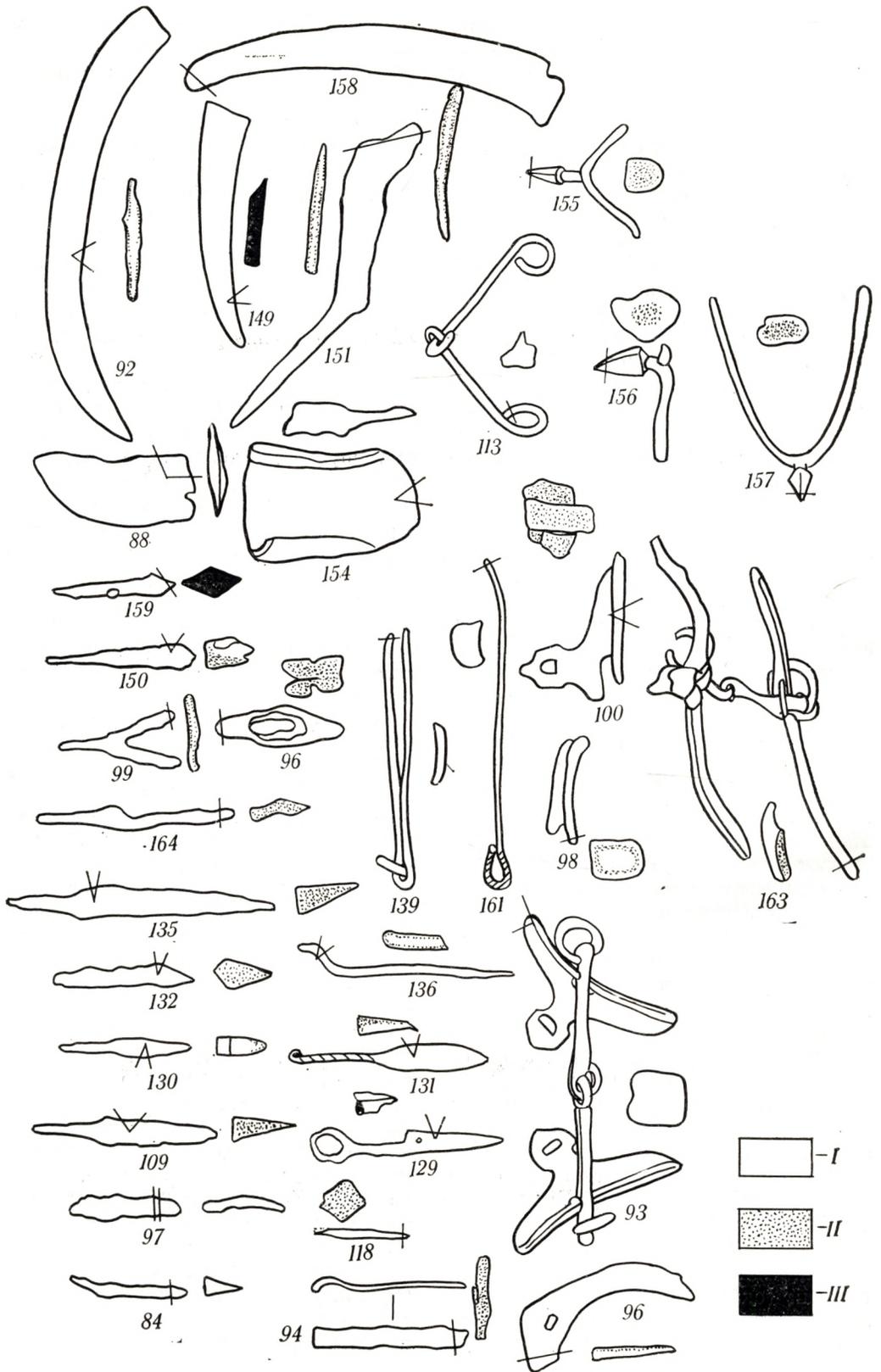
Псалии изготавливались либо из малоуглеродистой стали, либо из цементированного железа. Весьма искусно выполнена наварка на псалие упрочняющего бортика. Из малоуглеродистой стали изготавливали шпоры (ан. 155, 156, 157). Все эти факты свидетельствуют о том, что такие предметы изготовлены мастерами, обладающими высокой квалификацией и имеющими в своем распоряжении набор соответствующих инструментов. Несомненно, что такой широкий круг кузнечных, достаточно сложных, операций мог выполнить только профессионал-мастер.

Интересно наличие инкрустации серебром на шипе одной из шпор (ан. 156). Безусловно, столь богатый предмет снаряжения всадника принадлежал знатному горожанину. Технология инкрустации весьма проста, однако требует кропотливой работы. На плоскостях шипа выполнены отверстия, куда запрессованы кусочки серебряной проволоки. Однако, учитывая диаметр отверстий (около 1 мм), следует предположить, что мастер действовал весьма тонким инструментом. Операция изго-

товления отверстий могла производиться двумя способами — либо прошивкой отверстий в горячем состоянии, либо сверлением их в холодном. Прошивка отверстий в горячем состоянии, которая могла быть выполнена только в кузнице, сопряжена со значительными трудностями. Для выполнения подобной операции необходима тонкая прошивка (инструмент для пробивки отверстий), которая в процессе работы будет все время изгибаться из-за малого диаметра. Даже если этот инструмент закалить, то ввиду небольшого сечения (фактически проволока диаметром около 1 мм) при контакте с разогретым изделием он будет терять свои рабочие качества. Для выполнения операции по второй технологии необходимо очень тонкое сверло, которое могло принадлежать лишь мастеру-ювелиру. Вероятнее всего, готовая шпора была инкрустирована киевским ювелиром по заказу ее владельца.

В изготовлении предметов быта (кресало, гвозди, пружина от внутреннего замка) кузнецы использовали обычное кричное железо, включавшее большое количество шлаков.

В целом полученные при исследовании данных материалов результаты позволяют оценить уровень технического мастерства ремесленников городищ Иван и Чучин. Мастер-кузнец, обладавший высоким профессиональным уровнем, необходимым для изготовления сложных конструкций, уже не совмещал профессии металлурга и кузнеца. Более того, изготовление таких технологически сложных изделий, как конская сбруя, включавших не только простые, но и сложные кузнечные операции, очевидно, требовало помощника-подмастерья. Последний выполнял все подготовительные операции, а кузнец — наиболее ответственные этапы работы. Необходимо отметить большое разнообразие технических приемов, используемых при изготовлении изделий. Мы уже обращали внимание на это при рассмотрении технологии изготовления удила. В общем при производстве таких изделий, как ножи, сельскохозяйственные орудия, инструмент, оружие, использовались все известные к тому времени приемы обработки железа.

Во многих случаях технологические операции были целенаправлены и обоснованы. Так, термообработка применялась при изготовлении ножей, сельскохозяйственных орудий, наконечников стрел, инструментов. В то же время такая операция не применялась при изготовлении ключей, замков и конской сбруи. Кроме того, при изготовлении ножей, наконечников стрел, сельскохозяйственных орудий использовалась мало- и среднеуглеродистая сталь без термообработки. Мастерам была хорошо известна наварка стального лезвия на железную основу, используемая при изготовлении ножей, кос и серпов.

Чаще всего для упрочнения поверхности изделий применялась цементация, причем только в тех случаях, когда это было оправдано. Применение трудоемкого и непроизводительного процесса цементации подтверждает мысль о том, что данные образцы изготовлены вотчинными мастерами, обслуживающими небольшие гарнизоны крепостей и население прилегающей территории. В основном мастера использовали старые, традиционные методы, в выполнении которых было достигнуто значительное совершенство, что хорошо видно на примере изготовления кос и серпов. Цементационный слой в таких изделиях очень качественен, без перегрева основного металла, а в некоторых случаях проведена термообработка.

Необходимо отметить, что кузнецы, изготавлившие железные изделия для жителей городищ, умели соблюдать термический режим при ковке. Практически нет ни одного предмета, в котором наблюдался бы значительный перегрев. Только в единичных вещах небольшого сечения можно наблюдать незначительные участки перегрева либо очень слабый перегрев.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что местные кузнецы дифференцированно подходили к применению различных технологических операций при изготовлении определенных групп предметов.

Приложение. При исследовании мак-

ро- и микроструктуры металла использовалась обычная методика металлографического анализа. Изучение микроструктуры производилось на микроскопе МИМ-7 при увеличениях $\times 100$ и $\times 200$, макроструктура изучалась на микроскопе МБС-2 при увеличениях $\times 12,5 \times 25$. Технологические схемы изделий изображены на рис. 1.

Анализ 84. На поверхности микрошлифа ножа отмечено небольшое количество мелких шлаковых включений и пор, незначительно вытянутых от спинки ножа к лезвию. Микроструктура представляет собой мелкозернистый феррит с равноосными зернами и незначительное количество перлита. Содержание углерода составляет 0,16 %. По телу ферритного зерна наблюдаются мелкодисперсные выделения в виде четко оконтуренных светлых гранул. Средняя микротвердость составляет 210 кг/мм².

Анализ 86. Фрагмент стремени изготовлен из металла с большим количеством неметаллических включений. Микроструктура представляет собой мелкозернистый феррит. На одной боковой поверхности образца расположена науглероженная полоса со следами перегрева. Микротвердость феррита составляет 192 кг/мм².

Анализ 88. Металл, из которого изготовлен обломок косы, очень чист, содержит незначительное количество неметаллических включений. Структура металла в основном состоит из зерен феррита разного размера. К режущей кромке структура переходит в мелкодисперсную структуру игольчатого характера с микротвердостью 321 кг/мм².

Анализ 92. Металл косы содержит незначительное количество неметаллических включений. Структура металла полосчатая, феррито-перлитная. На всех поверхностях образца отмечается науглероженный слой. Микротвердость феррита 110 кг/мм², в зоне науглероженного слоя 230—250 кг/мм².

Анализ 93. Удила изготовлены из железа с содержанием углерода около 0,1 %. Металл загрязнен неметалличес-

Рис. 1. Кузнечные изделия XI—XIII вв. Технологические схемы.

I — железо; II — науглероженное железо; III — термообработанная сталь.

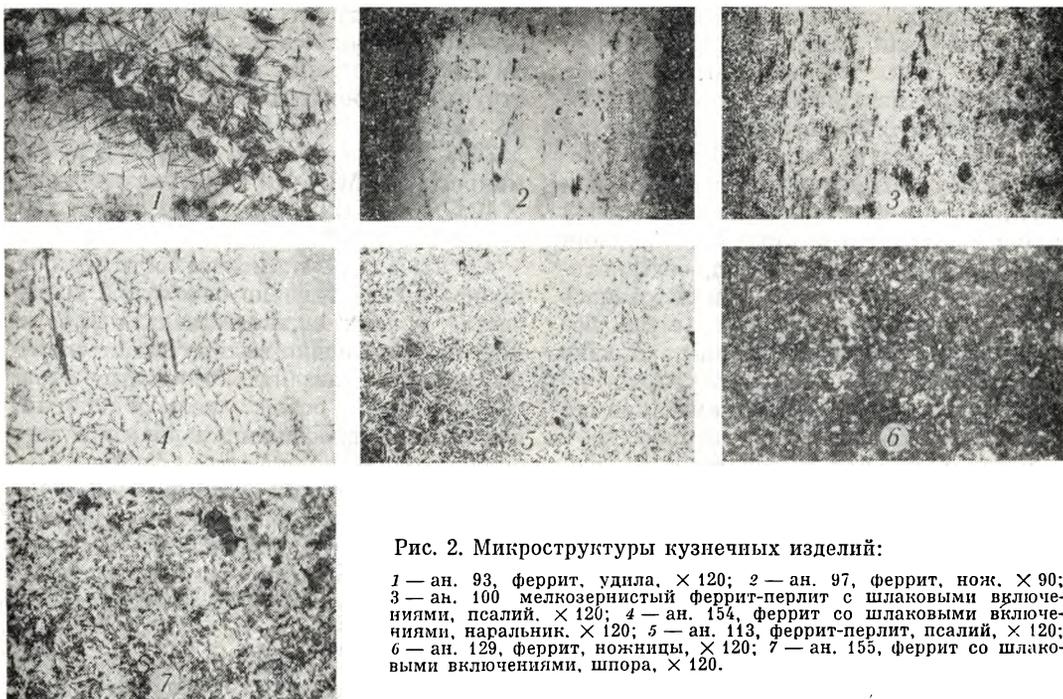

Рис. 2. Микроструктуры кузнечных изделий:

1 — ан. 93, феррит, удила, $\times 120$; 2 — ан. 97, феррит, нож, $\times 90$; 3 — ан. 100 мелкозернистый феррит-перлит с шлаковыми включениями, псалий, $\times 120$; 4 — ан. 154, феррит со шлаковыми включениями, паральник, $\times 120$; 5 — ан. 113, феррит-перлит, псалий, $\times 120$; 6 — ан. 129, феррит, ножницы, $\times 120$; 7 — ан. 155, феррит со шлаковыми включениями, шпора, $\times 120$.

кими включениями. В некоторых зернах встречаются частицы типа нитридов. Микротвердость структуры составляет $161\text{--}175\text{ кг/мм}^2$ (рис. 2, 1).

Анализ 94. Ложкарь изготовлен из довольно чистого металла. В центре образца находится зона феррита с незначительным содержанием углерода (около $0,1\%$). По краям количество углерода возрастает до $0,3\%$, микротвердость структуры составляет 175 кг/мм^2 .

Анализ 96. Металл перекрестия кинжала содержит значительное количество мелких неметаллических включений. Структура состоит из феррито-перлитной смеси со следами перегрева, зерна металла крупные. Содержание углерода колеблется в пределах $0,2\text{--}0,5\%$ и распределяется в поле шлифа неравномерно. Микротвердость составляет 128 кг/мм^2 . По центру шлифа отмечен сварной шов хорошего качества.

Анализ 97. Металл ножа сохранился плохо. Образец, взятый на полном сечении, наполовину окислен. Структура состоит из зерен феррита различного размера и мелкодисперсных выделений. Микротвердость феррита

составляет 161 кг/мм^2 . На поверхности микрошлифа наблюдается значительное количество микропор (рис. 2, 2).

Анализ 98. Образец из фрагмента псалия в сердцевине имеет микроструктуру феррита с незначительным содержанием углерода (около $0,08\%$) и микротвердостью $148\text{--}192\text{ кг/мм}^2$. Металл довольно чистый, содержит незначительное количество неметаллических включений. По всей поверхности образца отмечается науглероженная зона с микротвердостью 192 кг/мм^2 . В этой зоне отмечается перегрев металла.

Анализ 99. Металл наконечника стрелы содержит большое количество шлаков. Структура представляет собой сорбитообразный мелкодисперсный перлит с равномерным распределением углерода (около $0,3\%$) и микротвердостью 210 кг/мм^2 .

Анализ 100. Структура фрагмента псалия — мелкозернистый феррито-перлит с содержанием углерода $0,08\text{--}0,16\%$. Металл довольно грязный, микротвердость структуры $175\text{--}210\text{ кг/мм}^2$ (рис. 2, 3).

Анализ 109. Образец взят на $\frac{2}{3}$ поперечного сечения ножа. Шлаковых включений и пор мало. В центре

шлифа наблюдается большое шлаковое включение. Микроструктура представляет собой мелкозернистую феррито-перлитную смесь. Содержание углерода колеблется от 0,5 % по краям образца до 0,4 % в центре. Средняя микротвердость составляет 175 кг/мм².

Анализ 113. Металл, из которого изготовлены удила, весьма чист. Основная структура — феррит-перлит с микротвердостью 161 кг/мм². На одной стороне образца отмечается слабая науглероженность (рис. 2, 5).

Анализ 118. Проколка изготовлена из металла с большим количеством шлаковых включений. В центре образца структура представляет собой крупнозернистый феррит с микротвердостью 127 кг/мм². К краю содержание углерода возрастает до 0,5 %, структура имеет сорбитообразный характер со следами перегрева. Микротвердость 320 кг/мм².

Анализ 129. Металл ножниц чистый. Структура в основном ферритная с микротвердостью 118—127 кг/мм². На рабочей поверхности отмечается сварной шов довольно высокого качества, металл наварки имеет ферритную структуру. Режущая кромка содержит 0,5—0,6 % углерода, структура с участками игольчатого строения с микротвердостью 362 кг/мм² (рис. 2, 6).

Анализ 130. Образец взят на $\frac{2}{3}$ поперечного сечения ножа. На поверхности шлифа наблюдается большое количество мелких включений. У спинки ножа — сварной шов, расположенный поперек лезвия. Металл у спинки имеет ферритную структуру с микротвердостью 120—150 кг/мм². На наварном лезвии рабочие поверхности науглерожены (содержание углерода около 0,4 %, микротвердость 232 кг/мм²). На острие лезвия в результате протекания коррозионных процессов произошло расслоение металла.

Анализ 131. Скальпель (?) изготовлен из металла с малым количеством шлаков. Структура из феррито-перлитной смеси с содержанием углерода около 0,3 %. Углерод равномерно распределен по плоскости шлифа. Микротвердость 92—107 кг/мм².

Анализ 132. Образец вырезан на $\frac{2}{3}$ поперечного сечения ножа. На по-

верхности микрошлифа прослежено большое количество точечных включений. Микроструктура у спинки ножа — феррито-перлитная смесь с содержанием углерода 0,2—0,3 %. Микротвердость феррита 286 кг/мм², перлита — 321 кг/мм². К острию лезвия количество углерода увеличивается до 0,5—0,6 %. На этом участке шлифа наблюдается игольчатая микроструктура с микротвердостью 362 кг/мм².

Анализ 135. Металл образца, взятый на $\frac{2}{3}$ поперечного сечения, чистый. У спинки ножа отмечено наличие двух параллельных цепочек очень мелких шлаков. Последние входят в состав сварного шва, соединяющего две части ножа. Угол спинки в виде треугольника представляет собой низкоуглеродистую сталь с содержанием углерода 0,2—0,3 %. К этой небольшой полоске приварена рабочая часть лезвия, содержание углерода в которой колеблется от 0,15 до 0,5 %. Структура наварки представляет собой в основном феррито-перлитную смесь с микротвердостью в пределах от 240 кг/мм² (у острия) до 321 кг/мм² (у спинки). У самого шва содержание углерода возрастает до 0,5 %, в этой зоне наблюдается игольчатая микроструктура с микротвердостью 412 кг/мм².

Анализ 136. Металл режущей части ложка довольно чистый. В центре шлифа микроструктура феррита с микротвердостью 175 кг/мм². На поверхности шлифа количество углерода возрастает до 0,3 %, микротвердость составляет 230 кг/мм².

Анализ 139. Пинцет изготовлен из чистого железа. В поле микрошлифа отмечаются единичные точечные включения. Структура металла — феррит с выделениями второй фазы по телу зерна.

Анализ 149. Металл фрагмента серпа содержит много мелких шлаковых включений. Углерод равномерно распределен в плоскости шлифа. Структура мелкодисперсная сорбитообразная с участками игольчатости. Микротвердость сорбитообразных участков составляет 321 кг/мм², игольчатых — 473 кг/мм². Отмечено наличие многослойного пакета, выполненного очень тщательно.

Анализ 150. Наконечник стрелы изготовлен из чистого металла. Встречаются единичные шлаковые включения. Структура феррито-перлитная с содержанием углерода 0,3—0,4 %. Отмечены участки перегрева. У боковой поверхности образца имеется качественный сварной шов. Микротвердость перлита составляет 257 кг/мм², феррита — 192 кг/мм².

Анализ 154. Наральник изготовлен из металла с большим содержанием шлаковых включений, вытянутых в направленииковки. Структура — феррит с мелкодисперсными выделениями в площади зерен. Микротвердость феррита составляет 161—210 кг/мм² (рис. 2, 4).

Анализ 155. Металл шпоры с большим количеством шлаков. Структура состоит из феррита с незначительным количеством перлита (содержание углерода примерно 0,08 %). Отмечается некоторая вытянутость зерен феррита. Микротвердость структуры 127 кг/мм² (рис. 2, 7).

Анализ 156. Металл фрагмента шпоры содержит много крупных шлаковых включений. В центре образца структура представляет собой феррито-перлитную смесь с содержанием углерода 0,2 %. Микротвердость феррита 103 кг/мм². По краям образца структура крупнозернистого феррита.

Анализ 157. Металл шпоры в основном плотный, чистый. У одного края образца наблюдается скопление небольших неметаллических включений. Структура металла в центре образца состоит из феррита и перлита с содержанием углерода в пределах 0,1—0,4 %. Микротвердость феррита 161 кг/мм², перлита — 232 кг/мм².

Анализ 158. Металл фрагмента косы (серпа ?) содержит много крупных шлаковых включений, вытянутых вдоль направленияковки. Структура — крупнозернистый феррит с незначительным количеством перлита. По краям образца расположена зона зернистого перлита с содержанием углерода 0,3—0,4 %. Микротвердость феррита 148 кг/мм², перлита 210—232 кг/мм².

Анализ 159. Наконечник стрелы откован из чистого металла. Микро-структура игольчатая, мартенситного типа с микротвердостью 543—644 кг/мм².

Анализ 161. Булавка изготовлена из металла с большим количеством шлаковых включений. Структура металла представляет собой мелкозернистый феррит с микротвердостью 170 кг/мм².

Анализ 163. Удила изготовлены из довольно чистого металла. Основная структура представляет собой феррит с микротвердостью 192 кг/мм². Сбоку к основе приварена тонкая науглероженная пластинка с содержанием углерода 0,6 % и микротвердостью 257 кг/мм².

Анализ 164. Микроструктурный анализ ножа обнаружил на поверхности шлифа феррито-перлитную структуру с различным содержанием углерода. В центральной части содержание углерода составляет 0,2, на боковых поверхностях 0,3—0,4 %. Структура мелкодисперсная. На лезвии имеется сварной шов. Содержание углерода в наваренной части около 0,8 %. Структура перлитная. Микротвердость феррито-перлитной структуры 197—210 кг/мм², наваренной части 286 кг/мм².

¹ Довженко В. И. Отчет Каневской древнерусской экспедиции ИА АН УССР о раскопках Щучинского древнерусского городища. — НА ИА АН УССР, 1961—65/2.

² Довженко В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 37—45.

³ Толочко П. П. Киев и Киевская земля XII—XIII вв. — Киев, 1980, с. 163.

⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 18.

⁵ Гопак В. Д., Хавлюк П. I. Технология обработки железа у зарубинецких племен Південного Побужжя. — Археологія, 1976, 6, с. 95.

⁶ Вознесенская Г. А. Стальные ножи древнего Любеча. — КСИА АН СССР, 1965, вып. 104, с. 149.

⁷ Колчин Б. А. Указ. соч., с. 60.

⁸ Гопак В. Д. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. Днепро-Днестровского междуречья. — СА, 1967, № 2, с. 52.

⁹ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, с. 166—167.

ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ
О ДРЕВНЕРУССКОМ МУЖСКОМ КОСТЮМЕ
X—XIII вв.

Одним из важнейших источников по истории древнерусского костюма¹ X—XIII вв. являются летописи, свидетельства иностранных авторов (арабских, византийских, западноевропейских), а также памятники древнерусской литературы.

В настоящей статье делается попытка систематизировать и проанализировать разрозненные летописные сведения о древнерусском мужском костюме X—XIII вв. К сожалению, данные письменных источников, как древнерусских, так и иностранных, очень краткие и носят отрывочный характер. Это объясняется тем, что ни костюм в целом, ни его составные части, за редким исключением, не были предметом специального внимания летописцев. О них, как правило, говорится попутно, когда речь идет о каких-то более важных событиях. В большинстве случаев описываются костюмы князей и феодальной знати. В связи с этим мы рассмотрим только те письменные свидетельства, которые непосредственно касаются княжеского костюма и костюмов феодальной верхушки древнерусского общества.

В древнерусских письменных источниках встречаются названия конкретных видов одежды, обуви, головных уборов и украшений. Вопросам идентификации этих названий с конкретными элементами древнерусского костюма, засвидетельствованными археологически и изображенными в произведениях монументальной живописи и прикладного искусства, посвящены отдельные публикации и обобщающие работы², однако специальные исследования по этому вопросу отсутствуют.

Одежда. Наиболее раннее известие о княжеской одежде содержится в «Летописце Переяславля-Суздальского», где упоминаются «очервлена и багряна одѣнья, вси женчюгом исажнены», которые во сне получает древлянский князь Мал от княгини Ольги в качестве свадебного подарка³. Княжеские «пърты»⁴ представляли собой

большую ценность. Летописи неоднократно перечисляют их в числе княжеских даров и княжеского имущества: «...дая скота много и многы порты своѣ...»⁵; «многы дасть дары брату своему златомъ и серебромъ и порты разноличными...»⁶; «...разграбиша домъ княж ... злато и сребро, порты, паволокы и имѣнье ему же не бѣ числа...»⁷; «...се пришел бы товар въ руки, вам же буди кони, брони, порты...»⁸; «Мъсти-слав же одаривъ Кондрата конми красными и в сѣдлѣхъ в дивных и порты дорогими...»⁹.

Одним из составных элементов мужской одежды феодалов в X—XIII вв. летописи называют рубаху. Так, например, в «Повести временных лет» при описании трагических событий, связанных с ослеплением теребовльского князя Василька, трижды упоминается «сорочка»: «...и сволокша с него сорочку кроваву...»; «...и пощюпа сорочки и рече: Чему есте сняли с мене? Да быхъ в той сорочкѣ кровавѣ смерть приять...»¹⁰.

В княжеско-феодальном обиходе бывали две разновидности рубах — нижняя и верхняя. По летописным упоминаниям довольно трудно определить, где речь идет о нижней, а где о верхней рубахе, так как в древнерусском языке «сорочка», «сорочица», «срачица», «риза» обозначали как верхнюю, так и нижнюю рубаху¹¹. Исключение составляют только те письменные свидетельства, которые подчеркивают эту разницу: «Князь же Юрьи... прибѣже в Володимерь... в первой сорочице, подклад и тыи вывергль...»¹². «Первая сорочица» в данном случае и есть нижняя, нательная рубаха.

Верхняя рубаха знати и князей шилась, как правило, из дорогих привозных тканей — шерсти или шелка, именуемого в источниках «брачина»: «Раби его (богатого) прѣди текоуще мнози въ брачинѣ и въ гривнах златахъ...»¹³. Такие рубахи (рис. 1) по вырезу для шеи и по подолу украшались золотной

Рис. 1. Изображение светского княжеского костюма в фресковой композиции «Св. Кирилл учит цесаря», Кирилловская церковь, XII в., Киев (прорись).

Рис. 2. Изображение княжеских плащей и шапок в миниатюрах «Сказания о Борисе и Глебе» из Сильвестровского сборника, XIV в.: 1 — «Владимир посылает Бориса против печенег» (прорись); 2 — «Глеб едет на конях...» (прорись).

вышивкой — «а ще и золотомъ шито оплечье будет — оубий»¹⁴.

Одеждой князей и бояр в древнерусское время была также свита. Этот вид одежды неоднократно упоминается в источниках в перечне богатых одежд: «...И начаша искладати срачиць и свиты церскью...»¹⁵; «открыте ларѣ и покажете я члвкоу оному, чьто смоу хран ть за един свитоу...»¹⁶. Свита шилась как из теплых суконных, так и из шелковых тканей: «Свить црская и брачныя и красны видѣнием...»¹⁷; «сукно бѣло сермяжное да два сукна свиточных»¹⁸. Как видно из приведенных примеров, в зависимости от материала, из которого она шилась, свита могла быть как верхней теплой одеждой, так и видом одежды, аналогичным верхней рубахе. По мнению Г. М. Мироновой, слово «свита» в X—XIII вв. в своем первоначальном смысле означало нижнюю одежду¹⁹, а по данным И. И. Срезневского²⁰ — это может быть вид верхней одежды. Что представляла собой свита в конструктивном плане, по письменным источникам остается неясным.

В состав «пърт» и «одений» входил также плащ. В древнерусских летописях плащ-«корзно» (рис. 2, 1, 2) как вид верхней одежды знати и князей упоминается довольно часто. Так, например, в «Повести временных лет» под 1015 годом, при описании вокняжения в Киеве князя Святополка отмечается, что он, желая привлечь к себе сторонников, «...нача даяти овѣм корзна, а другим кунами и роздая множество...»²¹.

В Ипатьевской летописи под 1146 годом говорится, что князь Владимир Мстиславович при попытке защитить от киевлян Игоря Ольговича «...скочи Володимирь с коня и огорноу и корзьномъ»²². Убитого боярами князя Андрея Боголюбского также накрыли «корзно»²³.

Общий вид и способ ношения такого плаща описаны у арабского писателя ибн-Фадлана, когда он рассказывает об одежде русских купцов: «...носит какой-либо муж из их числа кису, которой он покрывает один свой бок и одна из его рук выходит из нее»²⁴.

Разновидностью плаща, употреблявшегося в княжеско-феодалном обиходе, был «мятль». В Ипатьевской летописи при описании посольства киевского князя Изяслава Мстиславича к галицко-волынскому князю Владимиру Володаревичу княжеский посол Петр Бориславич «...види Ярослава, сѣдѣща на отнѣ мѣстѣ в черни мятли...»²⁵. Разное название плащей в письменных источниках связано, очевидно, с их функциональными и конструктивно-декоративными отличиями.

В летописях дважды встречается слово «луда»²⁶ в значении богатой одежды. Впервые «луда» упоминается в «Повести временных лет» под 1024 годом при описании усабицы между Ярославом и Мстиславом Владимировичами. Предводитель варяжских наемников Ярослава Якун поразил летописца своей красотой и дорогой одеждой: «...и бѣ Якунъ съ лѣпъ и луда бѣ у него золотом истыкана»²⁷. В пылу битвы «...Якун ту отбѣже луды златоѣ...»²⁸. Вторично «луда» упоминается также в «Повести временных лет» под 1074 годом. Монах Киево-Печерского монастыря Матвей «...видѣ обиходѣща бѣса въ образѣ ляха в лудѣ и носяща в приполѣ цвѣтък, иже глаголется лѣпок»²⁹. Что представляла собой «луда» в конструктивном плане, судить трудно. Этимологически слово «луда» происходит в одном случае от древнескандинавского «lodi», что означает грубая верхняя одежда; в другом — означает ослепительную белизну, блеск и происходит от древнерусского «лудить» — обманывать, покрывать чем-то поверхность³⁰. Вероятно, «лудой» в древней Руси называли не конкретный вид верхней одежды, а любую одежду, изготовленную из яркой, расшитой золотом ткани.

Верхней одеждой князей и бояр в холодное время года был кожух. Происхождение названия этого вида одежды дается в Студийском уставе XI в.: «От кож устроенные ризы и мантиѣ, яже кожюхъ ѣсть нарицати обычай»³¹. Кожух упоминается как в летописях, так и в памятниках древнерусской литературы. В «Слове о полку Игореве» воины Игоря Святославича «...орѣтьмами и япончицами и кожюхы начя мосты мостити по болотомъ и грязивым мѣстом...»³².

Галицко-волынський князь Даниил Романович также имел «...кожюхъ...» же оловира грѣдького и круживы златыми плоскими ошить...»³³. Сведения письменных источников о кожухе не дают, к сожалению, представления о его конструкции.

Относительно поясной мужской одежды (имеются в виду штаны), то они в памятниках древнерусской письменности не имели специального названия, как правило, употреблялось слово «пърты», которое означало как мужскую поясную одежду, так и одежду вообще (рис. 1).

Обувь. Судя по летописным сообщениям, основным видом обуви в X—XIII вв. на Руси были сапоги: «Новгородци же, съсѣдавѣше съ конь и порты съметавѣше, босии, сапогы съметавѣше, поскочиша...»³⁴. Этот вид обуви был распространен и в княжеско-боярской среде. Сапоги бояр и князей изготовлялись из хорошо выделанной цветной кожи «хъза» и расшивались цветными (рис. 1), нередко золотыми нитками. Описание таких сапог имеется в Ипатьевской летописи: «...сапози зеленого хъза шити золотомъ»³⁵ носил князь Даниил Галицкий.

Головной убор. Составной частью княжеского костюма и костюма «знатного мужа» был головной убор. Сведения о нем в письменных источниках встречаются крайне редко. в X—XIII вв. княжеские головные уборы назывались клобуками. Термин «шапка» в значении головного убора появляется только в XIV в. «Клобук» как светский княжеский головной убор упоминается в древнейшем списке «Сказание о Борисе и Глебе»: «И сѣня Бярнѣ клобукъ съ князя и видѣ нѣгътъ святого и сѣня съ главы и въдасти и Святославу»³⁶; «... на отнѣ мѣстѣ» и «...в клобуцѣ» был князь Ярослав Владимирович Галицкий при встрече с Петром Бориславичем, послом киевского князя Изяслава Мстиславича³⁷. Этими двумя сообщениями и ограничивается круг летописных известий о головном уборе. Как в летописях, так и в памятниках древнерусской литературы нередко упоминается шлем. Но ввиду того что он является составной частью военного доспеха, сведения о нем нами не рассматриваются.

Пояс. Обязательным и функционально необходимым компонентом в мужской одежде феодальных слоев древнерусского общества был пояс. Его отсутствие воспринималось крайне отрицательно. В «Повести временных лет», например, говорится, что на послов князя Владимира неприятное впечатление произвел тот факт, что мусульмане «...ся покланяють в храмъ, рекше в ропати, стояще без пояса...»³⁸.

Княжеский пояс и пояс знатного дружинника были своего рода символом его доблести и богатства. Пояса были даже частью княжеских сокровищ и передавались по наследству. Так, галицко-волынский князь Владимир Василькович, будучи тяжело болен, начал раздавать свои сокровища «...и розда оубогым имѣние свое все золото и серебро и камение дорогое и поясы золотыи отца своего и серебряные и кубки золотые и серебряные самъ перед своими очима поби и поля в гривны... и розсла млсно по всей земли...»³⁹.

Несмотря на то что во время археологических раскопок найдено значительное количество серебряных и золотых бляшек из поясных наборов, а также целый ряд шиферных формочек для их отлива, конкретные данные о внешнем виде и конструкции поясов князей и дружинников в древнерусских письменных источниках отсутствуют.

Украшения. Неотъемлемой частью мужского княжеско-феодального костюма X—XIII вв. были украшения, которые вместе с металлическим поясным набором составляли так называемый металлический убор⁴⁰. Наиболее характерными мужскими украшениями в рассматриваемый период были фибулы-«сустуги», гривны, цепи-«чеши», кресты. Впервые «сустуги» как самая примечательная часть костюма древлянских послов к княгине Ольге упомянуты в «Повести временных лет»: «они же сѣдяху в перегъбѣхъ, въ великихъ сустугахъ гордящеся»⁴¹. Наиболее распространенным мужским шейным украшением была гривна. Ее носили князья и бояре, ею награждали верных слуг и особо отличившихся дружинников. В «Повести временных лет» при описании убийства князя Бориса упоминается большая золотая гривна отрока Ге-

оргия, которую князь «възложилъ на нь»⁴². Мужские украшения упоминаются и в Ипатьевской летописи: «...бъюче же Михайла отторгоша на нем хрест и с чепми, а в нем гривна золота...»⁴³. Шейные украшения были символом знатности и богатства, их носили одновременно по несколько штук: «...главу его сосъкоша, трой чеши сняше золоты...»,— говорит летописец, описывая убийство княжеского придворного Михалка Скулы⁴⁴.

В княжеско-феодальном быту имел место обычай носить серьгу в одном ухе. Так, византийский историк Лев Дьякон, описывая костюм князя Святослава, отмечал, что «в одном ухе у него висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином посредине»⁴⁵. Такие серьги представляли собой, по мнению Г. Ф. Корзухиной, кольцо с нанизанными на него металлическими бусами. Они известны в ряде погребений дружинников X в.⁴⁶ Этот обычай зафиксирован письменными источниками и в более позднее время. В XIV в. великий князь московский Иван Иванович завещал своим сыновьям, кроме прочих предметов мужского убора, по «серге с женчугом»⁴⁷.

Вопросы идентификации летописных названий украшений с конкретными археологическими находками (по материалам кладов) рассматривались в свое время Г. Ф. Корзухиной⁴⁸. Сделанные ею выводы стали основой для дальнейших исследований в этом направлении.

Атрибутами светской власти в древнерусское время были диадемы и бармы⁴⁹. Это подтверждается как археологическими находками, так и изображениями древнерусских князей и членов их семей на монетах, миниатюрах, фресках. Но в памятниках письменности X—XIII вв. конкретных сведений о них нет.

В результате рассмотрения приведенных примеров можно сделать вывод, что в X—XIII вв. светские костюмы древнерусской знати и князей сохраняют элементы, характерные для восточнославянского костюма. Такими были: сорочка, свита, штаны, плащ, кожух, сапоги, шапка-клобук и характерные украшения. Сказанное подтверждается

как археологическими материалами, так и памятниками прикладного и изобразительного искусства.

Только со второй половины X в. в результате более тесных культурных связей с Византией и принятием на Руси христианства как государственной религии в обиходе феодальной верхушки древнерусского общества начинают в большом количестве использоваться привозные шелковые и парчевые ткани. В это же время оформляется и парадно-официальный княжеский костюм, в котором изображают князей в храмовых росписях. Отдельные элементы этого костюма (а именно длинная, до середины голени туника или «основная одежда»⁵⁰, богато украшенная золотым шитьем), были заимствованы из церемониального костюма византийских императоров. Но в повседневной жизни и в военных походах традиционные восточнославянские элементы в костюме древнерусских князей и феодальной знати продолжают преобладать, что явствует из рассмотренных письменных свидетельств.

Отметим, что сбор и анализ письменных данных о древнерусской одежде, обуви, головных уборах и украшениях необходимы для изучения истории древнерусского костюма, комплексное исследование которого предусматривает также рассмотрение археологических материалов и памятников прикладного и изобразительного искусства.

¹ Понятие «костюм» включает в себя собственно одежду, обувь, головной убор, украшения, атрибуты светской и духовной власти.

² Арциховский А. В. Одежда.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, с. 234—262; Горзухина Г. Ф. Русские клады.— М., 1954, с. 50—62; Лукина Г. Н. Названия предметов украшений в языке древнерусской письменности XI—XII вв.— В кн.: Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974, с. 246—261; Миронова Г. М. Загальні назви одягу в давньоруській мові.— Мовознавство, 1977, № 1, с. 50—58; Миронова Г. М. Назви верхнього одягу в давньоруській мові.— Там же, № 6, с. 77—83; Миронова Г. М. Назви конкретних видів одягу в пам'ятках давньоруської мови.— Укр. мовознавство, 1978, вип. 6, с. 107—116.

³ Летописец Переяславля-Суздальского.— М., 1851, с. 11.

⁴ Сужение семантики этого слова происходит только в XV в. См.: Филин Ф. П. Лексика литературного языка древнекиевской эпохи: (По материалам летописей).— Учен. зап. Ле-

нингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1949, т. 80, с. 161.

⁵ ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 250.

⁶ Там же, 1858, т. 7, стб. 128.

⁷ Там же, 1962, т. 1, стб. 379.

⁸ Там же, стб. 495.

⁹ Там же, т. 2, стб. 908.

¹⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950, т. 1, с. 173.

¹¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 3, с. 478—479.

¹² ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 499.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 1, с. 175.

¹⁴ ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 495.

¹⁵ «Изборник» 1076 г.— М., 1965, с. 693.

¹⁶ Там же, с. 694.

¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, с. 275.

¹⁸ Там же, с. 276.

¹⁹ Миронова Г. М. Названия одежды в древнерусском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук.— Киев, 1978, с. 5—15.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, с. 275.

²¹ ПВЛ, т. 1, с. 95.

²² ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 351.

²³ Там же, стб. 591.

²⁴ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.— Спб., 1870, с. 93.

²⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 464.

²⁶ Слово «луда» разными исследователями переводится по-разному: плащ, шлем, латы, маска, верхняя одежда. См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, с. 49; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах.— Спб., 1908, с. 646; Крымский А. Е. Древнекиевский говор.— Изв. ОРЯС, 1906, т. 11, кв. 3, с. 396; ПВЛ, т. 2, с. 371.

²⁷ ПВЛ, т. 1, с. 100.

²⁸ Там же, с. 100.

²⁹ Там же, с. 126.

³⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т. 2, с. 528.

³¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, с. 1246.

³² Слово о полку Игореве.— М.; Л., 1950, с. 13.

³³ ПСРЛ, т. 2, стб. 814.

³⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л., 1950, с. 56.

³⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 814.

³⁶ Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им.— Спб., 1916, с. 56.

³⁷ ПСРЛ, т. 2, стб. 464.

³⁸ ПВЛ, с. 75.

³⁹ ПСРЛ, т. 2, стб. 914.

⁴⁰ Корзухина Г. Ф. Русские клады.— М.; Л., 1954, с. 52—72.

⁴¹ ПВЛ, т. 1, с. 41.

⁴² Там же, с. 91.

⁴³ ПСРЛ, т. 2, стб. 352.

⁴⁴ Там же, стб. 733.

⁴⁵ Багалей Д. История Льва Диакона как источника для русской истории.— Киев, 1878, с. 26.

⁴⁶ Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 59.

⁴⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813, т. 1, с. 40—43.

⁴⁸ Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 54—62.

⁴⁹ Толочко П. П. Про приналежність і функціональне призначення діадем і барм в

Древней Руси.— Археология, 1963, т. 15, с. 145—163.

⁵⁰ Впервые этот термин был введен А. В. Арциховским. См.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 250.

В. А. Куницкий

ПРЕДМЕТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ БЕЛГОРОДА- ДНЕСТРОВСКОГО

История археологических исследований Белгорода-Днестровского насчитывает несколько десятилетий, но только в последнее время объектом систематического изучения стали его средневековые слои. Главным результатом раскопок 1977—1982 гг. явилось обнаружение археологических материалов, принадлежащих к древнерусским древностям: остатки жилых и хозяйственных построек, фундаменты одноапсидного храма XII—XIII вв., на месте которого в XV в. была построена турецкая мечеть; различные предметы быта и военного снаряжения.

Особый интерес представляют энколпионы, найденные на территории крепости при ремонтно-реставрационных работах.

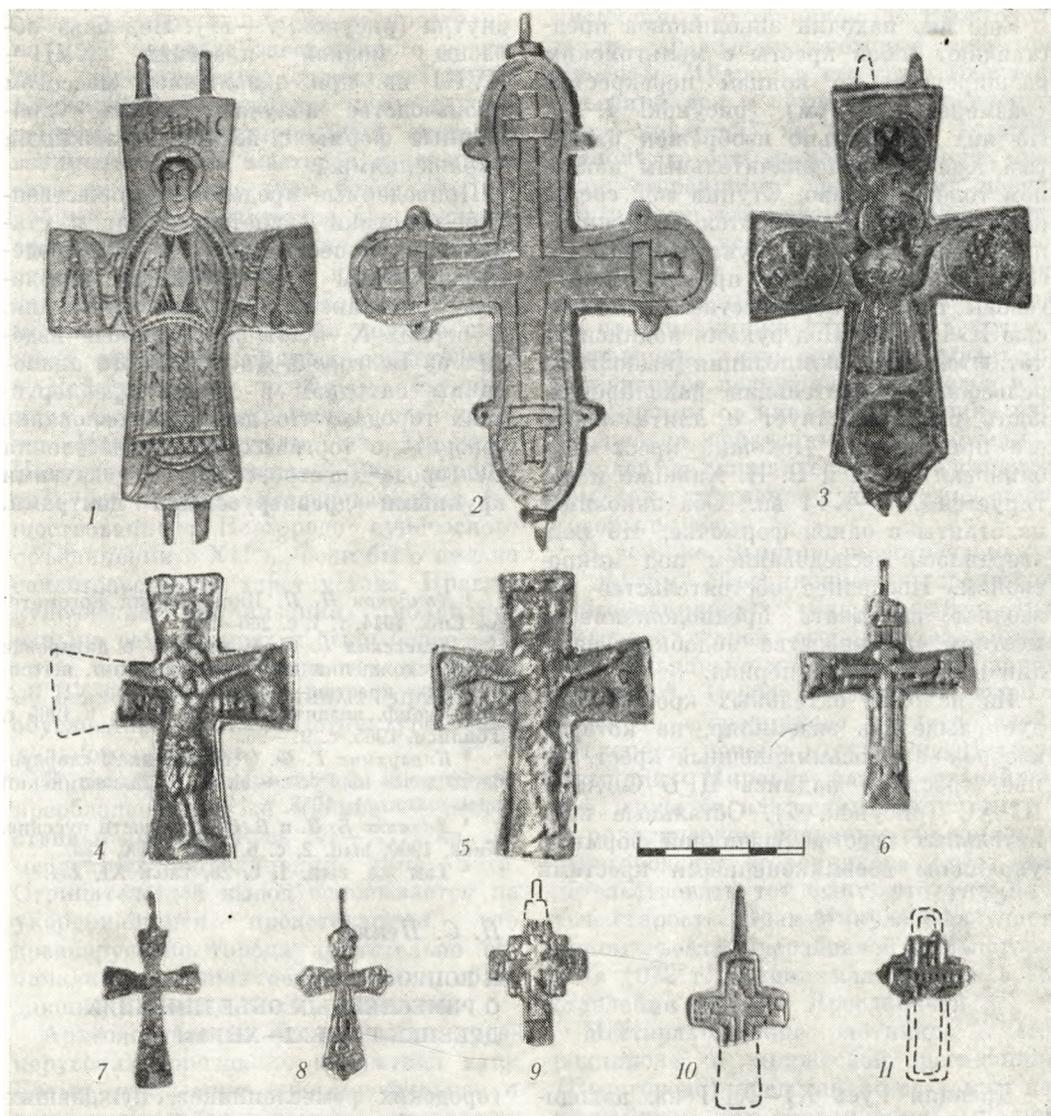
От первого энколпиона сохранилась четырехконечная лицевая створка с чуть расширенными концами (рисунок, 1). Размеры креста 7,2 × 4,8 см. На гладкой поверхности выгравирована фигура святого в позе орант, с удлиненными пальцами рук. Возле правой руки на продолжении перекрестия помещено кадило, а возле левой — ложка для причастия. Вверху над нимбом греческая надпись ИОАИΝ С. Одежда святого испещрена узорами. На всех известных крестах подобного типа фигуры выполнены довольно схематично. И все же отметим, что во всех экземплярах чувствуется уверенная рука мастера, изготовлявшего эти кресты.

Крест выполнен особенно тщательно, орнамент проработан хорошо и вместе с опубликованными Н. П. Кондаковым¹ энколпионами может считаться типичным для памятников этого типа. Рассматриваемый энколпион относится к так называемому сирийскому типу, для которого характерны именно такая

форма креста, сюжет изображения, греческая надпись и техника нанесения рисунка. То, что сирийские энколпионы составляют отдельную группу памятников, ни у кого из исследователей не вызывает сомнения. Но исследователи недостаточно уделяли внимания вопросам, где именно изготовлялись кресты и каковы были пути их распространения. Отчасти это объясняется тем, что большая часть находок является случайными, часть из них депаспортизирована, не все известные находки введены в научный оборот.

Сирийские энколпионы распространены по всей территории Европы. В СССР они найдены в Киеве, Княжей горе, Херсонесе, Гнездове, Белой Веже. В дореволюционное время исследователи считали, что эти кресты распространялись из Сирии и Палестины в VI—VII вв.² Датировка основывалась, в первую очередь, на стилистических особенностях изображений отдельных найденных экземпляров крестов из музеев и частных коллекций. Более поздние исследования не внесли корректив относительно центров изготовления сирийских крестов, но на основании археологических находок крестов в точно датированных комплексах (в Херсонесе и Гнездове) Г. Ф. Корзухиной была изменена их датировка. Она считала возможным датировать их X—XII вв.³ Описываемый нами экземпляр очень близок к крестам из Гнездова и Белой Вежи и, видимо, может быть датирован X—XII вв.

Второй энколпион (сохранилась только обратная створка) найден при раскопках в 1980 г. возле фундамента храма XII—XIII вв. (рисунок, 2). Его размеры 8 × 6,7 см. На нем штихелем прорезан 12-конечный крест. Энколпи-

Энколпионы и нательные крестики из г. Белгорода-Днестровского:

1—5 — энколпионы; 6—11 — нательные крестики.

он имеет устойчивую форму (концы перекрестий с почковидными выступами и закруглениями), сходную с широко известными киевскими образцами XII—XIII вв. Белгород-Днестровский крест, вероятнее всего, был привезен из Киева, являвшегося законодателем мод на Руси в области прикладного искусства и поставлявшем свою продукцию на широкий рынок.

Другой энколпион хранится в Белгород-Днестровском историческом музее (размеры 7 × 5 см) и представляет со-

бой четырехконечный крест с чуть расширенными концами (рисунком, 3). На нем помещено широко распространенное в христианском мире изображение божьей матери в позе оранты. По четырем сторонам перекрестий — медальоны с погрудным изображением евангелистов. Вся композиция выполнена в технике низкого рельефа. Аналогичный энколпион, найденный под Каневом, имеется в собрании Б. И. и В. Н. Ханенко и датируется XII—XIII вв.⁴

Еще две находки энколпионов представляют собой кресты с мальтийским расширением по концам перекрестий (размеры 5 × 4 см) (рисунок, 4—5). На них фронтально изображен распятый Христос с незначительным наклоном головы вправо. Ступни ног соединены пятками и опираются на нижнюю перекладину, правая рука немного согнута в локте, левая — прямая. Вокруг головы нимб с перекрестием и надписью IC ЦР ХС. Под руками надписи не читаются. Вся композиция выполнена рельефно. Значительная заполированность свидетельствует о длительности его применения. Похожий крест опубликован Б. И. и В. Н. Ханенко и датируется XV—XVI вв.⁵ Оба энколпиона отлиты в одной формочке, что подтвердилось исследованием под микроскопом. Последнее обстоятельство позволяет высказать предположение о местном производстве подобных изделий в отмеченный период.

Из находок нательных крестов следует выделить экземпляр, на котором изображены восьмиконечный крест, копье, трость и надпись ЦРЬ СЛАВЫ IC ХС (рисунок, 6). Остальные пять нательных крестов различной формы и украшены восьмиконечными крестами

внутри (рисунок, 7—11). Подобные образцы мелкой пластики XVII—XVIII вв. при налаженном массовом производстве получают общие упрощенные формы с весьма несложными украшениями.

Приведенные предметы художественной пластики свидетельствуют о стабильном существовании в Белгороде-Днестровском в X—XVIII вв. населения христианского вероисповедывания. В период X—XIII вв. подобные изделия из Белгорода-Днестровского аналогичны находкам в других древнерусских городах, что дает нам основание говорить о торговых связях населения Белгорода-Днестровского с другими крупными древнерусскими центрами.

¹ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Спб., 1914, т. 1, с. 260—263.

² Залесская В. Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т. н. «сирийских» крестов.— В кн.: Тез. докл. VII Всесоюз. конф. византистов в Тбилиси в 1965 г. Тбилиси, 1965, с. 91—93.

³ Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси.— М., 1958; Византийский временник. М., 1958, т. 14, с. 132.

⁴ Ханенко Б. И. и В. Н. Древности русские. Киев, 1900, вып. 2, с. 6, табл. XIX, 223.

⁵ Там же, вып. 1, с. 26, табл. XI, 134.

П. С. Пеняк

К ВОПРОСУ О РЕМЕСЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI—XIII вв.

Древняя Русь XI—XIII вв. находилась на таком уровне социально-экономического развития, когда ремесло уже выделилось в особый хозяйственный уклад. Территориальное обособление, появление мастерских и ремесленных кварталов, высокий технологический уровень, профессионализм ремесленников, товарный характер производства — вот главные черты древнерусского ремесла XI—XIII вв.

Характерной особенностью средневекового ремесла была его цеховая организация — объединение ремесленников определенных профессий в пределах данного города в особые союзы — цехи. Цехи возникли как организации самостоятельных мелких производителей —

городских ремесленников, нуждавшихся в объединении для борьбы против феодалов и защиты своего ремесленного производства от конкуренции вновь прибывших беглых крестьян. В числе причин, обусловивших необходимость цехов, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали также потребность ремесленников в общих рыночных помещениях для продажи товаров и необходимость охраны общей собственности ремесленников на определенную специальность или профессию¹.

При весьма широком распространении цеховой системы нельзя все же считать ее универсальной. В ряде стран Западной Европы, в том числе и в средневековой Руси, цеховая система

была сравнительно мало распространена и не достигла завершенного развития. Предполагать существование в Киевской Руси развитых цехов с уставами и регламентированной системой взаимоотношений мастеров и учеников едва ли возможно (тем более, что подобные цехи характерны для позднего средневековья), но о зачатках ремесленных объединений в крупных городах Киевской Руси говорить все же можно. При этом нас не должно смущать отсутствие прямых свидетельств в источниках о подобных объединениях. Случайно сохранился устав церкви Ивана Предтечи на Опоках². Нетрудно представить, как отрицалось бы многими исследователями существование в Новгороде купеческого объединения в XII в., если бы о нем не свидетельствовал текст устава. Правда, купеческие организации появились раньше ремесленных и были более развиты, но возникновение тех и других не зависело от случайных причин, а обуславливалось самой структурой феодального общества.

В целом в исторической литературе преобладает все же мнение об отсутствии в древней Руси XI—XIII вв. ремесленных объединений типа цеха. Отрицательный вывод основывается на укоренившемся представлении, что древнерусские города значительно отличались от западноевропейских, обладавших высокоразвитым ремеслом.

Археологические исследования древнерусских городов до нашествия хана Батая, открывшие многопрофильное и развитое посадское ремесло, позволяют вновь обратиться к вопросу о ремесленных объединениях в древней Руси. Б. А. Рыбаков, В. А. Колчин, М. Н. Тихомиров, Ф. Д. Гуревич³ высказались в пользу зарождения ремесленных объединений цехового типа на Руси еще до нашествия Чингиз-хана. Впоследствии, как считают, этот процесс был прерван нашествием орд Батая, из-за чего не смог получить полного развития, и только в XIV в. в связи с общим подъемом хозяйственной и общественной жизни русских городов он возродился вновь.

О зачатках ремесленных объединений в Киевской Руси имеются данные

письменных источников. В Вышгороде жили «древодели», которые уже при Ярославе Мудром и его сыне Изяславе объединились в артель (по древнерусски — дружина) во главе со «старейшиной», то есть старостой. «Князь призвав старейшину древоделям, повеле ему церковь възградити... старейшина же ту абие сбра вся суцая под ними древоделья...»⁴ На украшение церкви Изяслав дал часть княжеской дани: «даю им от дани княжи украсити церковь»⁵. Выражение «даю им» показывает на независимое положение древоделов и их старейшины от князя. Старейшина распоряжался действиями всей артели и являлся ее юридическим представителем, так как именно с ним велись переговоры о работе.

В том же Вышгороде встречаемся и с другим объединением — городников («огородников»): «бяше человек Вышегороде старей огородником, зовемь бяше Жьдан по мирскому, а хрыщени Никола»⁶. Особое положение вышгородских «городников» и «древоделей» объясняет, почему в сказании Нестора «градник» Миронег назван старейшиной, «иже бе властелин граду тому»⁷. О политическом значении объединения вышгородских «городников» может свидетельствовать тот факт, что упомянутый староста Ждан-Микула был участником съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г. и принимал участие в составлении Правды Ярославичей⁸.

Местонахождение плотников и «городников» в княжеской резиденции (Вышгороде) представляется также неслучайным. Эти объединения выполняли крупные, преимущественно княжеские, заказы.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что ранний период в истории цехового строя передовых стран Европы, в том числе и Руси XI—XIII вв., до появления корпоративных уставов известен недостаточно, и предложил свое понимание ранних корпораций. Им выделен ряд признаков, характерных для ранних ремесленных объединений, которые свойственны не только корпорациям древней Руси, но и странам Западной Европы того периода, когда цехи еще не имели писаной регламентации. Необходимым условием для

создания корпорации являлось совместное поселение ремесленников в городе по профессиональному признаку. Поселок ремесленников одной специальности являлся как бы территориальной общиной со своей юрисдикцией, выборной администрацией и военной организацией. Внешними признаками первоначального ремесленного объединения являлись совместные пиры в определенные дни года (обычно в честь христианского патрона данного ремесла) и постройка патрональной церкви⁹.

Одна из предпосылок образования цеха — концентрация ремесленников определенных профессий в определенных кварталах города, получивших соответствующее название. Так, в Киеве существует уроч. Гончары, расположенное в районе Подола¹⁰. Гончарный конец составлял значительную часть Новгорода и получил название, несомненно, от постоянных поселений гончаров. Там же большая часть торговой стороны называлась «в плотниках», откуда позже произошло название Плотницкого конца¹¹. В Любече известно уроч. Гончары¹². В Переяславле летопись упоминает «Кузнечные ворота»¹³.

Большая часть признаков, свойственных ранним ремесленным объединениям, может быть установлена по археологическим материалам. Так, например, концентрация ремесленников, занимавшихся обработкой металлов, прослеживается в Вышгороде¹⁴ и Суздали¹⁵; гончаров — в Вышгороде¹⁶ и Василеве¹⁷, Белгороде-Киевском. Важные данные для обоснования существования древнерусских ремесленных объединений получены в итоге исследования окольного города Новогрудка. Территорию этого окольного города занимали дерево-глинобитные дома, где сохранились следы обработки цветных и благородных металлов. Подобной обработкой в небольшом объеме занимались почти в каждой из открытых построек¹⁸. Богатство квартала ювелиров окольного города Новогрудка могло возникнуть благодаря обработке золота, что, в свою очередь, породило замкнутость златокузнецов и могло способствовать рождению ремесленной корпорации¹⁹.

При отсутствии цеховых документов

внешними признаками цеховой организации, как отмечалось выше, являются совместные пиры в определенные дни года, проведение праздников, постройка патрональной церкви. «Сказание о Борисе и Глебе» сообщает, что в Вышгороде «старей огородникам» Ждан «творяше празднство святому Николе по вся лета»²⁰. Отметим, что пир, устроенный старостой, не был широко доступен и носил замкнутый характер.

Пиры, по-видимому, были неотъемлемой частью жизни новгородских ремесленников. В каждой из исследованных построек обнаружены остатки причерноморских амфор, бокалы, кубки, иногда по восемь—десять экземпляров, служивших, в первую очередь, тарой для вина, меда и других напитков²¹.

Признаком цеха является также постройка патрональной церкви. Христианскими патронами кузнецов в древней Руси считались Кузьма и Демьян. В Новгороде церкви Кузьмы и Демьяна упоминаются с середины XIII вв.: «на Кузьмодемьянской и Холопией улицах»²².

Зачатки ремесленных объединений в древнерусских городах видим в существовании организаций «улиц», «концов», «сотен», «рядов», точное понимание значения которых дает возможность до некоторой степени ответить на вопрос о существовании ремесленных организаций. Концентрация ремесленников в отдельных городских кварталах объясняет то значение, какое в XI—XIII вв. в городской жизни играли так называемые концы. Это были по мнению А. В. Арциховского самоуправляющиеся районы, из соединения которых состоял русский город²³. Археологические раскопки в Новгороде, как и письменные источники, свидетельствуют о расселении ремесленников по всем пяти концам, причем наблюдается иногда определенная группировка специализированных ремесленников по улицам²⁴. А. В. Арциховский предполагал, что заселение Гончарского конца гончарами восходит по меньшей мере к XII в., а Плотницкого плотниками — к XI—XII вв.²⁵

Ремесленная деятельность сосредоточивалась не только в «концах», но и в более мелких подразделениях — «ря-

дах, «улицах». Слово «ряд» обозначало торговый ряд, отсюда мнение, что словом «рядович» в Новгороде называли купца. Для средневековья характерно соединение торговли с ремеслом, поэтому организация «рядовичей» могла быть и организацией ремесленников. В «рядах» можно было не только купить, но и заказать товар. «Рядовичи» могли жить на одной улице, и тогда территориальное объединение совпадало с профессиональным. Во главе таких объединений стояли выборные «рядские» старосты. Вместе с другими мастерами они решали вопросы, связанные с выполнением заказов, распределением лавочных мест и т. п.²⁶ В этом они были подобны зависимым цеховым общинам Западной Европы.

Если «ряд» — это объединение купцов или ремесленников, торгующих продуктами определенных отраслей производства, то «сотня» может быть как профессиональным, так и территориальным объединением. «Духовная Климентова Новгородца» второй половины XIII в. упоминает «купецкое сто»²⁷. Возможно, могли существовать и не купецкие сотни. Действительно, летописец, рассказывая о восстании 1230 г. в Новгороде, упоминает, что имущество разграбленных бояр «по стам разделиша»²⁸. Судя по формуле договоров с князьями («кто купецъ, пойдет в свое сто») ²⁹, сотни объединяли купцов, а принимая во внимание, что купцами часто являлись те же ремесленники, — то и последних.

Посадский ремесленник, подобно крестьянину, был мелким производителем, который имел орудия производства, вел самостоятельно свое хозяйство, основанное на личном труде, и имел своей целью не получение прибыли, а добытие средств к существованию.

Ремесленнику обычно помогала в работе его семья. Вместе с ним работали один или два подмастерья и один или несколько учеников. Широкая специализация ремесла, вызванная сложной и разнообразной технологией производства многочисленных орудий труда, оружия и инструмента, позволяет ставить вопрос о производственном обучении и трудовой организации внутри ремесла, то есть об институте ученичества и подмастерьев. Организация

ученичества, несомненно, находилась в ведении ремесленных объединений, которые стремились придать ремеслу систематический и организованный характер.

Письменные памятники древней Руси свидетельствуют о довольно четком делении ремесленников некоторых специальностей на мастеров и учеников. Известно существование института ученичества в иконописании и сапожном ремесле³⁰. В рассказе «Киево-Печерского патерика» об Алимпии-иконописце речь идет о том, что Алимпий «предан бывать родителю своим на учение иконнаго писания»³¹.

В «Богословии св. Иоанна Дамаскина», памятнике XII в., читаем: «Швьдь показывает оученику, како резальник дръжаще, резати оусъм и, конгоу дръжащи, шити сапоги»³². Русскому переводчику «Златоструя» в XII в. были вполне ясны слова сборника «многажды ремесвьтник клянеться не дати оученику не ясти, ни пити»³³. В «Псковской судной грамоте» XIV—XV вв. описывается незавидное положение учеников, всецело зависевших от своих хозяев. По-видимому, такое зависимое положение сложилось уже в XI—XIII вв., потому что ученичество рассматривается в грамоте как давно существующее обычное явление. В ней помещено такое правило: «А который мастер иметь сочить на ученики учебнаго, а ученик запрется, иноволя государева, хочет сам поцелуй на своем учебном или ученику верить»³⁴. Из статьи «Псковской судной грамоты» видно, что отношения между учеником и мастером регулировались законом. Мастер имел право получить с ученика «учебное» — плату за обучение и содержание ученика во время его ученичества. Псковское законодательство оберегало интересы мастеров, отдавая учеников в их полное распоряжение. Само появление статьи об учениках в «Псковской судной грамоте» свидетельствует уже о том, что конфликты между мастерами и учениками были в Пскове явлением обычным, как и в странах Западной Европы.

Что касается слова «подмастерье», то оно в древнерусском языке не известно. Возможно, оно подразумевалось под

словом «уот» или «ученик». Так, под 1259 годом Ипатьевская летопись сообщает о построении города Холма Даниилом Галицким. Князь Данило начал созывать к себе ремесленников из всех окрестных земель и «идяху день и во день и уноты, и мастера всяции бежаху и с татар: седельницы и лучницы и тулници и кузнеце железу и меди и серебру и бе жизнь и наполниша двори окрест града, поля, села...»³⁵.

В этом описании нового города, в который ремесленники вдохнули жизнь, характерно противопоставление «уотов» (юных, молодых) мастерам. Слово «уот» обозначало юношу, но в данном случае, по-видимому, имело другое специфическое значение — ученика или подмастерья, так как далее разъясняются те ремесленные специальности, которыми владели бежавшие в Холм «уоты» и мастера (седельники, лучники и др.).

Таким образом, свидетельства письменных и археологических источников о существовании института ученичества, высокой концентрации ремесла на городских посадах, широкий специализации и дифференциации ремесла, о связи последней с рынком могут служить доказательством того, что в крупных городах древней Руси и в дозолотореволюционное время существовали ремесленные организации цехового типа. Появление их приходится на раннюю стадию оформления ремесленных организаций, когда не было еще необходимости в официальном оформлении цеха особым уставом или грамотой. Такие объединения существовали столетиями и не оставили письменных документов, так как их существование определялось обычным правом.

¹ Маркс К. Немецкая идеология. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 23. 50—51.

² Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. — В кн.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 160—163.

³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948; Тихомиров М. Н. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI—XV века). — ВИ, 1945, № 1; Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1953, вып. 32; Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. — М., 1979.

⁴ Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба. — Пг., 1916, с. 17, 54.

⁵ Там же, с. 21.

⁶ Успенский сборник XII—XIII вв. — М., 1971, с. 55.

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902, т. 2, с. 607.

⁸ Краткая Русская Правда (по академическому списку XV в.). — В кн.: Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 80.

⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 737—738.

¹⁰ ПВД, ч. 1, с. 40.

¹¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950, с. 43, 237.

¹² Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — КСИА АН СССР, 1964, вып. 99, с. 21.

¹³ ПСРЛ, т. 2, стб. 381.

¹⁴ Довженко В. И. Розкопки древнего Вишгорода. — АП, 1952, т. 3, с. 27.

¹⁵ Седова М. В., Бельенькая Д. А., Яковлева Г. Ф. Работы в Суздале. — АО 1976 г., М., 1977, с. 69.

¹⁶ Довженко В. И. Указ. соч., с. 27.

¹⁷ Тимошук Б. А. Древнерусские города Северной Буковины. — В кн.: Древнерусские города. М., 1981, с. 130.

¹⁸ Гуревич Ф. Д. Ювелиры древнего Новогрудка. — КСИА АН СССР, 1967, вып. 110, с. 20.

¹⁹ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. — Л., 1981, с. 136.

²⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. — М., 1971, с. 57.

²¹ Гуревич Ф. Д. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным. — КСИА АН СССР, 1972, вып. 129, с. 33—34.

²² Новгородская первая летопись..., с. 27, 89, 321; ПСРЛ, т. 6, с. 290.

²³ Арицховский А. В. Городские концы в Древней Руси. — ИЗ, 1945, т. 16, с. 3.

²⁴ Новгородская первая летопись..., с. 244; Арицховский А. В., Рыбаков Б. А. Раскопки в Новгороде на Славне. — СА, 1937, № 3, с. 182; Строков А. А. Раскопки Холопей улицы в Новгороде. — В кн.: Новгородский исторический сборник. Новгород, 1936, вып. 1.

²⁵ Арицховский А. В. Новгородские ремесла. — Новгород. ист. сб., 1939, вып. 6, с. 45.

²⁶ Латышева Г. П., Рабинович М. Г. Москва и Московский край в прошлом. — М., 1960, с. 102, 108, 111, 136—137; Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 744—728, 747—765, 775—778.

²⁷ Срезневский И. И. Сведения и заметки. — СПб., 1867, с. 39.

²⁸ Новгородская первая летопись..., с. 70.

²⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949, с. 20.

³⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря. — СПб., 1911, с. 121—122; Срезневский И. И. Материалы..., т. 3, с. 262.

³¹ Патерик..., с. 121.

³² Срезневский И. И. Материалы..., т. 3, с. 262.

³³ Там же, с. 116.

³⁴ Псковская судная грамота. — СПб., 1914, с. 22.

³⁵ ПСРЛ, т. 2, стб. 843.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТОРГОВОМ ПУТИ
ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ

Во времена средневековья через территорию Среднего Поднепровья проходили многочисленные торговые пути, связывавшие между собой различные районы Европы и Азии. Как отмечал Б. А. Рыбаков, уже в IX—X вв. «...русские купцы-дружинники становятся посредниками между Западом и Востоком. Центром этой торговли был Киев, город, стоявший как бы на берегу широкого степного океана, начинавшегося у Днестра и Днепра, а кончавшегося в далеких степях Монголии»¹. Одним из таких направлений были торговые связи с Поволжьем, в частности с Болгарией². Постоянство контактов привело к появлению интенсивно функционировавшего длительное время сухопутного пути Булгар — Киев, являвшегося частью трансевропейской торговой магистрали Галич — Киев — Волжские Булгары³. Маршрут из Киева в Поволжье был выбран не произвольно, а с учетом особенностей средневековых сухопутных дорог (тяготение к водоразделам) и географических условий местности⁴. Реконструируя русский участок пути, Б. А. Рыбаков выделил 10 пунктов, которые могли быть базами для отдыха купеческих караванов — Киев, верховья р. Супой, Прилуки, Ромны, Межирич, Белогорье, Гочево, Обоянь и др. (рисунок)⁵.

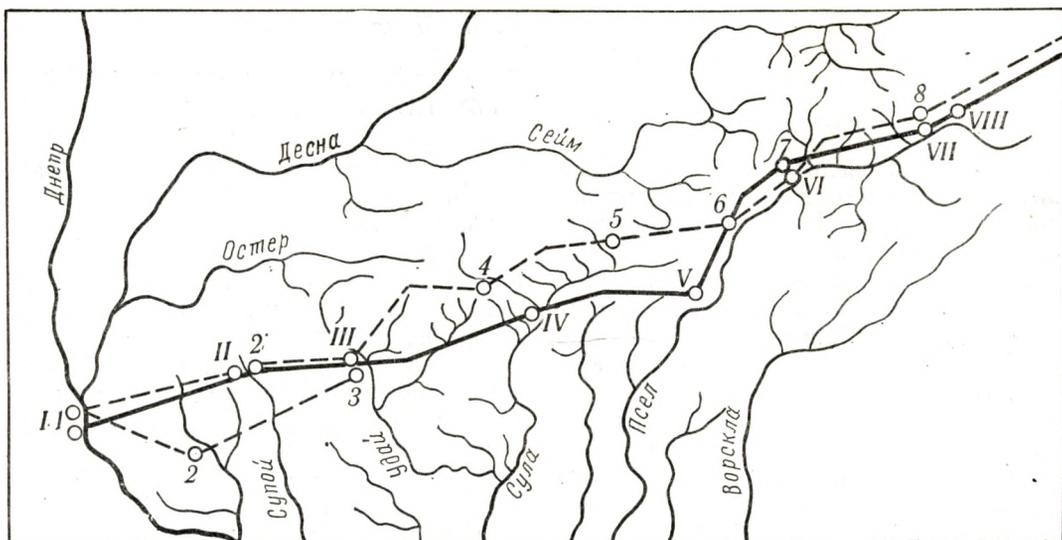
В последние годы накоплены новые археологические материалы, позволившие еще раз обратиться к этому вопросу. Несомненно, функционирование такого торгового пути в густонаселенных славянами районах должно было отразиться и в памятниках материальной культуры, тем более что из Киева на Курск по водоразделу между Десной, Сеймом и верховьями рек Супой, Сула и Псел проходила внутренняя торговая магистраль⁶. Поэтому мы вправе предполагать совпадение ее маршрута с трансевропейским на значительной части древнерусского Левобережья Днепра.

При исследовании этого вопроса необходимо помнить, что социальное лицо

любого памятника интересующего нас времени раскрывается через сумму функций, выполнявшихся им в системе древнерусского феодального государства⁷. В отмеченной части левобережной территории был проведен поиск объектов, которые были бы аналогичны археологическим памятникам на маршрутах других европейских торговых магистралей. Речь, в первую очередь, идет о памятниках типа открытых торговоремесленных поселений Восточной Европы или виков Европы Северной⁸. Отличительными топографическими чертами подобных памятников являются их расположение в сравнительно безопасных местах под защитой укреплений, значительно меньших, чем основные поселения, и наличие больших курганных могильников⁹. Такие поселения наряду с некоторыми другими укрепленными пунктами в последнее время все чаще именуют «эмбрионами городов»¹⁰.

Из пунктов, отмеченных Б. А. Рыбаковым на русско-болгарском торговом пути, сразу же привлекает внимание давно известный в научной литературе Гочевский комплекс: небольшое городище и значительное число (несколько тысяч) курганов, в которых, по данным раскопок Д. Я. Самоквасова и других археологов, были погребены выходцы из разных частей Восточной Европы, а также комплекс (два городища и курганный некрополь) у Белгородки-Николаевки. В последнем пункте в конце X в. прекращает существование Большое Горнальское городище¹¹. Жизнь продолжается на укрепленном поселении гораздо меньших размеров и на открытых селищах, что соотносится с вышеприведенными признаками своеобразных караван-сараев европейских торговых магистралей.

В интересующем нас районе Левобережья известны еще два пункта, которые можно отнести к анализируемой группе памятников. Речь идет о комплексах в с. Липовое и у хут. Зеленый Гай. В первом из них работами в доре-

Реконструкция части маршрута торгового пути из Киева в Булгар (— по Б. А. Рыбакову, - - - - - возможные отклонения):

I — Киев; II — верховья р. Супой; III — Прилуки; IV — Ромны; V — Межиричи; VI — Белгородка-Николаевка; VII — Гочево; VIII — Обоянь (по Б. А. Рыбакову). 1 — Киев; 2 — верховья р. Супой или Барышевка; 3 — Прилуки; 4 — Липовое; 5 — Терны или Городище; 6 — Зеленый Гай; 7 — Белгородка-Николаевка; 8 — Гочево.

волюционное время¹², а также исследованиями автора статьи зафиксирован курганный некрополь, насчитывавший прежде до 5000 насыпей (сохранилось свыше 1200), небольшое городище и примыкавшее к нему открытое селище, площадью до 20 га. Второй пункт, как и в Белгородке-Николаевке, представлен двумя городищами (большее относилось к роменской культуре), обширным селищем и курганным могильником в 2000 насыпей¹³. Несомненно, и эти два пункта могли быть опорными базами на пути из Киева в Булгары.

В связи с вышеприведенными данными начало маршрута межгосударственного торгового пути реконструируется следующим образом. Из Киева караваны могли двигаться до остановки в верховьях Супой. Но в связи с отсутствием здесь крупных археологических памятников возможно первой остановкой была Барышевка (летописный Баруч¹⁴), а следующая — в летописных Прилуках. В дальнейшем, по нашему мнению, маршрут отклонялся несколько к северу и, огибая заболоченную местность в бассейне Удая (несомненно, труднопроходимую весной и осенью), выводил караваны на Липовое. Следую-

щим пунктом мог быть район сел Терны и Городище, где открыты два городища древнерусского времени, а затем — упомянутый комплекс у хут. Зеленый Гай, далее Белгородка-Николаевка, Гочево и т. д. (см. рисунок). В нашу реконструкцию маршрута мы не включили два пункта — летописный Ромны, где караванам пришлось бы переправляться через Сулу, и Межиричи (здесь до сих пор не выявлены следы населенных пунктов древнерусского времени).

Косвенным подтверждением правильности такой реконструкции является синхронная датировка опорных памятников на рассматриваемом маршруте. Так, древнерусские материалы в Липовом и Зеленом Гае позволяют предполагать интенсивную жизнь в этих местах с начала XI до середины XII в. На рубеже X—XI вв. было сооружено Гочевское городище¹⁵. Этот памятник первоначально, вероятно, был основан как пограничная крепость при Владимире Святославиче (о чем свидетельствуют многочисленные захоронения воинов), а затем приобрел и торговоремесленные функции одного из опорных пунктов на торговом пути. В се-

редине XII в. на городище уже совершаются захоронения на небольшом бескурганном кладбище, вероятно, на опустевшей части площадки.

Вышеприведенные сведения о трех рассматриваемых памятниках позволяют считать, что интенсивная жизнь на упомянутых «караван-сараях» существовала около полутора столетий. Затем территория поселений значительно сократилась (на площади селища у хут. Зеленый Гай в XII—XIII вв. также хоронили умерших по христианскому обряду). Это явление не было связано с какими-то военными действиями, что подтверждается отсутствием здесь следов крупных пожаров и разрушений.

Для решения вопроса подъема и упадка упомянутых поселений обратимся к письменным источникам. Под 1006 годом, летопись сообщает о торговом договоре киевского князя Владимира Святославича с волжскими болгарами¹⁶. Вероятно, заключение долгосрочного контракта между Киевом и Булгаром и вызвало появление в начале XI в. на пути торговой магистрали стационарных населенных пунктов с многочисленным населением. Отмирание жизни на них около середины XII в. вполне объясняется политикой господствующих прослоек обособившегося в это время от Киева Владимиро-Суздальского княжества: и при Юрии Долгоруком, и при Андрее Боголюбском, и при Всеволоде-Большое Гнездо в связи с торговым соперничеством шли постоянные войны с Волжской Болгарией¹⁷. В результате этих столкновений, вероятно, и была разрушена старая система трансевропейского пути. Перебои в налаженной торговле привели в упадок «караван-сарай», ориентированные на внешние связи и в значительной степени оторванные от местной округи. Их ждала та же участь, что и аналогичные по своим функциям поселения на торговых путях в других частях Европы¹⁸.

Рассмотренные новые сведения дополняют наши знания о деталях торговли средневековой Руси с Волжской Болгарией и подтверждают справедливость гипотезы о наличии постоянно действующей сухопутной магистрали между двумя крупными городскими

центрами этих государств — Киевом и Булгаром.

¹ История культуры древней Руси. М.; Л., 1948, т. 1, с. 317.

² Толочко П. П. Про торговельні зв'язки Києва з країнами Арабського Сходу та Візантією у VIII—X ст.— В кн.: Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976, с. 3—4, 6.

³ Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев. Древности Восточной Европы.— МИА, 1969, № 169, с. 189—196.

⁴ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года.— КСИИМК, 1952, вып. 43, с. 30.

⁵ Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев, с. 194—196.

⁶ Ляскоронский В. История Переяславльской земли.— Киев, 1897, с. 258; Мауродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века).— Л., 1940, с. 94.

⁷ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX—середины XIII в.: (Методика исследования).— В кн.: Археологические памятники Лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983, с. 28.

⁸ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков.— Л., 1978, с. 138.

⁹ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 17.

¹⁰ Толочко П. П. Происхождение и раннее развитие Киева: (К 1500-летию основания).— История СССР, 1982, № 1, с. 45.

¹¹ Куза А. В. Большое городище у с. Горналь.— В кн.: Древнерусские города. М., 1981, с. 6—39.

¹² Макаренко Н. Е. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г.— ИАК, 1907, вып. 22.

¹³ Макаренко М. Короткий звіт за археологічні дослідження в Сумській окрузі за рік 1929-й.— НА ИА АН УССР, ВУАК, № 309/11; Сужобок О. В., Моця А. П. Отчет о раскопках комплексного роменско-древнерусского памятника у с. Зеленый Гай Сумского района и области (уроч. Старое Крейдище).— НА ИА АН УССР, 1983, 38а.

¹⁴ Кучера М. П. Переяславское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 123.

¹⁵ Шинаков Е. А. Население верхнего течения реки Псел в XI—XII вв.: (По материалам Гочев. археол. комплекса).— Вестн. Моск. ун-та. История, 1982, № 2, с. 90.

¹⁶ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963, т. 2, с. 69.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 548, 550, 562.

¹⁸ Петружин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города.— История СССР, 1979, № 4, с. 109, 111.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР		
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ВДИ	— Вестник древней истории	НА ИА	— Научный архив Института археологии АН УССР
ВИ	— Вопросы истории	АН УССР	— Известия Отделения русского языка и словесности
ВИВ	— Военно-исторический вестник	Изв. ОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
ВЛУ	— Вестник Ленинградского университета	ПВЛ	— Повесть временных лет
ДИМ	— Днепропетровский исторический музей	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения	РФК	— Развитие функций гончарного круга
ИАК	— Известия археологической комиссии	СА	— Советская археология
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	САИ	— Свод археологических источников
АН СССР		СА	— Советская антропология
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР	СЭ	— Советская этнография
АН УССР			

СОДЕРЖАНИЕ

<p>ПРЕДИСЛОВИЕ</p> <p><i>ТОЛОЧКО П. П.</i> ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОРОДОВ</p> <p><i>БРАЙЧЕВСКИЙ М. Ю.</i> «РУССКИЕ» НАЗВАНИЯ ПОРОГОВ У КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО</p> <p><i>ОРЛОВ Р. С., МОЦЯ А. П., ПОКАС П. М.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТОПИСНОГО ЮРЬЕВА НА РОСИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ</p> <p><i>КОЗЛОВСКИЙ А. А.</i> ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В IX—XIV ВВ.</p> <p><i>ПЕТРАШЕНКО В. А.</i> ГОРОДИЩЕ МОНАСТЫРЕК VIII—X ВВ. В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ</p> <p><i>ПАРХОМЕНКО О. В.</i> ПОСЕЛЕНИЕ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У С. ЖОВТНЕВОЕ</p> <p><i>ВОЗНЕСЕНСКАЯ Г. А., КОВАЛЕНКО В. П.</i></p>	<p>3</p> <p>5</p> <p>19</p> <p>30</p> <p>62</p> <p>71</p> <p>84</p>	<p>О ТЕХНИКЕ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОРОДАХ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ</p> <p><i>БЛАЖЕВИЧ Н. В., НЕДОПАКО Д. П., ПРОЛЕЕВА Я. Н.</i> К ВОПРОСУ О КУЗНЕЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА ГОРОДИЩАХ ИВАН И ЧУЧИН</p> <p><i>БРАЙЧЕВСКАЯ Е. А.</i> ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ О ДРЕВНЕРУССКОМ МУЖСКОМ КОСТЮМЕ X—XIII ВВ.</p> <p><i>КУНИЦКИЙ В. А.</i> ПРЕДМЕТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПЛАСТИКИ ИЗ БЕЛГОРОДА-ДНЕСТРОВСКОГО</p> <p><i>ПЕНЯК П. С.</i> К ВОПРОСУ О РЕМЕСЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ XI—XIII ВВ.</p> <p><i>МОЦЯ В. П.</i> НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТОРГОВОМ ПУТИ ИЗ БУЛГАРА В КИЕВ</p> <p>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ</p>	<p>95</p> <p>109</p> <p>119</p> <p>124</p> <p>126</p> <p>131</p> <p>134</p>
--	---	--	---

ЗЕМЛИ ЮЖНОЙ РУСИ В IX—XIV вв.
(История и археология)
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

*Утверждено к печати
ученым советом
Института археологии АН УССР*

Редактор
Л. Л. ВАЩЕНКО, Г. А. ЗАБОЛОТНЮК
Художественный редактор
И. М. ГАЛУШКА
Технический редактор
А. М. КАПУСТИНА
Корректоры
Л. В. МАЛЮТА, В. Н. СЕМЕНЮК

Информ. бланк № 7289

Сдано в набор 22.03.85. Подп. в печ. 20.06.85.
БФ 01079. Формат 70×100/16. Бум. тип. № 1.
Обыкн. нов. гарн.
Выс. печ. Усл. печ. л. 11,05.
Усл. кр.-отт. 11,54.
Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 1200 экз.
Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наукова думка»,
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия РПО
«Полиграфкнига», 252057 Киев 57, ул. Довженко, 3
в Киевской книжной типографии научной книги.
252004 Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 5-526.

ЗЕМЛИ ЮЖНОЙ РУСИ В IX—XIV ВВ.

В сборнике представлены работы, посвященные изучению различных аспектов истории южнорусских земель в IX—XIV вв. Прослежена история развития древнерусских восточнославянских городов, показаны их специфика и характерные черты. Материалы, полученные в результате археологических исследований укрепленных пунктов, сельских поселений, могильников, в сочетании с анализом письменных источников позволили осветить вопросы исторической географии, экономики и культуры населения Южной Руси, проследить историю ее взаимоотношений с соседними народами.

НАУКОВА ДУМКА

